

Дмитрий Махан

ВАРРЛА
КЕНЬ ХАЛОСА

Когда мир стоит на грани уничтожения, лишь Герои могут спасти его, преодолев сложности жизни. Тень Хаоса поведаёт о начале пути этих самых героях и расскажет, для чего они потребовались Варрле и с чем же им придётся столкнуться.

Предисловие

....С чего бы мне начать свою повесть, странник? Даже не знаю, ведь столько всего нужно рассказать, а времени у нас с тобой крайне мало. Давай сделаем так, ты расскажешь мне, что знаешь сам, а потом я поведаю тебе то, чего ты не знаешь, да и вряд ли узнаешь от кого-либо еще....

I

— Тревога!! Подъём! Все к оружию! Не пускать магов к храму любой ценой!! Они не должны пройти к воротам! Охранять жрецов ценой жизни!!

Услышав крик, усиленный благословлением Аорта, капитана храмовой стражи, молодой воин вскочил, как ошпаренный. «Да, это, пожалуй, лучшее начало дня» — подумал он, быстро надевая на себя серебряную кольчугу и прикрепляя пояс с ножнами. Значит, маги все-таки осмелились напасть на храм Первого Бога. Значит, дела совсем плохи.

— Занять посты! Олловин, охраняй Шепчущего! Грец, Марта, к главным воротам! Да благослови Вас Аорта!

Услышав приказ, Олловин стрелой помчался вглубь храма. Если Капитан дал приказ, надо подчиняться. Несмотря на юный возраст, а мальчишке всего-то 18 лет, он уже на своей шкуре проверил, что значит послушаться приказа. Ведь при невыполнении оно даже все муки у Даана покажутся райской жизнью, чем то, что ожидает провинившегося.

Шепчущий находился, наверное, как всегда, у главного алтаря храма. Олловин мчался к нему, на ходу размышляя, что же все-таки произошло. Маги. Нападение на главный храм Первого. Значит, началось то, о чем через своих жрецов предупреждал Аорта. Начались перемены в мире, и грядёт великое Зло. Значит ли это, что скоро и все жрецы, всех богов, вступят в кровопролитную и бесконечную войну с Магами, или в войну будут втянуты только жрецы Бога Жизни? Что будут делать такие, как он, храмовая стража? Пустят ли их на убой, или оставят при храмах, позволив жрецам бороться на языке магии? Столько вопросов, столько мыслей в голове, что мальчишка пропустил поворот, ведущий к алтарю. Отогнав от себя хмурые думы, Олловин все же изменил курс своего движения и забежал в помещение алтаря.

Перейдя с бега на шаг, как подобает суверенитет помещения, мальчишка медленно, тяжело дыша, приблизился к главному жрецу храма. Не дойдя до него десяти шагов, парнишка опустился на колени, и тихим голосом, чуть ли не шёпотом произнес:

— Великий, Маги напали на храм. Капитан отправил меня к Вам, для Вашей защиты.

— Знаю, сын мой. О нападении я знал заранее, но сказать не мог. Запрет Аорта мешает мне влиять на ход событий. Пойдем, ты мне действительно нужен. У тебя будет важная миссия. — полушёпотом, полускрипом произнес Шепчущий, поднимаясь с колен. После этих слов, жрец заходит за алтарь, и незаметным нажатием какой-то кнопки, открывает потайную нишу, ведущую в темноту.

— Пойдем, Олловин, время не ждет. Сейчас тут начнётся Хаос. — произнес старик, поманив юношу рукой. Страж же, беспрекословно последовал за старым жрецом, полностью доверив ему жизнь.

II

«Господин Грандмастер, жрецы поставили защитный барьер вокруг храма. Они готовятся дать отпор» — порыв мысль-речи оторвал некроманта Тревога от взора на

красоту мира с высоты птичьего полета. Грязно выругавшись, маг злобно начал смотреть вниз, туда, где располагался лагерь его воинов. «То есть ты утверждаешь мне, что даже Орден Пяти не может снять этот купол?» — в гневе ответил названный Грандмастером своему собеседнику: *«Неужели Вы, овцы паршивые, не можете справиться с кучкой фанатиков, что объединены верой к жалкому подобию Силы?»*. Ответ последовал незамедлительно. В голосе отвечающего слышалась жалость, страх и слабость: *«Д-д-да, м-м-мой господин. Покорнейше просим простить нас, но наших сил недостаточно, чтобы сломать купол в их укывище. Видимо, слишком много рясоносцев сейчас в храме. Молим Вас о пощаде, г-г-г-господин»*.

Ещё раз грязно выругавшись, некромант пнул своего скакуна сапогом, направляя его к земле, попутно раздавая приказы через мысль-речь: *«Гарри, слушай сюда. Воинов на передовую, Ордену же готовить Алтарь. Охотников отправить на поиски крупной дичи, желательно волков и медведей. У Вас на все полчаса!»*

Скакун, если так можно сказать о драконе, тем временем, жалобно взревел, но не в силах противиться воле и силе своего наездника, стал медленно спускаться на равнину. Дракон был массивным, около семидесяти футов в длину, с огромными, пусть и рваными крыльями, что своей тенью накрывали города, когда он пролетал над ними. Пасть дракона имела около трех тысяч острых, острее мечей, зубов, каждый был размером с добрый кинжал, хвост украшало навершие, чем-то напоминающее булаву. Несмотря на свои внушительные, огромные даже для драконов, размеры, эта тварь была покрыта шрамами и волдырями от ожогов. Да, быть ездовым животным у Некроманта, это не всегда хорошо. Ведь любое неподчинение всегда наказывалось, и наказывалось сильно и жестоко. Но не смотря на все свои многочисленные шрамы, ало-лиловые глаза существа всё так же пылали ненавистью ко всему живому и надеждой к тому, что когда-нибудь, маг потеряет контроль над ним и он отомстит. За всё.

Спустившись на землю, и отпустив своего «коня» на охоту, Грандмастер направился широким и надменным шагом в самый большой шатер. Широко распахнув полог, что заменял двери, вошедший легким движением руки заставил упасть на колени пятерых, что были в шатре.

— Почему защитный купол ещё стоит, Даан заведи Ваши души? Почему Вы зовёте меня, моля о помощи и пощаде? Неужели Вы не сильнейшие, и Вас пора превратить в Дворцовую Стражу?!

— П-п-п-простите, Великий, но у н-н-нас действительно не хватило сил, чтобы сломать этот купол. Мы готовы понести любое наказание, которое Вы нам вынесите. — еле выдавливая из себя слова, от нехватки воздуха в груди, прошептал один из упавших людей.

— Мы постараемся исправиться, если Вы дадите нам шанс, о Грандмастер. — прошептал другой из пятёрки.

— Что Вы прикажите, Господин? Что Вы скажете нам, наимудрейший? — сказал более крупный из всех пятерых.

Ослабив хватку, некромант стал с удовольствием наблюдать, как его маги начали жадно глотать воздух. Улыбнувшись, наблюдая мучения своих рабов, некромант ядовито-ласковым голосом произнес:

— Ладно, увальни, хватит валяться, пора действовать. Эти монахи решили, что могут противиться Моей Силе. Надо показать им, что это не так! Готовьте Алтарь, как только вернутся охотники, приступайте к формированию своего купола, чтобы меня не задело. Всё

ясно?

— Да, Господин! — хором ответили ему пять человек: — Но зачем Вам купол? Что Вы задумали? — спросил крупный Маг.

— Слишком много вопросов, Гарри. Даже для моего лучшего ученика. Тебе ещё не всё дозволено знать. Просто делайте, что Вам сказано и не задавайте вопросов.

С этими словами маг вышел из полутемной комнаты шатра и неспешным шагом направился к центру лагеря, где невесть каким способом и незнамо для чего находилась обычная дверь. Подойдя к ней, мужчина произнес пару слов на древнем языке, после чего повернул ручку и исчез в дверном проёме.

Оказавшись в центре своего тронного зала, Тревор позволил себе расслабиться. Осанка из прямой сразу приобрела вид старческой, внешностью он постарел за несколько мгновений сразу на пару десятилетий. Именно в таком виде человек, имя которого боится весь мир, предстал перед картиной с изображением портрета девушки, дворянской стати. Некромант долгое время смотрел на этот портрет, явно пытаясь найти изъяны в картине, чтобы наказать художника, но потом сдался и произнес голосом, в котором звучало чересчур много грусти, для человека его репутации:

— Я отомщу за тебя, моя милая Асуна. Всё уже началось, и пути назад у меня нет. Боги ответят за твою гибель, жёнушка.

II

— Где мы, Великий? — спросил Олловин, который шел за жрецом уже долгое время. — Куда мы идём?

— Всеми своё время, сын мой, не переживай, я всё тебе расскажу. Пока же просто наслаждайся этой красивой полутьмой. Мало кто видел красоту предков, смотри, да запоминай. Эти фрески могут пригодиться тебе.

Задумавшись над ответом главного жреца храма, юноша шёл, не видя ничего вокруг. Юноша не замечал ничего, ни фресок, ни редко попадающихся картин, с изображениями Богов и их жрецов, ни ползущих растений, что цвели даже в тьме, что царила в коридоре. *«Что же хочет от меня Шепчущий? Какие у него планы? Почему Капитан направил именно меня к нему? Я же не самый опытный страж, почему не Марта? Ведь, если Великому нужна защита, то и посылать нужно лучшего из нас. Что станет с ребятами? Смогут ли они отбиться от Магов? Почему жрец сказал, что знал о нападении заранее, но ничего не предпринял?»* — молодой человек шёл и задавал себе вопрос за вопросом, на которые ответ он дать не мог. Но его мысли прервал приглушённый грохот, от которого стены коридора пошши ходуном, грозясь рассыпаться.

— Храм пал, Олловин. — произнес жрец.

И пока старый жрец произносил эти слова, у юноши из-под ног ушла земля, накрывая его чередой видений.

«- Даан, брат мой. Почему ты помогаешь Магам? Разве их господство не несёт беды и разрешения!? Разве их война не означает, что разделившись, мы погибнем? Что ты делаешь, о глупец?!»

— *Аорта, ты, как всегда, думаешь чересчур напыщенно. Ты думаешь, что смерть ожидает всех нас, если мы дадим слабину, я же считаю иначе. Посмотри на нас. Ты, всегда был блистательным. Золото и платина всегда светились на твоих одеждах ярче звезд. Всегда был ты чересчур гордым, важным. И сейчас ты, стоишь постаревший, растерявший силы на своих любимчиков, людей, и умоляешь меня о помощи. Меня, некогда*

изгнанного наблюдать за мёртвыми. Меня, преданного брата, которого ты всегда презирал. И ты просишь сейчас у меня помощи?! Никогда! Не для того я отдал Тревору некроманту Книгу Жизни, чтобы потом помогать тебе, жалкому глупцу. Отныне ты будешь изгнан, и твоё место займу я!

— Брат, зачем ты отдал человеку книгу, подвластную только Богам? Ты забыл, чем это может кончиться!?

— Это кончится тем, что ты станешь никем! Этого мне хватит, Брат — язвительно произнес Даан. Сказав это, Бог смерти растворился в клубе иссиня-черного тумана.

— Что ж брат, пускай будет по-твоему. Да, ты прав, сил у меня осталось не так уж и много, но их хватит на то, чтобы подготовить мир к грядущему Хаосу. Пусть Вселенная будет мне свидетелем, я сделаю всё возможное, чтобы остановить это. И простит меня Отец за задуманное»

Олловина начало резко тошнить, голова превратилась в глыбу из гранита. Он не мог понять, что произошло, и что он видел. Он пытался вспомнить досконально, что же он увидел, но мысли путались с бешеной скоростью.

— Началось, Предвестник. — услышал юноша голос старого жреца. — Начало дано, теперь всё в руках героев. Ты — один из немногих, кто может изменить историю и спасти наш мир.

— К-как Вы меня назвали, Великий? — еле выдавливая из себя слова, произнес Олловин.

— Теперь Великим стал ты, и тебе решать, кто разделит с тобой твою ношу. Силами нашего Бога ты обрел бессмертие и силу. Я же приставлен к тебе в качестве учителя. Но главная задача для нас сейчас — это уйти как можно дальше. Враг очень силен, он открыл Книгу Жизни, но пока он не опытен, ты должен успеть обучиться всему, что тебе следует знать. Пойдем. — с этими словами, жрец поднял юношу с силой, которую нельзя было ожидать в его старом, морщинистом теле.

...Рассказанное тобой я знаю и видел, Странник, но что было после этого, спустя почти три сотни лет, ты не услышишь ни от кого, ведь времена были темные, злые. Каждый пытался жить, как хотел. Кто-то подался в жизнь, которая была проще, стать рабом Тьмы. Но были и те, кто боролся с ней. О них-то я тебе и поведаю. Ведь Олловин Великий был не единственным героем. Даже не самым главным, хоть и первым. Ведь четверо, что сейчас зовутся Богами, смогли восстать и победить Тревора Некроманта. Поэтому, слушай...

Глава 1

... Она пришла в себя, не помня ничего. Она не знала, кто она, не знала ни откуда. Кем была, она и подавно не знала. Она помнила дикую, невыносимую боль, а дальше темнота. Даже сейчас её тело вздрагивало каждый раз, когда она делала хоть малейшее движение. Каждая её мышца протестовала о каком-либо движении, но ей требовалось двигаться дальше. Куда, она не знала. Она просто шла за старцем, что нашёл её, умирающую, чуть живую. За тем, кто обещал ей найти ответы и дать сил, дабы жить. Старик обещал ей дать то, о чём она даже не смела подумать. Поэтому девушке просто приходилось, через боль и страдания, идти за ним...

Они шли уже около семи дней по огромному плато, которое сплошь и рядом покрывали, торчащие словно ножи, разрушенные строения. Была поздняя весна, грело солнце, но старик был укутан в плотный шерстяной плащ, точно ему было холодно.

— Ты как, идти ещё можешь? — спросил он кому-то назад — Может всё же привал? А то выглядишь ты всё так же неважно.

— Нне... не надо. Всё в порядке. Я ещё могу идти... — слова давались ей с огромным трудом, но она не могла позволить себе сдаться.

Сделав несколько шагов, девушка всё-таки не удержалась на ногах, и упала. Это было не удивительно, судя по тому, как она выглядела. Ей было, на вид, лет шестнадцать-семнадцать, ростом не выше шести футов, она была миниатюрна даже для своего рода людей. На ней было короткое, чуть выше колен, платье белого цвета. Платье было разорвано во многих местах, и почти везде потеряло свой изначальный цвет, будучи покрытое следами запёкшейся крови. У девушки были серебристого цвета волосы, что было так же необычно, как и красиво. Несмотря на то, что волосы были испачканы дорожной грязью и местами обгоревшими, они всё равно выглядели волшебно в свете весеннего яркого солнышка. Но самым удивительным в девушке были её глаза. Цвет глаз у девушки был нежно желтого цвета, с вкраплениями лилового цвета. Но даже не это удивляло старика, что сопровождал юную девушку, в её глазах. Его поражала та сила, что светилась в этом звёздном свете её глаз. Даже несмотря на то, что девушка была слаба, в глазах светилась сила и уверенность. Но помимо этой силы было ещё что-то, что пугало старика, который думал, что уже ничего не боится. И он не мог этого объяснить, но старец хотел бежать, когда девушка поднимала на него взгляд, и неосознанно отводил глаза, когда разговаривал с ней.

— С тобой точно всё хорошо? — обернулся старик, услышав, как упала девушка. — Мы можем устроить привал, если хочешь. Ты неважно выглядишь, дитя.

— В-всё хорошо. — прохрипела девушка, поднимаясь на ноги. — Нам нужно идти. Ты сам говорил, что нам нужно как можно быстрее попасть в горы.

Сказав это, необыкновенная девушка вновь потеряла равновесие и начала падать. Но, несмотря на свой невзрачный вид и возраст, старик с необыкновенной скоростью и прытью в мгновении ока оказался подле девушки и успел её подхватить, дабы она не упала. Девушка посмотрела на него удивлённым взглядом, ведь она не ожидала такой скорости от древнего, на вид, старика. Он же, посмотрев на неё, улыбнулся, и странно сверкнув глазами, сказал одно лишь слово: — Спи. — И девушка погрузилась в сон.

«Свобода... Высота... Ощущение свободы и ветра в крыльях... А потом боль... Боль... Дикая, нестерпимая боль... Люди в странных доспехах... Они стреляют в меня из

арбалетов... Они используют магию против меня... Жалкие людишки, но как же мне больно... Сети... Они поймали меня.... Нееет! Я не должна умереть ТАК! ОТЕЦ, ПОМОГ МНЕ!!!»

Девушка начала ворочаться во сне, и это начало беспокоить странного старика. Ведь его заклинание должно было погрузить её в глубокий сон без сновидений, но что-то пошло не так. Девушки снился сон, и, судя по всему, сон был очень даже не радостный...

«Пустота. Вокруг темно, непроглядная тьма окружает девушку, на столько тёмная, что ей становится страшно. И вот, среди этой тьмы появляется человек. Его окружает ореол ещё более тёмного мрака, чем то, что их окружало.

— Ты звала меня, дитя моё, и я пришёл. — произнёс странный человек.

— Т-ты? Мой отец? — заикаясь, произнесла девушка. — Но кто ты? И почему ты покинул меня?

— Кто я, не важно, раз ты не помнишь меня, значит так и должно быть. — вновь заговорил с ней незнакомец, после долгих минут молчания. — Но раз ты не помнишь КТО Я, вспомни, КТО ТЫ, леди Эллисиф.

Сказав это, странный мужчина исчез. А девушку тем временем парализовала новая порция неудержимой боли. Леди Эллисиф. Эллисиф, Серебряный Дракон. Первый и последний дракон-человек. Она была той, кто появился в мире наперекор всем правилам. Но они её убили. Её. Дракона. Они посмели напасть на неё, пока она не набрала силы, пока она была ребёнком. Жалкие ничтожества. Уничтожить. Всех.»

И с этими мыслями, девушка подскочила, несмотря на магический сон, наложенный стариком. Глаза её пылали диким пламенем, капли лилового цвета превратились в маленькие пожары, что теперь могли напугать любого неподготовленного. Старые раны, что кровоточили на протяжении долгих семи дней на теле девушки, начали затягиваться, покрываясь коркой и испуская дымок, как от горящей лучины костра. Девушка, судя по виду, была полна энергии

— Н-но как? — только и смог произнести старик.

— Молчать, жалкий червь. — резко, с гневом в голосе, ответила ему девушка. — Как ты смеешь так нагло обращаться к Дракону?

— Значит, ты всё вспомнила, — спокойно и тихо ответил старец. — Ну что же, тогда, если у тебя есть силы, можем продолжить наш путь в сторону гор.

— Зачем мне твои горы, старик? — так же гневно спросила его Эллисиф. — Ведь я вспомнила, Кто я такая. И ты мне больше не нужен.

— Ошибаешься, дитя. Я тебе ещё пригожусь. Но если ты не хочешь отомстить за то, что с тобой сделали триста лет назад, то можешь идти куда пожелаешь. Но только в горах ты можешь найти того, кто научит тебя всему, что нужно знать молодому дракону. — с трудом сдерживая улыбку, ответил он девушке.

— Тогда пойдём. — уже без тени агрессии ответила ему девушка-дракон, поражаясь спокойствию странному старику.

Так они и продолжили свой путь в горы. Девушка-дракон и странный старик, который знал и умел больше, чем показывал это на деле.

II

Старик, сидящий на каменном постаменте, устало улыбнулся юноше и приподнялся, опираясь на трость. Никто никогда не скажет, зачем этот монах ходит всегда с этим

посохом, ведь не смотря на свой возраст (а он утверждает, что ему более трёхсот лет), этот старец был полон сил, и отличался по истине атлетическим складом тела. Под белой рясой монаха бога Аорта у старика, что звал себя Шепчущий, было тело молодого воина, который не просто носил доспехи, но и умел в них не просто наотмашь бить мечом, но и выполнять акробатические трюки различной сложности. Если бы жрец Аорта не горбился, опираясь на всё тот же посох, он был бы ростом почти шесть футов, что для расы людей было крайне огромным ростом. Да и сам мужчина выглядел внушительно. Обычный жрец всегда выглядел хилым, либо упитанным человечком, что не утруждает себя физическими упражнениями, полагаясь всецело на свою веру и силу божью. Этот же мужчина был сильным не только духовно, но и физически. Как он всегда рассказывал юноше, когда тот задавал вопросы, почему его учитель так отличается от других, старик всегда отвечал, что его Повелитель, бог Аорта, желал видеть его идеальным, дабы на его плечи падёт ноша, что не по силам другим. Поэтому Шепчущему, а другого имени он уже не помнил, и пришлось тренировать не только разум, но и тело.

— Олловин, сынок, давай поднимайся — сказал старик юноше, который лежал на земле, покрытый потом. — Это не так сложно, как ты думаешь. Просто найди в себе искру, что даровал тебе Аорта.

— Шепчущий, я хочу увидеть своих родителей... Может можно отдохнуть от занятий, я навещу их, а то не спокойно мне на сердце. Не могу сосредоточиться на тренировках, хотя и понимаю, как нужно поступать и действовать.

— Сынок, я сомневаюсь, что ты сможешь их навестить. Я сомневаюсь, что они вообще живы, даже если их не прикончил Некромант, если только у Вас в крови нет частички крови Первородных. — устало улыбнулся Шепчущий ничего не понимающему парню.

— Но почему? Прошло же всего пара недель. Да и не думаю, что Некромант Тревор будет пытаться убить мою семью. А если и будет, то они укроются в одном из семейных убежищ, что защищены не только охраной, но и вековой магией. Он не в силах будет причинить им вреда.

— Ха-ха-ха, сынок, дорогой ты мой. Мы с тобой находимся в купели солнца. Тут время идёт иначе. Для нас прошло пара недель, а для остального мира прошло более трёх сотен лет. Такова обитель нашего Бога, Олловин. Поэтому, я сомневаюсь, что твои родители живы. — задумчиво произнёс старый учитель.

После этих слов, сильный с виду юноша, вдруг осунулся, отвернулся от своего учителя, и вдруг затрясся всем телом, закрыв голову руками. Мальчик просто не понимал, он не представлял, как он теперь будет существовать с мыслью о том, что он больше не увидит своих родных. Свою матушку, отца, старшего брата и младшую сестрёнку Лизу. Да, он ненавидел их, в какой-то мере, за то, что они отдали его в Храмовую стражу, но ведь они всё равно оставались его родными людьми. И Лиза, он любил свою сестрёнку. Он возился с ней с самого её рождения, помнил все её привычки, знал о ней абсолютно всё. Она была единственным членом его семьи, кто любил его так же, как и он её. Как он теперь может жить, зная, что его сестры больше нет... И парня прорвали слёзы. Он упал на землю, свернулся калачиком и плакал о своей утрате. И никто бы не смог помочь ему, не смог бы утешить или унять эту боль, поэтому его учитель просто сидел и наблюдал. Но шли минуты, и Шепчущий, понимая, что нельзя тратить время впустую поднялся и подошёл к плачущему юноше, и, наклонившись, прошептал на ухо одно единственное слово «Усни», после чего молодой воин перестал рыдать, погрузившись в глубокий сон.

Когда Олловин проснулся, его учитель всё так же сидел на камне, как и перед его истерикой и сном. Он сидел, смотрел на солнце, даже не жмурясь, и явно получая удовлетворение от яркого светила, что было в вечно ясном небе.

— Простите, учитель, я не мог принять того, что Вы мне рассказали — произнёс юноша, смотря в землю перед собой.

— Всё хорошо, сын мой. Мало кто может принять потерю своих близких безболезненно для своего разума — опуская голову от солнца, произнёс старый жрец, — Поднимайся. Пора продолжить обучение.

Когда юноша поднялся, он продолжил:

— Итак, Олловин, сконцентрируйся на том Свете, что есть внутри тебя. На той части Аорта, что хранится в твоём сердце. Вспомни о сестре своей, Лизе. Вспомни и воплоти эту память в Силу. Это то, чем наградил тебя наш Владыка. Не подведи ни его, ни сестру. Но чтобы ты понимал, что от тебя требуется, давай я тебе покажу.

И с этими словами, тот, кого величали Шепчущим, поднялся с камня и вытянул перед собой руку, ладонью вверх. Он закрыл глаза и на ладони начала формироваться яркая сфера, что светила ярче, чем солнце. Но не смотря на этот свет, она не жгла глаза, и на неё можно было спокойно смотреть, не прикрывая глаза руками и не жмурясь.

— А теперь ты, сынок — произнёс спокойным, но невероятно громким голосом, старый жрец. — Покажи мне, что ты можешь.

И Олловин повторил жест своего учителя.

Ш

«Госсссподин, мы не можем найти этого жреца. Он как сквозь землю провалился. Просстите, Мастер, мы подвели Вассс»: прозвучало в голове у мужчины, что сидел, задумавшись глядящий на огонь в камине. Он слышал донесение своего мага, но он не стал ему отвечать, потому что понимал, что дал своим ученикам поистине непосильную задачу. «Грандмастер, простите нас, мы готовы понести наказание» послышался другой голос в голове. На этот раз человек, которого называли Мастером не выдержал, злобно выдохнул, огонь в камине на мгновение вспыхнул ярче, почувствовав колебание Силы, и ответил всем своим ученикам сразу. «У Вас есть час, жалкие ничтожества. Через час я жду Вас в тронном зале. Кого не будет — пуцу на мясо собакам, а потом соберу обратно. ВСЕМ ВСЁ ЯСНО?»: последние слова, человек, что сидел в кресле, подкрепил толикой своей силы. «Да, Господин»: последовали тут же ответы. В голосах отвечающих людей чувствовались отголоски боли. Это в очередной раз доказывало то, что эти люди были учениками Величайшего некроманта.

— Даан, сучий сын, явись! — злобно прокричал человек, поднимаясь со своего кресла. — Появись, пока я добрый.

— А разве ты бываешь добрым, Некромант Тревор? — раздался голос повсюду в комнате. — Разве бывает добрым Узурпатор, поработивший весь мир? Ха-ха-ха. Как ты смеешь так разговаривать с Богом, смертный!?

— Даан, я не боюсь ни тебя, никого-либо в этом мире! — ответил некромант так же в пустоту.

— Может тогда ты сможешь говорить с тем, кого оставил непоработённым? — произнес голос с насмешкой, и перед человеком появился эльф в тёмных одеяниях.

— Я не боюсь жалких эльфийских вырожденков — сплюнул на пол Тревор. — Я не боюсь

нико...

— Тихо, человек — перебил его эльф, на глазах превращаясь в дракона. — Молчи и страшись меня, как те две расы, что до сих пор не подчинились тебе. И не подчинятся никогда. Говори, что тебе нужно, и, если я захочу, ты услышишь ответ.

С этими словами дракон начал растворяться, снова приобретая очертания эльфа. Некромант стоял, рассматривая чудесное преобразование, искрящее всеми красками мира и эфира. Он ощущал всю мощь, что была сконцентрирована в этом маленьком клочке его комнаты. Но в то же самое время, человек знал, что это всего лишь пустая оболочка, подобная его зомби, только божественного уровня, наделённая равными же возможностями для такой сущности. Тревор стоял неподвижно, пока преобразование его собеседника не было окончено полностью, и после того, как эльф стал снова эльфом, маг, презрительно фыркнув, отвернулся к камину и снова устремил свой взгляд на огонь, как несколькими минутами ранее.

— Даан, помнишь, как всё это началось? — Задумчиво спросил человек бога.

— Да, Тревор сын Раана, я помню, как ты пришёл ко мне искать силу, дабы отомстить убийцам твоей семьи. Я помню, что ты хотел мести слугам моего брата, которые убили твою жену и дочь. А к чему ты спрашиваешь?

— Дело в том, что я разговаривал со своей дочерью недавно. — произнес человек, не поворачиваясь к эльфу.

— Разве странно то, что некромант общается с мёртвыми? — иронично усмехнулся Бог.

— В том то и дело, Даан, что она жива. Да, изранена, но жива, хоть и не узнала меня. Я ощутил присутствие своей крови около недели назад и пытался найти источник. И, когда я нашёл, я пришёл в ужас, потому что не ожидал увидеть дочь.

— Ха-ха-ха, Великий Некромант и в ужасе, ха-ха-ха — рассмеялся эльф, да так, что стены комнаты задрожали от мощи, что исходила из аватара Бога. — Ищи ответы сам, это не в моей власти.

И с этими словами Даан исчез, оставив Тревора стоять в одиночестве перед камином.

Тот, кого именовали Тревором сыном Раана, стоял и думал, где, а главное, КАК добыть ответы, нужные ему, как никогда в жизни. Тогда, три сотни зим назад, он не нуждался в ответах, его разумом управлял гнев и ненависть. Он стал некромантом, чтобы отомстить, и его не волновало ничего, кроме мести. А теперь... Теперь всё иначе.

«Планы изменились. Всем быть в зале НЕМЕДЛЕННО!»: сказал маг мысленно команду своим ученикам: «У нас изменились планы». И с этими словами, маг взмахнул рукой, создавая перед собой дверь.

Тронный зал представлял из себя круглое помещение, выполненное в готическом стиле. По кругу зала, вдоль стены, стояли высокие колонны, украшенные рунами. Потолка видно не было, что означало о том, что его либо не было, либо он был крайне высоко. На отсутствие потолка указывала ещё и тьма, что была за всеми окнами всегда. В центре зала стоял круглый стол из красного дерева на кристаллических подножках. Вокруг стола стояло шесть стульев, пять из которых были придвинуты ближе друг к другу и единственный стул, больше походивший на миниатюрный, украшенный черепами и частями тел, трон, отдельно от остальных, явно указывая на его обладателя. Ну и как же в зале, что именовался тронным, без стражи. Она тут тоже была в виде жутких на вид зомби, что постоянно ходили по кругу помещения, выполняя подобие патрулирования. Помимо них в зале стояли големы, неизвестно из чего сделанные, и крайне странного вида. С телами огров и троллей у них

были бычьи, медвежьи, волчьи и изредка человеческие головы. Но основной сторожевой силой всё же можно было считать огромных змей, что обвивали каждую колонну в зале. Они были как части этих колонн, имея такой же окрас и оставаясь абсолютно неподвижными. Всё, что выдавало их — это их глаза, постоянно следящие за каждым в зале и горящие диким огнём.

— Мы прибыли по Вашему приказу, Грандмастер — произнёс человек, поклонившись вошедшему через портал Тревору.

— Да, я вижу, Гарри. Вы все верно служите мне уже более трёх сотен лет, и ещё ни разу не подвели меня. — произнёс некромант. — К Вашей же радости.

Он сел на своё место и обвёл своих учеников взглядом, явно пытаясь найти в них какие-либо изменения. Все они были одеты, как под копирку. В тёмных, уже кое-где рваных от времени, рясах, покрытых застывшими следами крови и грязи, они всё же были по-своему красивы, явно подходя ученикам некроманта. Но несмотря на это, каждый из учеников был ухожен внешне, коротко подстрижен, что говорило о гигиене человека. Каждый из них имел по персту, в котором были различные камни, которые горели в цвет, и явно говорящие о ранге ученичества. Но среди учеников, помимо их одежды, была ещё одна отличительная черта. Клеймо в виде «F» красовалось у каждого из них на левой ладони, показывая принадлежность к близкому кругу Великого Некроманта.

— Садитесь, ученики. И создайте три купола вокруг этого зала. Самый последний должен защитить и от Божественного присутствия.

— Хорошо Господин, — в унисон ответили маги. — Но позвольте узнать, зачем нам Божественная защита?

— Как всегда от тебя слишком много вопросов, Гарри. — рассмеялся чернокнижник. — Садись и делай, что сказано. А то займешь место одного из них. — И с этими словами некромант кивнул головой на голема с человеческой головой.

— Хорошо, Мастер. — заикаясь ответил маг своему учителю и садясь на своё место.

Когда все заняли свои места, пятеро учеников закрыли глаза и вытянули перед собой руки, на которых камни в перстнях загорелись ещё ярче, источая свет, что озарял весь зал. Маги начали читать слова на неизвестном, явно мёртвом языке, и при каждом такте слов, камни вспыхивали с новой силой, распространяя купол, который начал разрастаться из центра стола. Когда все три купола были установлены, маги призвали непонятных существ, каждый из которых встал позади магов, и явно использующихся для предупреждения об опасности.

— Итак, ученики. Наши планы изменились. Мне больше не нужен этот слуга грязного Аорта. Мне нужна девушка. Одна единственная девушка, и мы станем властителями всей Варрлы. Вопросы?

— Как она выглядит, господин? — Спросил самый высокий из учеников

— Белокурая девушка, лет шестнадцати на вид. Большого не могу сказать, Перрин, прошло более трёх сотен лет с нашей последней встречи.

— Как мы её найдем, о Великий? — спросил второй, который приветствовал мага, когда тот прибыл в зал.

— Я дам Вам каждому ампулу со своей кровью, но налажу на Вас запрещающие заклинания, чтобы Вы не смогли воспользоваться ею против меня, Гарри.

— Ссссколько у нас времени, Госссподин? — произнёс человек, лицо которого напоминало змеиное, что выглядело необычно, даже жутко.

— Столько, сколько потребуется, Исса. Это — Ваша и моя основная задача.

— Можно ли нам развлекаться, пока мы ищем эту девушку? — с грязной усмешкой спросил самый низкий из учеников, лицо которого было покрыто паутиной шрамов.

— Ха-ха, Купер, ты всегда думаешь только о похоти, убийствах и пытках. Ха-ха-ха, может я зря называю Гарри лучшим учеником? — взглянул Тревор на другого ученика. — Ха-ха, конечно, можно, если это поможет тебе в поисках.

— Я думаю, я задам самый важный вопрос, Учитель. Кто эта девушка для Вас? — приглушённо спросил самый обыкновенный на вид человек, которого выдавало лишь клеймо и одежда.

— Эта девушка — моя дочь, Элендил. И она мне нужна. Как только Вы мне её найдёте, я отдам Вам этот мир, поделённый на равные части, а сам займу место Нового Бога.

— А теперь думайте, как Вы добьётесь поставленной цели, — сказал Некромант уже всем своим ученикам. — а мне нужно изучить библиотеку, может найду то, что поможет нам. Кто меня беспокоит чем то, кроме как нахождением моей дочери — уничтожу и заставлю в посмертии убирать за свинотой Дааном. Всем ясно?

— Да — хором ответили ученики Тревора.

И с этим ответом некрмант исчез в вспышке портала, оставив своих учеников думать...

I

Они шли уже несколько дней, иногда останавливаясь на отдых у костра и для того, чтобы перекусить. Девушка не понимала, откуда у них появлялась еда, но этот вопрос её интересовал лишь временами, ведь всё её внимание было поглощено окружающими пейзажами. Последнюю неделю Эллисиф помнит, как в тумане. Весь их маршрут окружали древние руины, которые выглядели, как нарывы на пустой земле. Обгоревшие, оплавленные куски некогда каменных строений, торчали то тут, то там, как гнилые зубы. С висящими на них обрывками тканей, которые, видимо, когда-то были знаменами каких-то замков, сейчас же превратившимися в обрывки непонятной материи. Всё это напоминало какой-то ад на земле. Место, по которому прошли все войска всех подземных повелителей, которых разгневали смертные. Но даже это не смогло так повергнуть молодую девушку в шок, как вид огромного карьера, по краям которого можно было понять, что это не природный ландшафт, а рукотворное творение. Эллисиф порывалась узнать у старика, что тут произошло, но каждый раз получала ответ, что это уже не важно и не имеет никакого значения для неё и их целей, ради которых они проходят все эти ужасы. Она всегда прекращала расспросы, но всегда видела эти обугленные края ямы, на столько глубокой, что она сомневалась, видела она её дно, или нет. Вокруг ямы сплошь и рядом были разбросаны кости, лежавшие так, что складывалось впечатление, что их скинули откуда-то сверху, потому что они были все в трещинах, некоторые имели неровные обломы. Это всё производило ужасающее зрелище, которое надолго отпечаталось в памяти маленькой Эллисиф. Отвлекли от страшных воспоминаний её тихое бормотание старика, что шёл впереди.

— Что ты там бормочешь, старик? — спросила у него девушка.

— Ничего особенного, дитя, лишь прошу у природы помочь нам с тобой в дороге. — обернувшись, с улыбкой произнес старец. — Всего лишь прошу помощи. Ведь мы почти пришли, а добраться до конца будет сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Так куда же мы шли все эти восемь дней и семь ночей практически без отдыха? — уже более презрительно спросила Эллисиф.

— Увидишь, дитя. Осталось недолго.

— Так ответь мне, куда мы направляемся. — с напором повторила девушка, интересующий её вопрос. Но ей никто не ответил, старик опять погрузился в свои бормотания.

На вечер восьмого дня пустынные равнины преградила огромная, высотой до неба, гора. И лишь увидев её, старик приободрился, внешне у него изменилась даже осанка, и тогда он повернулся к девушке и гордо, чуть ли не властным голосом произнес:

— Мы почти на месте, осталось лишь подняться в гору.

— Теперь ты ответишь, зачем мы шли сюда? — с надеждой в голосе, спросила девушка.

— Да, дитя. Мы идём к первому твоему учителю. Он живёт на этой горе, и тебе нужно обучиться тому, что он умеет. И узнать больше о своей матери, Асуне.

— О маме? Расскажи мне о ней. — со слезами на глазах попросила Эллисиф у старика.

— Не могу, девочка моя. Могу лишь сказать, что она была принцессой. Следующей, кто стал бы королем, вернее королевой. Остальное тебе должен рассказать твой учитель.

На этом их разговор был окончен. И начался их путь вверх по горе, чтобы начать первое

обучение. Но девушка уже ни на что не обращала внимание, её мысли были полностью поглощены тем, что она знает имя своей матери, а скоро узнает и её историю. Так она и не заметила, как они зашли в кратер, образованный внутри, создающий великолепный архипелаг. Но девушка и на это не обращала внимание, ей были уже не интересны окружающие её предметы. Она шла вперед, как обычная кукла, пока не услышала голос старика, звучавший на этот раз уже позади:

— Дальше тебе придется идти одной, Эллисиф. Тот, к кому мы пришли, не очень-то жалуется моё общество. — с легким смехом произнес старец. — Иди, видишь силуэт впереди? Это и есть твой учитель.

И девушка пошла.

Он ступал плавно, чуть касаясь земли. Он не был эльфом, ведь земля под его шагом горела, даже будучи чёрным камнем. Да и смуглый оттенок кожи давал ему сходство разве что с темными эльфами, а те никогда не выходили на солнечный свет, предпочитая не вмешиваться в дела тех, кто живет на поверхности.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Неужели, ты не видишь? — подходя все ближе к ней, спросил странный эльф — Посмотри на меня внимательно, дитя, и задай свой вопрос ещё раз.

— Ты? Кто ты, ничтожество?! — прорычала Эллисиф, переходя на крик. — Говори, пока я тебе разрешаю

— Как ты смеешь так со мной разговаривать, маленькая ящерица?! — зарычал в ответ мужчина.

И в этот момент девочка поняла, КТО перед ней... Девушка видела, как из-под личины эльфа начала проявляться морда дракона. Его темно-бордовые глаза, погружённые в чёрную, как смола, роговицу, выглядели столь ужасающе, что Эллисиф невольно отшатнулась. Она видела, как эльф таял на глазах, а его место занимал огромный дракон, цвета ржавого металла.

— Теперь ты видишь, кто я такой?

— Дда, ты такой же как я. — тихо произнесла девочка, — но я все равно не понимаю, кто ты такой.

— Как ты смеешь?! Явилась в мой дом и задаёшь вопросы, на которые должна знать ответы! — зарычал ей в лицо массивный зверь.

— Все, все, дружище, успокойся, — заговорил вдруг старец, все время остававшийся в тени скалы. — Это твоя новая ученица, Ишшоадерсансандар. Прими ее и обучи всему, что умеешь.

— Как ты смеешь?! Ты?! — рёв ярости и боли сотряс, кажется, всю землю — Как ты посмел прийти сюда?!

— Успокойся, друг. Самому это не по нраву, но обстоятельства...

— Я не намерен учить никого, кого мне приводишь Ты! Особенно какую-то девчонку!

Прорычав это, ржавый дракон махнул лапой в сторону девушки, и та, с испуганным криком испарилась. Шли мгновения, когда дракон и загадочный старик сверлили себя взглядами, время как будто остановилось вокруг них. Вокруг змея начал подниматься смерч из грязи, камней и чистого пламени. Но старика это нисколько не пугало, он все так же стоял твёрдо на ногах, не отводя взгляда и даже не моргая.

— Я не какая-то девчонка!!! Я — леди Эллисиф, дочь дракона Асуны и Мага Травора! И я имею право на обучение у тебя, потому что я — твоя королева!!! — прервала их

противостояние девушка, появившаяся меж ними также внезапно, как и исчезла.

— Видимо, придёт, мой старый друг. — произнес старик, отворачиваясь от дракона, намереваясь отойти обратно в тень. — Видимо, у тебя нет выбора.

— Именно этого я и добивался — величаво прорычал дракон, наклоня голову в поклоне. — Слушаюсь, моя госпожа. Мои знания отныне Ваши знания...

II

— Госсподин, мы не сможем доставить Вам девочку, которая связана с вами кровью... Она находится на плато Тамо у древнейшего дракона...

— Гарри, сын простолюдной свиньи! Неужели вы, отбросы, испугались какой-то ящерицы с крыльями? — тут же прозвучал ответ человека, к которому обращался Гарри. — Вы, кто поборол смерть, решили отступить от какого-то дракона?!

— П-простите, милорд, но мы не в силах справиться с ним... Он же Древнейший. Первый из первых.

— Бесплезные отребья, — со злобой в голосе произнёс Тревор, — Пошёл вон отсюда, сын простолюдья.

И тот, кого некромант назвал Гарри, вышел из комнаты.

Грандмастер Тёмных искусств прошёл от стола, у которого стоял во время разговора, к книжному стеллажу. Тревор стал изучать книжные полки, в поисках нужного трактата. *«Даан тебя побери, где же ты? Неужели даже в этой библиотеке не найдётся нужной книги, чтобы узнать, как побороть тебя, Ишшоадерсансандар?»* Некромант изучал глазами книгу за книгой, ища хоть единственное упоминание о такой сущности, как Древний дракон, но так и не мог найти. Но такой человек, как он, не мог просто так сдаться. Он бы себе такого не простил. Ведь желание увидеть ту, в которой он узнал дочь, было на данный момент превыше всего, что его окружало. Не найдя нужной книги, Тревор вернулся к своему массивному креслу, что стояло возле камина, и, налив себе в кубок вина, упал в него, погрузившись в раздумья о том, как воплотить свои планы в жизнь.

Смотря в истинную природу пламени камина, сын Раана размышлял о том, что скорее всего ему не одолеть Ишшо, ведь он помнил, что в книге жизни этот змей описан, как самый первый и самый могущественный из драконов. Так же в книге было описано, что это существо не одолеет никто. Ведь самый могущественный герой того времени смог только отколоть одну лишь единственную чешуйку с его шкуры, потратив на этот удар всю искру своей жизни. И тут его осенило. «Купер, ты мне нужен. Даю тебе право зайти в мои покои, нам нужно поговорить.»- воспользовался мысль-речью некромант. Ответ последовал незамедлительно. Звучал он стуком в дверь.

— Входи. — сказал Тревор.

— Вы звали меня, Учитель? — приоткрыв дверь, спросил один из пятёрки протеже некроманта.

— Да, заходи Купер. Присаживайся, мне надо тебе кое-что сказать. — с этими словами Тёмный щелкнул пальцами и напротив его кресла появилось ещё одно, но более скромное.

Ученик некроманта прошёл в комнату и послушно уселся напротив своего учителя, не смея слушаться. Щуплый, на вид молодой парень сидел, вжавшись в кресло, его тело покрывала мелкая дрожь ужаса перед некромантом. На нём все так же был серый, рваный и грязный плащ, из-под которого выглядывала чистая туника, которая шла в разрез с видом плаща. Руки, что виднелись из-под туники, были покрыты странными, непонятными узорами. Пальцы были обожжены, что говорило о том, что человек практиковал огненную

магию, или же баловался с живым пламенем. Но, не смотря на его внешний вид и явное увлечение тёмной магией, под плащом человек носил массивный ятаган. Но как бы то не было, он всё равно боялся своего учителя.

— Что вы хотели обсудить со мной, Грандмастер? — спросил протеже своего учителя.

— Помнишь ту книгу, что дал мне Даан триста лет назад? — спросил Тревор своего ученика в лоб.

— К-кконечно, Учитель. П-ппомню. Это с-страшная книга, даже для нас, Ваши учеников.

— Ха-ха, Купер, ты не перестаёшь меня удивлять. Перестань дрожать, будто ты крыса перед кошкой. Тебе не обязательно её брать в руки. Всё, что от тебя требуется — найти труп одного ничтожного человека, который был описан в этом трактате. — со смехом произнес некромант.

— Кого, о Великий? — давя дрожь в голосе, спросил младший некромант.

— Того, кто смог отколупать чешую с одной замечательной змейки. С Ишшоадерсансандара. Мне позарез нужно это тело.

— Я понял, для чего он Вам нужен. Дайте мне сутки, я достану Вам тело.

— Сутки, не больше. А теперь проваливай. — голосом, не терпящим возражения, сказал Тёмный маг.

И его ученик не посмел ослушаться. Сразу после этих слов, поклонившись, он сделал пасс рукой и растворился, оставив после себя запах серы для своего учителя.

Ш

Олловин сидел на камне, смотря на поднятое умертвие. Уже какой день подряд он не мог понять, откуда взять Силу, чтобы упокоить его. Шепчущий говорил ему, что Сила — это то, что ему даётся Аортой за чистоту души и благие намерения. Мальчик понимал это умом, но никак не мог прочувствовать эти слова сердцем. У него не шло из головы то, что его учитель, величайший из жрецов светлого бога, поднимал трупы, как заправский некромант. Он не понимал, как тот, кто посвятил жизнь Свету делает то, на что, по его мнению, способна лишь Тьма. Это пугало его и отталкивало.

Но, не смотря на все его страхи, ему нужно было справиться с заданием, что дал ему Шепчущий. Ведь от этого зависела его миссия, как избранного богом. Олловина называли глупцом, наивным, неумехой с самого первого дня в ордене, но он никогда не держал ни на кого зла. И тут, во время нападения на храм, его нарекли Избранным.

«Господи мой, Аорта, прости меня, я слаб. Я не могу справиться со страхом того, что, научившись всему, чему меня учит Шепчущий, в моём сердце появится Тьма. Так каким же тогда Избранным я буду? Помоги мне, подскажи, что делать и как поступить»

Но ответа молодому парню так и не последовало. За то, он услышал другие слова и от того, от кого не ожидал.

«Юноша.» — услышал Олловин чей-то голос в голове. «Ты слишком юн, чтобы задумываться о таких материях, как Свет, или Тьма. Но я могу рассказать тебе то небольшое, что не нарушит великого баланса Вселенной. Как бы тебя не учили с момента, как твоя душа обрела телесную оболочку, но Тьма есть Свет, а Свет есть Тьма. Это две стороны одного лезвия меча. Меча, который ведёт извечную борьбу с первозданным Хаосом. Ведь и Свет, и Тьма несут порядок, который претит Хаосу. Хаосу, который пытается уничтожить всё то, что

создано и упорядоченно. То, что несёт нечто иное, независимое от хозяев хаосистов. И тебе предстоит борьба не с Тьмой, как тебя учат, а с порождениями Хаоса. Так что учись всему. Ведь лишь порядок поможет тебе там, где царит вакханалия.»

— Кто ты? — испугано вскрикнул юноша.

«Кто я — не важно. Лишние знания могут погубить тебя и ту ношу, что ты несешь.»

— продолжил тот же голос. «Всё, что я мог, я сообщил тебе. Не бойся поддаться Тьме. Тьмы не существует. Как и не существует и Света. Существует лишь Порядок и Хаос. Остальное — всего лишь разные понятия одного и того же. И только тебе решать, бороться или сдаться. Так что решай, Олловин сын Танора. От тебя зависит судьба миров.»

И ощущение присутствия пропало с последними словами, что прозвучали в голове Олловина. И юноша понял, осознал смысл всех слов, которые он слышал в своей голове. Как будто до этого момента он спал, а теперь проснулся. Всё вдруг встало на свои места. Он не мог понять, почему так, но теперь мальчик ощущал пламя Силы в себе. Он знал, что способен не только создать искру на ладони, а мог создать Первоначальный Огонь вокруг своего тела.

Вытянув перед собой руку, Олловин сосредоточился и на ладони у него появилось пламя. Белоснежное, холодное пламя стало обвивать его ладонь, поднимаясь всё выше, пока не добралось до плеча. Усиливаясь с каждым ударом сердца молодого парня, пламя всё явнее обретало форму живого щита, окружая его руку сплошным покрывалом. Холодный огонь светил так же ярко, как солнце, но несмотря на это, взглядевшись в его суть, можно было обнаружить, что в основе этого пламени была Тьма. Тьма, которая считалась противником Света. Так его учили, но именно она помогла ему воссоздать ту искру, о которой говорил ему учитель.

— Молодец, мальчик мой! — воскликнул, выходящий из своей кельи тот, кого называли Шепчущим. — Я доволен тобой и твоими результатами. Но ответь мне на один лишь вопрос. С кем ты тут разговаривал?

I

Некромант стоял у стола, склонившись над толстой книгой в твёрдом переплёте. Как бы хорошо Тревор не знал некромантию и тёмную магию, но секрет воскрешения трупа с памятью ранее живущей в ней души был сокрыт в трактате, который так старательно изучал сын Раана.

Трактат, именуемый Книгой Жизни, пугал и самого могущественного некроманта всех времен. Тревору казалось, что книга живая. Каждая страница дарила ему крики страданий и зловоние разлагающейся плоти. Каждое слово несло в себе часть души существа, которому была посвящена страница, на которой находилось слово. Так страницы о оборотнях выли, ощущался запах слюней, что текли с пасти чудовища, а страница становилась мягкой, будто покрывалась шерстью.

Но, как бы не было не по себе, Тревору необходимо было найти информацию. Информацию о герое, что сражался с Древнейшим драконом. О том, кто смог нанести ему какой-никакой вред. И некромант продолжал листать страницу за страницей, ища нужный текст. И тут он остановил перелистывания, ведь на него со страниц вдруг посмотрел рыцарь в латах, стоящий напротив огромного чёрного дракона. На страницах не было ничего. Ни слова, ни звука. Тёмный маг задумался, ведь такого не было никогда. Он провел пальцами по изображению, и тут в голове зазвучал голос:

«Он был величайшим из великих. Человек, в крови которого была частичка крови перворожденного. Рождение от бессмертной девы позволило ему носить гордое имя перворожденного. Мать-эльфийка нарекла его Аэгрон, что значило «злое пламя». Видимо, его имя и определило его судьбу. Родившись на земле эльфов, он стал изгоем среди первого народа в мире, поэтому в юном возрасте он сам ушёл в монастырь бога Аорта. Обучение давалось ему слишком легко, кровь эльфов и желание доказать им свою значимость дали свои плоды. В юном возрасте он получил титул главного мага-инквизитора. Аэгрон был величайшим магом современности, а возможно и последующих лет, ведь с его владением святостью и пламенем могли соревноваться разве что боги и драконы. Полуэльф одним взглядом умудрялся сжигать целые деревни тех, кто отверг Богов и продался Хаосу. Аэгрон зрел дальше, нежели другие. Он был любимчиком пантеона и гнезда летающих. Его искусство, именно искусство, а не простое владение магией, сделали его подобным Богам. Его почитали и уважали все народы, и даже перворожденные, те, кто изгнали его, склонили головы перед его могуществом. Но не смотря на свою силу, Аэгрон никогда не рвался к власти. Его устраивала роль палача веры. И именно из-за его выбора он развился не только духовно, но и физически.

Высокий, статный человек издали напоминал высокородного эльфа, но, в отличие от них, был развит физически. Широкий в плечах, Аэгрон имел крайне массивный торс, который всегда покрывала тяжёлая пластинчатая кираса, что шло в разрез с его ролью при храме. На спине он носил не привычный для магов посох, а тяжёлый, двуручный меч, изголовье которого окрашивала морда дракона. Говорят, инквизитор держал меч одной рукой, но такой памяти мои создатели не сохранили.

Прожив на свету семьдесят лет, Аэгрон устал нести бремя жизни. Но кровь эльфов не давала ему умереть в таком возрасте. Поэтому, он принял единственно верное решение,

которое видел. Он отправился к тому, кого считал своим другом, к Ишшоадерсансандару, дабы тот прервал его существование. Ведь оборвать жизненный путь столь сильной души был способен лишь сильнейший, равный этому герою.

Древнейший дракон предложил ему пари: если его друг сможет нанести ему хоть какое-то повреждение, то дракон сохранит искру его души и позволит ей переродиться в будущем.

Аэгрон согласился с таким условием, и стал фокусировать всю свою Силу, всю свою душу, на остриё меча, дабы нанести урон этому бессмертному, даже по меркам драконов, существу. И он ударил. Последнее, что запомнил герой — отколовшаяся чешуйка на груди дракона. Так он и упал, улыбаясь тому, что смог ударить и нанести вред своему другу.»

Вместе с этими словами всё тело некроманта обожгло нестерпимой болью. Тревора скрутило от боли, ему казалось, что через тело проходят миллионы молний разом. Он боролся, как мог, пока эти убийственные ощущения не отпустили его. Тревор понял, что это — ощущения Аэгрона, что передали ему слова из книги.

Когда он справился с порывами боли, Тёмный маг попытался осознать то, что сейчас поведала ему книга. Герой был дружен с тем, у кого сейчас его дочь. Чтобы нанести урон дракону, человек пожертвовал жизнью и большей частью души, осколок которой должен был переродиться.

«Значит... значит всё бесполезно. Если такой человек, как Аэгрон смог отколоть его чешуйку только с разрешения самого змея... Неужели, всё?» — подумал Тревор. Но он не успел продолжить его мысль, как его прервала мысль-речь его ученика:

«Грандмастер, я нашёл тело. Но есть одна проблемка.» — сказал ему Купер. «Какая еще проблема, трупный червь тебя сожри?» — с нескрываемым гневом в голосе заорал на своего ученика некромант. «П-простите, Учитель... Н-н-но мне не достать его тело. Оно находится у Ишшоадерсансандара». И тут некроманта покинули силы. Этот паршивый змей мало того, что отнял у него дочь, так ещё и тело человека, что ранил его, тоже находилось рядом с ним... Некромант не знал, что ему дальше делать...

Его размышления прервали звуки пяти открывшихся порталов.

II

В пустотах горы, в образовавшемся кратере было прохладно. Стены кратера, ровно, как и пол, были покрыты базальтовой коркой. Эта корка, вероятнее всего, появилась из-за необычного дыхания владельца данной горы. По всем стенам искусственной пещеры виднелись проемы. Со стороны это выглядело, как каменный сыр, ведь таких нор было крайне много, и находились они по всей стене, от пола до самого верхнего края стены.

И сейчас, по пустой площади этого кратера шагали двое. Девушка-подросток, и высокий тёмный эльф. Эльф, не смотря на свое происхождение, ступал крайне тяжело, оставляя следы на столетнем камне, проминая его, как будто это был не крепчайший минерал, а масло из молока. Но, не взирая на такую несостыковку, пара шла и о чем-то беседовала...

— Что ты знаешь о драконах, моя королева? — прозвучал вопрос эльфа, отдаваясь эхом под сводами пещеры-кратера.

— Ничего, если честно. Я ощущаю пламя внутри себя, но я ничего не знаю о себе и своём роде. — ответила на вопрос девушка, шедшая рядом. — Но я хочу узнать о себе и своём народе больше. Поведай мне, Ишшоадерсансандар.

— Можно просто, Ишшо, моя королева. Я расскажу тебе всё, что знаю. Только позволь я тебе покажу одну вещичку.

С этими словами лицо эльфа начало преобразаться. Всё лицо мигом покрылось рябью, которая постепенно стала превращаться в серую дымку. Полыхнуло пламя, дымка превратилась в чёрный дым, из которого стали проглядываться очертания морды зверя. Большие ноздри стали выдыхать пары серой дымки, которая ранее покрыла голову тёмного эльфа. Сквозь дым стал виден ореол глаз, которые светились ярко бордовым светом. Девушку напугала та скрытая ярость, что скрывалась в этом взгляде. Но она не успела сделать даже шага в сторону, как услышала грозный рёв существа, что скрывал дым.

— Грушшак, явись! — прорычал дракон рядом с девушкой. — Явись на свет и яви нам Аллори!

С этими словами от стены пещеры отделилась тень и стала опускаться, паря в сторону шагающих. Спустившись и коснувшись земли, тень стала обретать жуткую форму. Бледно-серый силуэт окутывала куртка из чёрной кожи. Рваная, затертая куртка была покрыта следами засохшей крови. Из-под рукавов выглядывали такие же бледные руки, ладони которых оканчивали уродливые, длинные когти. Проявившуюся морду было трудно назвать лицом. Неестественно огромный рот, разрез которого шёл от уха до уха, был украшен большими, острыми клыками. Глаза были покрыты пеленой, которая создавала видимость слепоты существа на полу.

— Я явился на твой зов, Ишшоадерсансандар. — прошипело существо. — Приветствую и тебя, Королева.

— Отдай ей Аллори и скройся. Ей ещё рано знать о тебе и твоём, и не только, существовании. — мелодичным голосом произнес дракон в образе эльфа.

— Глупый драконишка. Забыл, чтоль, что в этой форме ты не обладаешь и десятой своей силой? — произнесло существо, растянув свой уродливый рот в подобии улыбки.

— Вампир, ты забываешься! — не своим голосом взревел дракон в образе эльфа. — Пред тобой сейчас находятся два Величайших дракона. Королева и Древнейший!

С этими словами, Ишшоадерсансандар взмахнул рукой, в которой материализовался меч, и проткнул склонившееся в поклоне существо насквозь.

— Серебро, как же оно жжёт меня. — прошипел вампир. — Но ты, как и я, знаешь, что оно не смертельно. Немного неудобно и всё. Остальное переживётся. Но я тебя услышал. Древнейший, Аллори должна быть отдана владельцу.

Произнеся последнюю фразу, Грушшак вонзил лапу себе в грудь, и без единой эмоции, что указывала бы на неприятные ощущения, стал рыскать в своём теле. Найдя искомое, он вытащил ладонь на свет, и, преклонив колено, протянул находку двум драконам.

— Эта вещь по праву принадлежит Вам, госпожа.

Эллисиф взяла блестящую вещь из лап вампира, испытывая явное отвращение к этому существу. Поднеся руку поближе к лицу, девушка увидела, что же она взяла в руки. Это был большой составной браслет, каждое звено которого было похоже на чешуйку дракона. Внутри каждой чешуйки играло причудливое пламя, однако браслет был чересчур холодным, даже для металла. Вглядываясь в пламя чешуек, девушка-дракон видела причудливые картины. Битвы, полеты, пламя драконов, всё это было ей так знакомо, но в то же время она не знала, что это за картины. История или наваждение, вызванное магией. Но, как бы то ни было, она не могла оторвать взгляд от чудного браслета.

— Это — браслет Вашей матери, леди Эллисиф. — произнёс Ишшо печальным

голосом. — Он — хранитель истории рода и королевской силы.

— Значит, картины, что я вижу — это не магия? — удивилась девушка.

— Магия. Магия памяти. Пойдемте, госпожа. Пора начать Ваше обучение. А ты Грушшак, оповести своих. Королева вернулась и сейчас ей нужна охрана.

— Будет сделано, Древнейший. — прошипел вампир. — Ни одна душа не пройдет мимо моего рода. Ежели я буду нужен Вам или королеве, вы знаете, где меня искать. — и с этими словами тело вампира вновь обратился в туман и исчез в направлении стены, откуда недавно он спустился.

— Прошу сюда, моя госпожа. — проговорил эльф, указывая в сторону одного из углублений. — Я покажу Вам вашу келью и учебные залы. Нам предстоит много работы.

И с этими словами, двое людей отправились в сторону одного из проходов в стене, куда ранее указал эльф-дракон. За ними, как и ранее оставались следы там, где ступал тёмный эльф, показывая то, что даже перевоплотившись, он оставался драконом.

I

Олловин уже несколько дней практиковал магию огня. Огонь привлекал юношу, ведь пламя несло Силу. Силу, о которой постоянно говорил его учитель. Пламя, создаваемое юношей, поражало своей чистотой и силой. Жар, даримый этим пламенем, расходился по телу юноши, проникая все глубже в самую душу Олловина.

Но с каждым ударом сердца, мальчик осознавал, что Свет — не столь чист и правилен, как его учили с самого детства в монастыре, и что Тьма — столь же открыта для добрых дел, как и её другая сторона. Каждое мгновение, что он ощущал суть тьмы первородной, становилось откровением для юноши, которого всегда обучали бороться со Тьмой во имя Света. Но теперь Олловин не боялся этой темноты. Закрыв глаза, юноша шагал всё дальше, в глубь себя, чтобы открыть двери своей внутренней тьме, которая в нём была.

Молодой воин вспомнил, как таил ненависть к своей семье за то, что его отправили в услужение в Храм. Являясь младшим сыном дворянской семьи, семья вынуждена была отправить его в храм Аорта, и благодаря деньгам своих родителей, он попал в главный храм. И Олловин ненавидел свою семью за это. За то, что даже в такой ситуации его семья решила показать власть денег в их мире. Осознав и приняв свою ненависть, юноша заметил, что Тьма стала ярче, поглощая всё больше Света в нём. Но светлое начало отнюдь не стало тускней. Глядя внутри себя, Олловин видел всю Тьму и мрак, что заполнили его душу. И среди этого темного океана виднелась яркая серебристая звезда, что озаряла всё вокруг себя, превращая тьму вокруг себя в серое облако.

И с каждым воспоминанием эта серая идиллия Тьмы и Света росла в юноше. Каждая злая эмоция, каждое плохое воспоминание или мысль, всё плохое увеличивало этот баланс сил юноши.

— Мальчик мой, ты нашёл свой путь? — услышал Олловин голос Шепчущего.

— Великий, я просто осознал, что Тьма и Свет — это единое целое, созданное для борьбы с единственным врагом — Хаосом. Разве это путь силы?

— Забавное изречение ты сейчас произнес, сын мой. Разве Свет истинный — тоже самое, что и Тьма? Разве ночь может быть днём? Тьма — есть Тьма. Лишь во Тьме рождается всё зло нашего мира. Кто запудрил тебе голову, юноша? С кем ты беседовал не так давно? Уж не с самим ли Даану? Лишь он в силах склонить во Тьму сына Света.

— Не с Даану я беседовал, Шепчущий. Но было дано мне озарение, что скрывалось жрецами Аорты от всех. Ведь именно вы, связанные с Богом, учили храмы тому, что Тьма — это зло. Именно вы, Шепчущие, учили воинов, таких, как я, тому, что мы призваны Богом для борьбы со злом. Расскажите, мне, Великий, что же за тайну вы скрываете от всего мира?

— Тайну? Позволь я расскажу тебе её, настырный мальчишка. — зло произнёс Шепчущий, поднимая левую руку в сторону юноши.

С руки служителя Аорты сорвалась яркая молния. Она устремилась в сторону опешившего юноши, который никак не мог понять, почему его учитель поднял на него руку. Но чем ближе к нему была молния, тем больше уверенности в своей правоте ощущал юноша. Олловин отступил на пару шагов, и почувствовал позади себя камень, что стоял в центре их полянки. Осознав, что дальше отступать некуда, юноша закрыл глаза, готовясь принять смерть. Но вместо этого в сознании мальчика возник образ величественно выглядящего

рыцаря, в латном доспехе храма Аорта. Но не смотря на принадлежность к рыцарям Света, рыцарь оборонялся Тьмой. Подняв огромный меч перед собой, рыцарь создал барьер из паутины Тьмы, которая поглотила десяток стрел и огненных шаров, что летели в него. И Олловин решил повторить его действие.

Юноша сделал шаг вперёд, вытащил из ножен свой меч, полученный ещё во время службы в храме, и направил его в сторону летящей в него стрелы. Заглянув, как немногим ранее, внутрь себя, Олловин взирал на Тьму и Свет, пытаясь почерпнуть всю их силу разом. Но ему откликнулась лишь Тьма. Тьма обняла его нежными объятиями, согревая тело и душу, как любящая мать, давая понять, что защищает его. Открыв глаза, мальчик увидел то, что заставило его содрогнуться от неожиданности.

От острия его меча в разные стороны шли сполохи непроглядной темноты, образующие сплошную стену, что не пропускала ничего. Даже то, что находилось за ней, стало незаметным. Олловин больше не видел ни учителя, ни молнии, что летела к нему. Но он ощутил то, как стрела попала в этот щит Тьмы. По полотну Тьмы прошёл сполох, как по глади озера идёт рябь, когда дует ветер, но это попадание даже не оставило видимого следа на щите. Однако, после атаки, Тьма стала уменьшаться в размерах, возвращаясь к острию меча и превращаясь в клуб яркого белоснежно-серебряного света.

— Это... Это невозможно! — вскрикнул Шепчущий. — Это богохульство! Из Тьмы не может появиться Свет! Я уничтожу тебя, порабощённый!

II

Шли дни безмятежного существования девушки в лоне вулкана, но обещанного обучения так и не наступало. Ишшоадерсансандар, дракон-учитель, куда-то улетел, а вампиры не отвечали на её зов. Ровно, как и подаренная реликвия её матери. Она более не видела тех картин, что были раньше, браслет молчал, оставаясь холодным. Эллисиф никак не могла понять, почему браслет стал жгуче холодным, но это изменение её пугало своей неизвестностью.

Не видя никаких более вариантов проведения своего времени, девушка стала изучать то место, куда она попала. Вулкан кишел различными пещерами, которые и решила изучить девушка-дракон. Многие туннели, переплетаясь между собой, в конце концов выводили обратно в главный зал, в котором девушка познакомилась со своим учителем. Но были и такие, которые оканчивались такими же залами, но меньшими размерами. В одном из таких залов Эллисиф обнаружила стеллажи со старинными книгами. Изучая их, девушка узнала более о мире вокруг, о истории становления Богов и падения рода драконов. Читая историю, девушка не могла понять, почему её учитель не вмешался в великую битву между людьми, эльфами, гномами, Богами и Драконами. Но Ишшоадерсансандар так и не вмешался в эту битву, хотя уже тогда он считался сильнейшим существом в мире. Этот вопрос не давал девушке покоя. Она днями искала ответ на него, но нашла нечто иное. Девушка нашла книгу, написанную на известном языке. В тот день Грушшак впервые после их знакомства ответил на её зов.

— Вы должны сами понять смысл данного манускрипта, о королева. — прошептал вампир. — Я не могу Вам помочь, но всегда рядом. — И с этими словами, он испарился в тумане вновь.

Спустя несколько попыток, девушка решила передохнуть. Девушка легла на кровать, и

быстро уснула. И во сне она увидела текст, смысл которого не могла понять:

«Kroiagtdaerluidieproiiedurrwtvioiiennaerbpoiacgoiwvi, mrrl —
tdeirrtieHaoisaerwvioiiedeirmrrwviseirierrierra, nnaerprrraerwviaerhahaoizzayAiewvi.
Oitdnnaerkroi, srtoiiortoipraersaerrt'sayAluiitdeirie, wvieird' wvinnieha,
proimrroiswvieirraeriert'mrrl, wvinniehaeirsrt' iecaersrtieckraerHaoisaer.
IemrrmrreirnnnoiproirtelcrtoimrrursrtoiiertbpIrt' oisrtoirraoizhknImrriesnmiemrrie.
ayA — Ieshrshroiaertdeirrrasaernntdeirrra, prrraoirraoicurracgiebpeirl'
kroirraoileirwviIoirtraurrkrluiitdeirie. NnoibplaeracgoitdaerrraayAHaaeroisurr
tdiertayAeireiroisrtaernneirrts'ayAzhkiewviaer. NnoimrrInneirmsrroizhkeirmrrwvilielayArt'
nnaernneireir, wvieird' oinnaersrtaernneirrt...»

Девушку влѣк текст, смысл которого она не могла понять. Единственные слова, которые она понимала, были привычные Хаос и имя её учителя, Ишшоадерсансандар. Лишь эти два слова бросались в глаза юной королеве. Она пыталась понять смысл этого текста, что содержал в себе манускрипт, но не могла найти не единого способа, дабы разобрать текст, что виднелся пред глазами. Потратив на попытки осознания текста несколько долгих дней, Эллисиф не выдержала, отбросила книгу на угол стола, что стоял у неё в келье, и прокричала в пустоту:

— Грушшак, приди на мой зов! Мне нужны ответы!

Сразу после этих слов, перед девушкой появился мастер-вампир, слуга древнейшего дракона.

— Вы звали меня, госпожа? — произнёс вампир на столько близко к девушке, что та вздрогнула от неожиданности.

Но девушка быстро пришла в себя. И её окутала внутренняя ярость, что поглощала всё её естество. Ярость от того, что за ней следили, как за глупым ребёнком. Что, являясь королевой, с ней обращались, как с никому не нужной рабыней, держа в неведении. Девушка развернулась и отмахнулась от вампира рукой. Но несмотря на то, что девушка не задела Грушшака, его отбросило к стене кельи. На Грушшаке виднелись глубокие порезы на груди, в том месте, где у живых существ находится сердце. Порез был столь глубоким, что было видно пожелтевшие от времени, в некоторых местах обломанные, кости. Но несмотря на это, вроде бы серьезное, повреждение, вампир спокойно поднялся и принялся отряхивать невидимую пыль. Рана на груди стала затягиваться на глазах, и это ещё больше разозлило девушку.

— Ты что!? Следил за мной!? — в гнев зарычала девушка, которая внешне уже напоминала дракона. — Как ты посмел, ничтожество, следить за мной!? Отвечай, раб! Где Ишшоадерсансандар!? И что это за книга!? Отвечай, иначе я разорву тебя на части, и буду рвать, пока ты не сдохнешь, гнусный вампир! — и, с этими словами девушка указала своим призрачным когтем в сторону стола.

— Моя г-госпожа — с дрожью в голосе, весь трясясь, произнёс вампир. — Я н-не могу знать, куда улетел о Древнейший. Не гневайтесь, Королева. Что же касается манускрипта... Это — единственное пророчество, что дал Ишшоадерсансандар на заре мира. И написано оно на языке драконов. На Вашем языке, о леди Эллисиф.

— Но я не знаю его! — всё так же крича, но уже без ярости в голосе прокричала девушка.

— Ответ сокрыт в подарке Вашей матери. Предвещая Ваш следующий вопрос, отвечу: он повинуется крови, Королева. — с глубоким поклоном произнес Грушшак. — Ежели Вас

больше не интересуют вопросы и не приятно моё общество, разрешите мне покинуть Вас.

— Да, ты свободен. — властно и уже спокойно произнесла девушка.

После этих слов, вампир исчез в воздухе ровно так же, как минутой ранее появился.

«Повинуется крови... Что же это значит?» задумалась девушка. Она стала измерять келью шагами, ходя из угла в угол. Её мысли хаотично бегали от слов вампира к осознанию того, что в гневе она превращается в дракона, пускай и призрачного. В дракона, что может наносить вред окружающему миру, наносить увечья, да и вообще быть более материальным, чем кажется.

Найдя в себе силы успокоиться от осознания своей силы, Эллисиф стала думать о словах Грушшака. Сила в крови. Эти слова не давали покоя юному дракону. Девушка внутренне чувствовала ответ, но боялась признать его. Собравшись с мыслями, девушка всё же признала, что единственный вариант получить ответы, даровать свою кровь Аллори. Девушка нашла подарок матери в ящике стола, взяла его в руки и села на кровать, не отрывая взгляда от блестящего, даже в темноте, украшения. Девушка просидела так, казалось, часы, пока не решилась на отчаянное, на её взгляд, действие.

Эллисиф приподняла левую руку к своему рту, и открыв рот, сделала глубокий укус, который должен был выпустить ей кровь из жил. К удивлению девушки, кусала она не человеческими зубами, а острыми драконьими клыками. Благодаря этому, она не почувствовала боли от укуса, но ощутила сладкий вкус жидкости, что заполнила её рот в момент укуса. И даже зная, что это её кровь, девушка наслаждалась этой сладостью во рту, не спеша убрать руку ото рта. Но найдя в себе силу, она всё же оторвалась от поглощения своей же крови, и дала каплям упасть на Аллори, что лежала у неё на коленях. И в этот же момент Эллисиф перестала ощущать себя.

Аллори была не просто браслетом. Аллори была памятью. Аллори — это драконье наследие. И она даровала наследникам крови все знания, что копились тысячелетиями драконами. Этот браслет хранил в себе все воспоминания всех детей Хаоса. Ведь даже умирая, память драконов хранилась в Хаосе, а Аллори была средоточием Хаоса в Порядке. Это та самая часть, что унесла с собой первая Королева драконов, и именно она и делала Королеву королевой. И сейчас все эти знания окутывали, пропитывали и заполняли юную королевскую особу драконов.

Девушка видела, как пришли первые драконы в этот мир. Как в ткани реальности появилась брешь в Хаос, из которой стали один за другим выплывать сгустки энергии, постепенно приобретая внешние очертания драконов. Косточка по косточке, мышца за мышцей «собирались» дети Хаоса в реальности. Это было одновременно и ужасающее, и прекраснейшее зрелище, которое видела девушка. И вот обрел плоть и он. Ишшоадерсансандар. Её учитель окинул мир своим острым, злым взглядом и прорычал так, что содрогнулись горы на горизонте. И прорычал он «eIcrtoirtnrrierrannaershr» и девушка поняла то, что сказал Древнейший дракон. Он кричал, что мир теперь их, драконов. Но это не понравилось Богам. В мгновение ока, около десятка драконов сгорели в серебряном пламени, еще двое превратились в груды разлагающейся плоти, а остальные бежали, избегая боя с не равным по силе противником....

Многое ещё видела девушка, но эти знания сейчас не имели интереса для неё, ведь она осознала. Теперь она может прочесть интересующую её книгу. Поднявшись, пошатываясь, девушка подошла к столу и взяла в руки желанный манускрипт. И строки, которые она прочитала, повергли её в шок:

«Когда люди пойдут войной на Богов, мы — дети Хаоса войдём в сей мир, на правах хозяев.

Однако, стоит опасаться людей, ведь в них, помимо Света и Тьмы, в них есть и частичка Хаоса. Именно поэтому, стоит быть осторожными с ними. Я, Ишиоадерсансандар, пророчу гибель Королевы от рук людей.

Но благодаря Хаосу, дитя её останется жива. Но мы не сможем влиять на неё, ведь она станет...»

И дальше слова были неразборчивыми... Теперь девушку интересовал ответ на вопрос, кем же станет та девушка-дракон из пророчества. Вопросов к учителю появлялось всё больше. Но дабы не терять времени зря, ожидая его возвращения, Эллисиф решила понять всё, что узнала от Аллори. И она отправилась в главный зал её жилища в лоне вулкана, держа в руке подаренный ей браслет.

Тревор сидел, не в силах понять, что же сейчас с ним произошло. Он не чувствовал левую руку. По ней до сих пор шли заряды молний, которые начались после услышанной истории о герое. Некромант не чувствовал руку, ниже локтя, и этот факт пугал его. Ведь, помимо этого его рука начала превращаться в обугливающуюся плоть, обнажая не только мясо из-под кожи, но в некоторых местах и кость. Сын Раана молча наблюдал за тем, как его обгоревшая плоть шматками падала на пол, отрываясь от его руки. Медленно, но верно рука превращалась в белоснежно-белый скелет, который мог шевелиться, как обычная рука. Это зрелище завораживало некроманта, ведь он много изучал явление личей в мире, и вот сейчас стал превращаться в одного из них. За этим зрелищем наблюдало ещё пять пар глаз...

— Массстер, чем мы можем Вам помочь? — прозвучал голос, разрезая тишину, что царила в комнате Некроманта.

— Нет, нет, Исса, всё хорошо. — произнёс Тревор. — Это, видимо, плата за прочтение Книги Жизни. И как мне кажется, моей платой стала плоть до локтя.

— Да, но мы все почувствовали, что Вы умерли, поэтому и явились на печать крови, Учитель.

— Это всё потому, что я умер. Не смотрите так на меня ученики. Я действительно умер. невозможно прочитать Книгу Жизни иначе. Всё, свободны! Покиньте мою комнату, мне нужно подумать! Если вы мне станете нужны, я позову. А теперь проваливайте, ублюдки!

И после этих слов все пятеро учеников покинули столь же молниеносно, как и появились. А тёмный маг, всё так же наблюдая за рукой, решил испытать её.

Вытянув руку вперёд, он сжал кисть в кулак и, указав в направлении стола, сфокусировал свою силу на скелетной части руки, вызвал портал в свою мастерскую, которая находилась в кармане пространства мёртвого мира. На удивление сына Раана, портал открылся практически мгновенно, но выглядел несколько иначе, чем прежде. Вместо привычного фиолетового цвета, портал имел иссини-чёрный оттенок. Спокойное мерцание стало более хаотичным, обладало холодом, что пробирал некроманта до глубины души, как ему казалось. Тёмный маг поднялся с кресла и подошёл к построенному им порталу, осмотрел его и протянул правую, целую руку. Прикоснувшись к глади портала, Тревор не почувствовал ничего необычного, всё было, как ему казалось, как и всегда, но что-то его настораживало в этой кажущейся обычности. Однако, мужчина не звался бы сильнейшим мастером тёмных искусств, если бы опасался всего неизвестного. Тревор взял себя в руки, и перешагнул невидимую черту портала.

Перешагнув стену портала, некромант оказался в просторном помещении, которое заполняли столы, стеллажи с книгами, клетки, где пустые, а где с различными непонятными существами. Тревор окинул взглядом зал, который открылся его взору, довольно хмыкнул и хлопнул ладошкой и костью. Не смотря на отсутствие плоти на одной из рук, хлопок вышел довольно-таки громкий.

Со звуком хлопка произошло сразу две вещи: зажглись факела, стоящие на опорах вдоль всего зала, и из темноты зала довольно-таки быстро стали приближаться две непонятные тени. Когда они достигли тёмного мага, стало заметно, что это не просто две тени, а сотворенная нежить. Возможно, самим Тревором. Одна из теней приобрела очертания сморщенного, высохшего трупа неизвестного существа. Ростом не выше шестидесяти

дюймов, на нём было минимум одежды. Босые ноги были похожи на старые высохшие ветви ольхи, такие же сухие и не гнущиеся, однако, это не мешало ему быстро перемещаться. На существе из одежды были только оборванные штаны, что прикрывали его не более, чем листик той же ольхи. Однако, существо не смущала эта нагота, да и в принципе, мертвое создание не могло ощущать холода и других негативных факторов. Морда существа была крайне резкой, угловатой, неправильно ассиметричной, что говорило о том, что голова была соединена искусственным способом. Глубоко посаженные глаза горели тёмно-красным огнём, не имеющим белков, глаза были залиты этим тёмным пламенем, создавая впечатление злого существа.

Вторым же существом оказался скелет около семидесяти пяти дюймов высоты, на котором, как лохмотья, свисали куски разлагающегося мяса. Он был до такой степени безобразен, что складывалось впечатление, что его намеренно превратили в столь мерзкого представителя своего рода нежити. Куски плоти висели везде, где только можно было, от щиколоток, до черепа скелета. Кое где складывалось впечатление, что оторванную плоть отгрызали, вырывали с мышцами, отрывая плоть от костей. Скелет же представлял собой беспомощную марионетку первого существа, являясь его игрушкой, выполняющей все его приказы.

— Кром, Дран, как проходит работа по отлову тварей Преисподней? — спокойным голосом, не напоминаящим некроманта, спросил Тревор у существ.

— Хозяин, твари оказались слишком сильны, Даан дал им больше сил, чем мы думали. — прошептало более низкое, но более целостное существо.

— Дран, объясни-ка мне, почему так получилось? Ладно, Кром, он — обычный вампир, брошенный умирать своим же гнездом, но ты — бывший эльф, который сам принял мою сторону в борьбе Сил. Так неужели вы оба, кому я даровал способности и умение контролировать потоки магии, неужели вы не смогли справиться с тварями Преисподней? — усмехнувшись, произнес мастер тёмного искусства.

— Господин, мы потеряли всех Колоссов. — ответил бывший эльф некроманту. — Мы не в силах справиться с тварями оттуда без них.

— Так создайте новых! В чем проблема!? — закипая, прикрикнул сын Раана. — Неужели все тролли в мире вымерли!?

— Нет, о сеньор, просто... Просто мы не осмеливались покинуть Вашу мастерскую. Ведь, покинь мы её, тут бы не было защиты, и все Ваши многовековые труды грянули в лету. — произнес скелет, склоняясь в поклоне.

— Да, и в правду говорят, что эльфийские речи заставят любого преклонить слух пред ними. — засмеявшись, ответил некромант. — Но. Хватит лицемерия. Сейчас я здесь, а значит вы оба можете отправляться на охоту. Мне нужны твари Преисподней. Иначе, только в таком случае, все мои планы грянут в лету. Ну а пока вы не ушли, Кром, притащи мне Зеркало Душ.

— Будет исполнено, Хозяин. — произнёс вампир и с этими словами испарился, растворившись в воздухе.

— Ну а ты, Дран, найди мне подходящего пленника, дабы попытаться исправить внешность вот этого чуда. — поднял руку в свет факелов Тревор.

Эльф-скелет с ужасом отшатнулся, понимая, что значит это частичное оскелечивание его повелителя и произнес короткую фразу, прежде чем удалиться:

— Да, Господин.

Когда оба помощника покинули некроманта, Тревор решил осмотреть свою лабораторию-мастерскую. Медленным, неспешным шагом некромант шёл мимо больших, пыльных столов, обращая внимание на содержимое каждого. Почти на каждом столе находились трактаты о тёмных искусствах, которые преподавал Тревор как своим ученикам, так и своим помощникам, ведь даже ему нужны были дополнительные руки в его деяниях. Рядом с каждой стопкой трактатов стояли или ступы, в которых до сих пор оставались порошкообразные вещества, или же баночки, с неизвестной жидкостью, в которой находились различные органы различных живых существ.

Пройдя мимо столов, темнейший из тёмных остановил свой взор на книжном шкафу, который стоял вдоль стены мастерской. Его взгляд привлек ряд книг, на котором отсутствовала привычная уже пыль рядом с одной из книг. Тревога поразило даже не отсутствие пыли, а то, какую книгу не так давно брали его помощники. Это был трактат о хаотических созданиях и существах, которые рождались из глубин Хаоса. Но размышления о том, кому из них потребовался данный трактат, прервал появившийся скелет-помощник.

— Зеркало Душ, мой господин. — произнёс скелет. — Вам нужна ещё какая-либо помощь?

— Нет, Дран. Поставь зеркало рядом с креслом и помоги Крому в охоте.

— Будет исполнено, мой Повелитель. — поклонившись, скелет эльфа поставил зеркало туда, куда указал некромант и ретировался в темноту мастерской.

Направившись к креслу, который стоял рядом со столом, некромант остановился рядом с Зеркалом Душ. Давно он не пользовался данным артефактом, который считался утраченным жрецами Аорта, но всё это время он находился у некроманта. Заглянув внутрь Зеркала, Тревор сосредоточился на одной лишь важной для него души. Сосредоточился, чтобы увидеть свою дочь, которую отобрал у него Древнейший Дракон. И некромант увидел.

Девушка, которая так интересовала некроманта сидела в маленькой комнатике, напоминавшей тюрьму. На Элиссиф было простой, хоть и шёлковый, сарафан, волосы ухожены, аккуратно заплетены в косу. У девушки на коленях лежал странного вида браслет, который завораживал даже Тревога. Откуда у девушки эта дорогая вещица, вопросов не возникало, но в ней некромант чувствовал ещё и сильнейшую магию, сильнее даже магии одного из Богов, которого считают слабейшим в пантеоне. Но для девушки браслет, видимо, не имел такой важности, ведь она изучала другую вещь, книгу. Некромант видел, как девушка тщится понять, что же за книга у неё в руках, пытается понять смысл написанного, но ничего не выходило.

И тут картинка прервалась. Некромант нутром понял, что за Элиссиф следит не только он...

Ишшоадерсансандар летел уже несколько дней. Даже для такого огромного существа место назначения было крайне далеко, но дракон продолжал лететь к своей цели. Древнейший Дракон летел выше полета орлов и соколов, оставляя их жалкие попытки дотянуться до солнца далеко внизу. Ишшо любовался прекрасными видами природы, которые с высоты были еще более прекрасны. Зеленеющие леса сменялись золотыми лугами, голубая гладь рек и озер сменялась ярко-красной морщинистой местностью гор и разломов. Острый же драконий глаз подмечал и более маленькие детали. Ишшоадерсансандар видел, как хищные птицы охотятся на грызунов в лугах, видел, как под ветвями деревьев род лис охотился в сплочённой стае за более крупной дичью, коей являлось семейство кабанов.

Видел дракон, как в глубине болот прятались тролли, подстерегающие заблудших путников, видел, как гномы строили новую крепость в горах, основывая новое государство, и видел, как эльфы пытались сокрыться от его взора, потому что не доверяли ни ему, ни его словам или действиям. И правильно делали. Дракон недолго любил тех, кого создали первее него, но терпел, страшась нарушить хрупкий баланс Сил в мире. От лицемерия великолепия мира дракона отвлек писк рядом с мордой.

— Повелитель, нам нужно поговорить.

— Грушшак, приветствую тебя. — прорычал Древнейший пищащему существу. — Давай спустимся и поговорим.

И дракон начал стремительно спускаться в сторону земли. По счастью, внизу ждал изрезанный изгиб гор, кишачий сотнями пещер, что могли скрыть двух странных путников от посторонних глаз. Когда до земли оставалось около ста футов, дракон затянулся дымкой и обратился тёмным эльфом, мягко приземляясь на камень. Подле него приземлился мастер-вампир, склоняясь в глубоком поклоне, стоя на одной ноге.

— Что ты хотел сказать, Грушшак? — спросил эльф у вампира.

— Повелитель, девушка начала изучать Аллори. Не будет ли так, что она узнает слишком многое? — тихо и смиренно произнес вампир.

— Нет, что ты, конечно же не узнает. Колье Королев не знает ничего обо мне, ибо я — Другой, даже для моих сородичей. Но дай я взгляну на то, чем она занята.

Сказав это, Ишшоадерсансандар воткнул пальцы в затылок своего слуги, дабы воспользоваться его силой и возможностью видеть всё глазами его гнезда. И дракон увидел...

Элиссиф сидела на краю кровати и изучала книгу, что была в её руках. Она пыталась вчитываться в слова, которые были написаны на неизвестном ей языке, но каждая попытка вызывала у неё все больше злости, которую ощущало специфическое зрение младших вампиров. Но как бы им не было страшно от злости дракона, приказ отца-вампира они игнорировать не могли. И когда аура злости стала до невозможного яркой и тёмной, девушка-дракон прокричала в пустоту:

— *Грушшак, приди на мой зов! Мне нужны ответы!*

Дракон прервал слежение за девушкой и произнес донельзя мягко:

— Иди к ней, друг мой. Она звала тебя.

И вампир испарился, мгновенно и беззвучно. А дракон не спешил возвращаться к своему путешествию, потому что то, что он почувствовал, заканчивая просмотр не давало ему покоя. Он ощутил ауру человека, что следил за девушкой.

— Тревор. Ты всё никак не можешь отступить? — усмехнувшись прошептал Ишшо. — Когда же ты успокоишься и поймешь, что уже ничего не изменить.

И Древнейший решил продолжить свой путь. Подпрыгнув в высоту, он вновь обратился драконом и полетел в том же направлении, что и до этого. Ведь до цели было ещё так далеко...

I

Олловин не понимал, почему учитель атаковал его, но больше вариантов не было, кроме как поддержать этот ненужный бой.

Юноша, отразив первую молнию, увидел, что его, уже бывший, учитель решил не останавливаться на одной атаке. В молодого воина уже летели две новые стрелы и шар огня, направленные Шепчущим. Однако, почему-то для Олловина это не было страшным явлением. После того, как бывший ученик света отразил первую молнию Тьмой, его подсознание уже само стало блокировать выпады своего наставника. Перехватив эфес меча поудобнее, Олловин стал отбивать летящие в него магические снаряды лезвием меча, который окутывала Тьма наравне со Светом. Сознание юноши рисовало ему картины былых сражений какого-то неизвестного ему воина, который орудовал так же большим двуручным мечом. Юноша видел дуги, которые оставлял его меч, когда тот отражал атаки магов, и повторял его движения, отбивая удар за ударом. Движения ему давались крайне просто, по наитию понимая, что этот его навык был в нём с самого рождения, скрытый внутри его естества, открытый, как и равенство Тьмы и Света, совсем недавно.

— Учитель, Вы сдаете позиции! — со смехом в голосе воскликнул Олловин, отбивая очередную молнию. — Вам бы самому побольше практики!

— Щенок, как ты смеешь так разговаривать с первым после Бога! — крикнул в гнев Шепчущий. — Побойся кары божьей.

С этими словами священнослужитель отправил град молний в сторону парня, выпрямился, возвёл руки к нему и произнёс:

— Я, Остаф Клериторский, Пятый Шепчущий, Верховнослужащий Святой Инквизиции прошу тебя, о святейший. Дай мне сил, дабы искоренить скверну, стоящую предо мной, помоги избавиться от Зла на твоей земле.

Опустив голову, бывший священнослужитель предстал перед Олловином в новом, пугающем образе. Лицо его стала озарять гримаса безумия, глаза светились пустотой. Самой настоящей пустотой. Внутри глазниц Шепчущего не было ничего. Одна всепоглощающая пустота, которая, как казалось, стремилась поглотить всё вокруг, начиная со священника. При каждом, даже малейшем движении старца, всё его тело покрывалось мелкой судорогой, из-за которой складывалось впечатление, что человек больше не принадлежал себе, став марионеткой в чьих-то руках. И с каждым последующим движением, тело старика не естественно дергалось, изгибаясь в неестественных положениях, но не смотря на такое странное поведение, движения Шепчущего были твёрдыми.

Олловин стал отстраняться от того существа, которым стал его бывший наставник, не смотря на обретенную Силу. Он боялся его, ибо не понимал, кто, или что сейчас было перед ним. Но юноша всем своим телом, всей своей сутью ощущал первородный Хаос, что поглотил его бывшего учителя. Ведь, Шепчущий звал святейшего, то есть аватара Аорты, так почему тогда его поглотил Хаос, юноша не мог понять. И, с каждым встречным шагом Шепчущего, Олловин стал отходить назад, понимая, что не хочет убивать своего учителя, даже когда он поглощен Хаосом. И тут поляну заполнил странный голос.

— Аэгрон, неужели ты думал, что, сохранив Искру души в этом теле, ты сможешь снова бросить выбор Богам?! Мы с Ишшоадерсансандаром решили ещё тогда, тысячу лет назад, что

мы положим конец этому миру. Ты не смог помешать нам тогда, не сможешь и сейчас.

И тут Олловин ощутил в себе прилив тепла, которое шло откуда-то из груди, откуда-то физически глубже сердца. Это тепло согревало юношу, расходясь по всему телу, и достигнув головы, юноша услышал голос, что звучал у него в голове раньше: «Не страшись, Олловин, созданий Хаоса. Ведь не зря я обучил тебя контролировать Тьму ровно столь же, сколь и Свет. Позволь, я отвечу тому, кто сейчас посетить нас решил, и позже, я дам ответы на большинство интересующих тебя вопросов.» Не дождавшись согласия юноши, тот, кто говорил с ним стал держать ответ неведомому голосу. Олловин не мог шевелиться, но губы сами выпускали слова из глубины его души:

— Аорта, напыщенный ты скиталец. Ты возомнил, что сможешь уничтожить то, что было создано не тобой!? — зазвучал спокойный, но властный, не терпящий возражений голос из уст Олловина. — Ты, кто был создан ровно так же, как и все мы, но наделённый властью для поддержания баланса? Ты, кто продал своё Я Хаосу. Ты ничтожество, а не Бог. А для чего я вернулся сейчас — это не твоё дело, Хаосу не понять Порядка. Как и его деяний. И в этот раз я стремлюсь не остановить, а уничтожить тебя, ибо не принято Хаосу управлять Порядком.

Опешив от услышанного, Олловин стал ещё больше отходить назад, пятясь, следя за движениями своего учителя. И тут поляна содрогнулась...

— ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ ПЕРЕЧИТЬ ВОЛЕ БОГА, ЧЕРВЬ!? ТЫ НЕ СМ ПОМЕШАТЬ МНЕ ТОГДА, НЕ ПОЛУЧИТСЯ И СЕЙЧАС!!! ОСТАФ, УБЕЙ ЭТО НАГЛЕЦА!!!

— Как скажите, Хозяин. — произнес Шепчущий, вернее то, что им было, низким металлическим голосом.

И с этими словами человек резким рывком рванул в сторону юноши, изгибаясь при каждом движении столь не естественно, что складывалось впечатление, что тело его стало резиновым и эластичным.

Олловин ощутил ужас, что пронзал каждую его мышцу, он не мог шевелиться, наблюдая за этими ужасающими передвижениями его бывшего учителя. Пальцы на эфесе меча стали разжиматься сами, без желания молодого воина, под действием охватившего страха. И в тот момент, когда он почти выронил меч, он услышал в голове голос, которым он разговаривал с Богом не столь давно: «Не пугайся юноша. Я боролся с Хаосом тысячи лет назад, и не проиграл не единого раза. Я помогу тебе сейчас. Не задавай вопросов, мы побеседуем позже.» И с этими словами тело воина начало быстро двигаться, уверенно перемещаясь по тому пространству, что было перед ним.

Перехватив меч удобнее, Искра Души в теле Олловина сделала резкий выпад, проткнув грудь бывшего священнослужителя. Когда лезвие меча проткнуло тело Шепчущего насквозь и вошло в него почти по эфес, рука Олловина сделала резкое движение вверх, разрывая, а не разрезая, плоть человека надвое. Тело человека упало, но при этом не осталось бездвижным. Оно продолжало пытаться встать, даже рассечённое надвое, пытаясь добраться до своего врага. «А теперь нужно отсечь хаосисту голову, иначе, он восстановится и убьёт тебя», вновь прозвучал голос в голове у Олловина. Наклонившись над телом поверженного Шепчущего, рука Олловина так же без колебаний и резким движением отсёк голову старцу.

«А теперь, пока не прошёл выброс малого Хаоса, нам пора. Не оплакивай своего учителя, он умер в тот же момент, когда его Бог принял сторону Хаоса. Ты сможешь оплакать его позже, а сейчас тебя может зацепить взрывом, к которому ты не готов. Пойдем,

Олловин, природа сама переборет этот взрыв.»

И Олловин, вновь обретя власть над телом, начал двигаться в сторону каменной гряды, что окружала их поляну, думая о том, что он сотворил за последние несколько мгновений...

II

Элиссиф стояла в зале, посреди вулкана, и думала, как заставить её браслет вновь заговорить с ней. Алори оставалась всё так же холодной, как и в первый раз, когда она взяла её в руки. Но девушка понимала, что она могла узнать о себе больше только с помощью этого подарка. Она измеряла простор вулкана шагами, ходя кругами, возвращаясь в центр зала, не в силах осилить тайну браслета. Она бы так и ходила, если бы не вспомнила слова вампира: «Он повинуется крови, Королева». Девушка поняла, что именно ей нужно делать. Направившись в сторону своей кельи, девушка осматривала стены и потолки каждого коридора, которое она проходила, и замечала всё больше и больше странных теней, которые следили за ней. Девушку это сильно нервировало, но она понимала, что сейчас она не может от них избавиться.

Зайдя к себе в келью, девушка села на кровать, и не найдя теней в комнате, девушка расслабилась. А расслабившись решила на то, что сделала не так давно. Девушка прокусила себе руку, дабы облагородить кровью подарок своей матери. Стоило первой капли крови упасть на браслет, перед Элиссиф появилась из ниоткуда молодая девушка, в изумрудно-золотом платье и заговорила с ней.

— PrrraiewvieirrtctwviurruiirteirbpayA, tdiertayA. AyA — eIcshrshreirierraieeircrteIcrra. И я так думаю, язык драконов тебе всё ещё даётся с трудом. Поэтому я продолжу разговор с тобой в более привычной для твоего слуха манере речи. Но для начала ответь мне, как давно ты знаешь, что ты — Дракон?

— Я узнала об этом не более одного хода лун на небе. — Ответила Элиссиф и, заметив краем глаза движение тени по стене, нервно поёжилась.

— Ты уже видишь движение мастеров-вампиров, похвально, молодая Королева. Но, они будут мешать нам, и тебе в обучении. Если ты не против, я бы сменила обстановку.

— Нет, конечно. Я буду только рада. Но как мне обращаться к Вам?

— Зови меня Эшшери, дитя. Кто я, и чему могу тебя обучить, я расскажу позже. Пока что сменим обстановку.

Произнеся эти слова, девушка легонько рукой и реальность поплыла, изменяясь наяву. Келья, в которой находилась Элиссиф стала преображаться, исчезая. Но на её месте появлялся обворожительный пейзаж, который захватывал девушку.

Келья, как и весь вулканический барельеф, что представлял собой своеобразную стену, исчезала на глазах, рассыпалась в пыль. И взору девушке открывалась зелёная равнина, которая была столь зелена, что казалась не естественной. Вдалеке, за равниной, виднелась полоса более тёмной зелени, это были леса. Столь высокие, что закрывали горизонт. Очарованная этой красотой, девушка и не заметила, как встала с кровати, оглядываясь вокруг. Взглянув в небо, девушка увидел множество крыльев. Она узнала их обладателей сразу. Это были драконы. Такие же, как она, парящие высоко в небе, бросающие вызов высоте. От наслаждения красотой мира, который окружал её, её отвлек голос её наставницы.

— Да, я и забыла, как же тут красиво...

— А где мы, леди Эшшери? — удивлённо спросила Элиссиф

— Правильнее будет сказать «Когда», а не «Где». Мы сейчас с тобой находимся на месте твой кельи, но три тысячи лет назад. Именно тогда я вступила в этот мир, как первая Королева драконов. Смотри, там, в небе, летают мои братья, которые первые прорвались из Хаоса в Порядок. Но сегодня я расскажу тебе не о нашем роде, потому что твоих сил пока что не хватит для поддержания эфира памяти, что дарует мой браслет, столь долго.

— Тогда о чём мы поговорим, Королева? — с благоговением в голосе спросила девушка.

— Можешь не льстить мне, Элиссиф. Ты тоже Королева, пускай еще и без знаний. Но ты узнаешь всё и даже больше. Но сегодня я тебе расскажу о нашем родном доме. Ты же знаешь, откуда мы пришли?

— Нет, я не знаю ничего о драконах, хотя и принадлежу к этому роду. — ответила девушка, опустив голову вниз, чувствуя вину.

— Так слушай же, дитя. Я расскажу тебе о Драконах, Хаосе и Порядке. И начну я с нашего дома, Хаоса. Как ты, наверное, знаешь Хаос — это не объемлемая часть миропорядка. Без Хаоса не было бы и Порядка, и наоборот. Но в отличии от Порядка, в Хаосе выживает лишь сильнейший.

— Я знаю об этом, — перебила девушку Элиссиф. — Мне об этом рассказывал Ишшоадерсансандар.

— Ишшоадерсансандар!?! — с гневным рычанием вскрикнула Эшшери. — Этот мерзкий змей ещё жив?! Не слушай его речей, он погубит тебя, девочка!

— Ч-что!?! Почему он меня погубит!?! — в недоумении спросила девушка-дракон.

— Ишшоадерсансандар убил дюжину моих братьев. Тех, что сейчас в небе над нами. Это очень долгая история, я расскажу её тебе потом. А сейчас же смотри...

Произнеся это, Первая Королева махнула рукой в противоположную от девушки сторону. Элиссиф, не размышляя, развернулась в сторону, куда ей указала Эшшери. И замерла, удивлённая тем, что видела.

Пространство от земли до неба колебалось, подёргиваясь. Складывалось впечатление, что в воздухе, в определённом месте, летала пыль, хотя вокруг этого места не было ветра. И тут, пространство в этом месте пошло рябью, как волны в море, и прямо из ниоткуда появились кончики пальцев руки. Сразу за этим из пространства стала выплывать рука, за которой последовала нога, далее другая. Спустя пару мгновений в месте, где воздух сходил с ума, появилась девушка. Миниатюрная, она выглядела, как восковая фигурка, созданная искусным мастером, поражала своей красотой и необычностью для этого мира.

Ростом не выше пяти футов, девушка имела поистине божественный вид. Темноватая кожа создавала впечатление того, что девушка много проводит времени на палящем солнце, но её вид не подходил для рабочей служанки. Она выглядела, как воплощение красоты, от которой невозможно было отвести взгляда. Её волосы были черны, точно уголь и спадали по талии, вплоть до пояса. Лицо было уточненным, каждая его грань была завораживающе прекрасной, а улыбка, с которой стояла девушка, дарила тепло всему миру, что окружал их. Глаза её были тёмно-карего цвета, в который прокрадывались золотые нитки, которые создавали впечатление ужасающе-красивого урагана, который заставлял всех в них смотрящих тонуть в порыве этого ветра, забывая обо всем. Тонкая, изящная девушка была одета в изумрудное, переливающееся платье, которое показывало всю красоту её талии, облекая девушку, словно кокон бабочку. Девушка ступала по земле столь мягко, словно и вовсе её не касалась. Но в каждом её движении чувствовалась грация и гармония, которую

не постичь и за десять жизней.

И вот, к девушке с неба рванулась одна из пар крыльев. Стремительно приблизившись, дракон, который спустился к девушке, замедлил свой спуск, остановившись над землей в паре футов, и осторожно сел на землю. Протянув голову к девушке, и дождавшись, что девушка начала гладить его морду, дракон довольно заурчал, будто довольный кот. И тут Элиссиф ощутила мощную волну теплой, но властной Силы, которая как будто говорила: «Я пришла, как и обещала».

— Именно так я вступила в этот мир, дитя, — услышала позади себя девушка. — Именно такой я видела себя среди бескрайнего Хаоса.

— Но почему ты была человеком? — не отворачиваясь от прекрасного наваждения, спросила Элиссиф. — Разве ты не Королева Драконов?

— А разве Королева не может явиться в том образе, в которой ей лучше всего? — с улыбкой в голосе спросила Эшшери. — Я — Первая Королева. В образе дракона или человека — не важно. Я буду той, кем я являюсь. А теперь тебе пора отдохнуть, твои силы на исходе, дитя.

И Первая Королева произнесла фразу на неизвестном языке и Элиссиф почувствовала, как засыпает...

I

Тревор сидел, задумчиво листая книгу, что стояла на стеллаже. Он не понимал, кого из его помощников, или, возможно, учеников, могла привлечь эта старинная книга. Ведь данный манускрипт содержал лишь историю Хаоса, данные о котором были собраны благодаря драконам и вампирам, младшим слугам змей. Он всё листал и листал, пока не нашёл в рукописи слова, которые обострили его внимание:

«Внемли же мне, читающий. Хаос — первоздан и необъятен. Никто не в силах бороться с тем, что сильнее всего сущего, кроме Творцов. Лишь те двое могут сопротивляться влиянию и влечению безумия, которое противостоит Порядку уже несчетное количество лет. Но Повелители Хаоса слишком сильны. Они поработают умы и сознания всех, до кого в силах дотянуться. Ни люди, ни эльфы, ни даже Боги не в силах долго противиться Хаосу первозданному. Рано или поздно, Хаос поработит всё сущее, либо вмешаются Маски. Но как говорит Эшшери, Хаос можно замедлить. Практически полностью остановив его влияние на наш мир. Творцы даровали силу двоим своим протеже, но никто ещё не смог сделать то, что помогло бы замедлить хаотическую чуму. Никто не смог убить Бога, пораженного Хаосом. Однако побойтесь дракона особого. Сильный слуга сильнейшего Повелителя — Ишиоадерсансандар — сий дракон явился в мир, дабы помешать убиению Бога. Как истинный слуга Хаоса, Сильнейший среди драконов, будет сеять разрушение и смерть сотни лет. Внушая низшим существам навязчивую мысль о войне, он чужими руками уничтожит большую часть разумных народов, тех, кто был создан на балансе Порядка и Хаоса.

Когда же останется слишком мало из тех, кто способен бороться, Бог падёт под напором Хаоса и будет сломлен им. Тогда Хаосу откроются Врата в наш мир. Они будут далеко на востоке солнца и охранять его будут самые сильные слуги Повелителей. И грянет тогда бой, который решит исход творения Творцов.»

Дочитав этот отрывок, некромант стал листать дальше страницу за страницей, надеясь увидеть ещё что-нибудь столь же полезное и странное, как тот текст, что он нашёл. Но как бы он не надеялся найти искомое, дальше содержались лишь описания планов Хаоса и населявших его созданий. Но даже в этих описаниях Тревор нашёл интересную запись.

«Из рассказов Дренорта, брата Эшшери. На самом низшем из планов Хаоса, считающимся самым сильным, правит %@#&tr;&tr;, сильнейший из Повелителей. Попав туда, ты забываешь даже о малейшем существовании Порядка, ведь даже само понятие материи там искажено настолько, что безумство поглощает всех и вся. Твёрдая вода, которая образовывала острые скалы. По рассказам дракона, скалы и горы образовывала именно вода, а не лёд, ведь подойдя поближе и приглядевшись, можно было увидеть течение внутри воды, и перемещающихся странных созданий, похожих на рыб. От скал, которые представляли собой большую часть Плана, расходилась земля, вернее то, что ей было. Внизу плана, под лапами дракона, находился плотный воздух, не облака, а именно воздух, ведь %@#&tr;*&tr; хотел превратить своё обиталище в главнейший противовес порядочным вещам. И в центре всего этого беспредела материи и мысли находилась крепость Повелителя.*

Огромнейшее, остроугольное здание, было покрыто склизкой, но неестественно

твёрдой массой. Смотря на это мерзкое зрелище, казалось, что это — просто чьи-то слюни. Но если это всё-таки были слюни, что покрывали всё здание, то каким же огромным должно быть существо, даже Дренорт не знал. Дракон так же поведал мне, скромнейшему рассказчику, что у %@#&atr;&atr; есть и более страшный питомец, нежели даже он сам. В самом центре замка жило создание, чья ярость природная, подпитываемая Хаосом первозданным, превосходила все крупницы души и более осознавших себя существ в Хаосе. Огромных размеров, он достигал пятисот футов в длину, Тварь имела поистине ужасающий вид: кальмароподобное создание имело форму спелой груши, где от более узкой её части отходили два десятка длинных щупалец, которые оканчивались бритвенно-острыми пластинами. На теле, которое не имело ни шеи, никаких-либо других частей тела, находились восемь пар глаз, которые опоясывали тело существа, словно браслет, каждая бусинка которого имела по три зрачка. И даже первый из слуг Повелителя, дракон Ишиоадерсансандар, опасался и сторожил его...»*

Дочитав этот отрывок, Тревор стал листать дальше, но это была последняя страница в книге. Озлобленно хмыкнув, он захлопнул книгу и откинул её в дальнюю сторону мастерской, наблюдая, как книга скользит по полу, поднимая пыль по ходу своего скольжения. Некромант думал о том, что же делать дальше. Из прочитанного тёмный маг почерпнул не мало важных знаний для себя, но всё никак не мог осознать полного смысла текста, и того, что же ему теперь делать. Тревор чувствовал, что ответ находится где-то рядом, но поймать её так и не получилось.

После нескольких долгих часов раздумий над словами из первого обрывка и второго, некромант стал закипать от злости, ощущая, что злость исходит от его руки, что не так давно стала скелетной. Волна злости расходилась по всему телу некроманта, от кончиков пальцев всё выше и выше вверх по телу, источая ярость ко всему живому.

— Хаос тебя побери, костяшка никчёмная! — в сердцах вскрикнул Тревор. — Да как же ты уже начинаешь надоедать. Неужели все, кто читал Книгу Жизни становились Такими!?

— Нет, о истязатель Смерти. Такой чести удостоился лишь ты. — раздался голос в темноте мастерской.

Некромант резким движением встал с кресла и обернулся в сторону голоса. Подняв левую руку, Тревор сосредоточил свою энергию на месте, где говорил неизвестный, которое тут же осветилось бледным, прозрачным свечением. В углу мастерской стоял невысокий человек, который опирался на стену. На человеке была длинная холщовая накидка в пол, с глубоким капюшоном, что скрывала лицо. Но, видимо, тёмного мага это не удивило, и он узнал говорящего, потому что свечение в тот же миг потухло.

— Зачем ты явился? Разве мы не решили все вопросы в прошлый раз? — успокоившись, спросил Тревор.

— Решили, решили, Тревор сын Раана. Но понимаешь, тут такое дело... Кто-то стал совать свой нос на мой пласт обитания, в Преисподнюю, пытается поймать моих зверушек, да и вообще, безобразит кто-то. — произнёс незнакомец.

— Не знаю я, сын собаки. — снова начал злиться некромант. — Не до твоих пустяков мне сейчас. Убирайся!

— Ха-ха, Тревор, друг! Ты всё никак не поменяешься! — засмеялся гость. — Я же знаю, что это твои помощники пытаются изловить мои создания. Но вот ответ мне, зачем?

— Пускай и мои помощники! Тебе то какое дело?! — начала исходить ощутимая волна ярости в сторону собеседника от Тревора. — Какое тебе собачье дело, что мне нужно в

Преисподней!?

— Да потому что это — МОИ владения! — повысил в ответ голос собеседник Тревора. — Ты забываешься, человек! Вздумал тягаться с Богом!? Ты — ничтожество, которое смогло обрести Власть лишь благодаря Судьбе! Ты должен был прожить жизнь бесполезной обезьянки, но вмешался Случай, и ты стал тем, кто ты есть! И ты смеешь дерзить МНЕ, ДААНУ!? — и от человека в тени всплеском выплеснулась волна истинной необузданной Силы.

Когда волна достигла некроманта, он непроизвольно упал на колени, не в силах сопротивляться той волне энергии, что изливалась на него. Всё, что он мог, это лишь поднять голову и гневным взглядом смотреть на того, кто представился ему Богом. А Даан продолжал свой диалог, представ пред некромантом в своём божественном виде:

— Ты, Тревор, стал лишь случайным игроком в игре, которую ты не поймешь! Ты — игрушка в руках Случайности и Судьбы! Ты хотел отомстить Аорте за смерть жены и дочери!? Так действуй! Это то, что теперь от тебя требуется! В книге, которую ты читал есть все ответы, потому что её писал Я! Писал для ТЕБЯ! Ещё задолго до твоего рождения Следуй своей цели, Некромант и ты узнаешь много больше! Но запомни одно! ЕСЛИ ТЬ ЕЩЁ РАЗ ТРОНЕШЬ МОИ СОЗДАНИЯ, Я НАПЛЮЮ НА ВСЁ И УНИЧТОЖУ ТЕБЯ! всё ясно!?

— Д...Да... — только и смог произнести Тревор.

С этими словами исчезла давящая на мага Сила и сам Бог.

II

Уже несколько дней дракон летел в сторону восхода, не давая передохнуть своим крыльям. Древний даже спать умудрялся в полёте, потому что на такой высоте ничто не могло стать для него преградой. Ишшоадерсансандару уже порядком надоел этот путь, но он понимал, что он обязан долететь. Но, когда над горизонтом появились первые лучи рассветного солнца, Древнейший Дракон увидел цель своего путешествия.

Высокая, выше полета дракона, гора перекрывала собой половину видимого драконом горизонта, зачаровывая своими поистине исполинскими размерами. Тёмная, почти чёрная скала была сплошь окутана чёрными тяжелыми тучами, в которых искрились бардовые молнии, не прекращая свои движения ни на минуту.

Видя цель своего путешествия, Ишшо стал стремительно спускаться, стараясь в более кратчайший срок достигнуть подножия. Спускаясь всё ниже, стало различимо каменное плато вокруг горы. Оно было идеально ровным, что казалось не естественным в природе, однако оно существовало. Лишь иногда, крайне редко из камня вырастали острые иглы-скалы, которые выглядели столь неправильно, ведь они напоминали шипы дикого зверя. Но несмотря на это, дракон всё же начал спуск на плато. Спустившись, дракон по обыкновению принял образ эльфа и спокойным, ровным, размеренным шагом начал движение в сторону горы, оставляя за собой глубокие следы в кажущимся твердейшем камне. Так эльф-дракон и дошел до горы, в которой виднелась не глубокая, но всё же пещера. Подходя, темный эльф увидел рядом со входом в пещеру фигуру, что стояла, опираясь на гладкую поверхность горы рядом со входом в пещеру. На фигуре была тяжелая, пластинная броня из неизвестного, чёрного металла, которая облежала тело человека, а это был именно человек, крайне

плотным покрывалом, не сковывая его движений. На человеке был закрытый шлем, который скрывал лицо, настолько мала была прорезь в лицевой части шлема.

— Ты всё-таки пришёл, начинающий Повелитель. — произнёс эльф фигуре у пещеры.

— Я... Я не помню, как я тут оказался, — произнёс человек в ответ дракону. — Это жгучее ощущение внутри... Оно пожирает меня.

— Так и должно быть, молодой Бог. Так всегда бывает, когда ты выпускаешь Хаос в себя. — улыбаясь ответил эльф. Сказав это, он осмотрел того, с кем разговаривал внимательнее.

Броня, которую он носил не снимая, была покрыта грязью, и непонятными, тёмными пятнами, которые выделялись на тёмной броне человека.

— Что у тебя с доспехами? Ты недавно был в бою? — удивлённо спросил дракон, в образе эльфа. — Не хочешь рассказать, что случилось?

— Кто ты такой, чтобы Бог рассказывал тебе о деяниях своих!? — злостно спросил у дракона человек.

— Не забывайся, Поклонник Хаоса! Ты больше не Бог! — зарычал в ответ Ишшоадерсансандар. — Теперь ты — такой же, как и я! И пока ты не примешь Хаос внутри себя окончательно, ты подчиняешься мне и моим словам! Поэтому, отвечай!

И с этими словами Древний выплеснул в сторону собеседника ужасающую волну Силы, от которой тот пошатнулся, но выстоял.

— Тебе не сломить меня, Дракон. Я не поддамся Хаосу!

— Аорта, ты уже поддался Хаосу, поэтому повторю приказ ещё раз. Поведай мне, что случилось, жалкий Божок! — в последней фразе дракона слышалось открытое презрение. И не в силах противиться существу из чистого Хаоса, Бог начал рассказывать.

... Аорта стоял в сияющих светом чёрных доспехах посреди просторного поля дивных диких цветов, как статуя, возвышаясь над всем вокруг. Стоя без движения, Бог был похож на огромную гору, потому что даже ветер менял своё направление, стоило ему столкнуться с Богом Света. Однако, на равнине был не только один лишь он. Напротив него, в нескольких ярдах, находился ещё один человек, одетый в легкую тунику и такие же легкие, свободные штаны. На ногах незнакомец носил открытые сандалии, которые крепились к икрам кожаными ремнями. В руках он держал музыкальный инструмент, напоминающий скрипку. Смотрел человек ясными, голубыми глазами на Бога Света. Так продолжалось более пятидесяти ударов сердца, пока он не заговорил, с явным ужасом в голосе:

— Аорта, брат мой, остановись! То, что ты намерен сделать — это предательство всего того, чему нас учили в Лоне Творцов!

— Брат?! Энси, ты говоришь мне о братстве?! Ты, один из тех, кто готовил заговор за моей спиной? — гневно вопрошал Аорта своего брата.

— Не было никакого заговора, брат! Тебе наплёл небылиц этот чёртов змий, коего ты оставил в живых, поддавшись его речам о благородстве! Ты поверил порождению Хаоса, а не своим братьям и сестрам! И ты говоришь о предательстве!? — закричал в ответ человек, названный Энси.

— Да, я поверил ему! Ишшоадерсансандар открыл мне глаза на этот мир и на всё, что касается Хаоса и Творцов! Ты знал, что Творцы — Повелители Хаоса!? Ты — Бог музыки должен лучше других понимать чистоту звука Хаоса, которую искажают Творцы со своим пресловутым Порядком!

— П-повелители? — запнулся на полуслове Энси, — Хаос создал тех, кто стал противостоять ему же? Немыслимо! Но даже если так, Они создали нас, Богов, чтобы мы помогли Им в этой борьбе!!! А ты! Ты, брат, предал ВСЕХ! Ты предал тех, кто обучал тебя, тех, кто является твоей семьей! Ты предал всё живое в мире Порядка!

— Я никого не предавал! — зарычал на брата Аорта, — Я предлагал всем вам, моей семье, принять мою сторону и пойти против Создателей! Но вы отказались, вы сами выбрали свою сторону, а с ней и свою судьбу, брат...

— Судьбу, говоришь? — с горечью в голосе спросил Бог музыки, — Наша судьба, брат, была определена фактом нашего рождения... Мы родились для того, чтобы поддерживать Порядок, но ты... Брат, прости, но Пантеон решил... — из глаз Бога потекли слёзы, голос начал дрожать от горечи, — Пантеон решил, что тебя нужно остановить... Я лишь пришёл, дабы предложить тебе выбор, сдаться или умереть...

— Пантеон решил, говоришь? — ухмыльнулся Аорта, — Ну что ж, раз вы так решили, будет по-вашему. Я принимаю ваш вызов! Я принимаю бой! И в качестве ответа, я преподнесу Пантеону твою голову, Брат.

И с этими словами Бог Света сорвался с места в сторону Бога Музыки, на бегу формируя в руке большое, металлическое копьё, направляя его в сторону своего брата. Энси не пытался бежать, осознавая, что ему не скрыться от самого молниеносного из Богов, поэтому он сделал всё, что мог, а именно — подставил свой игровой инструмент под возможный удар Аорты, создавая тем самым непроницаемый барьер между собой и братом. Однако, когда брат приблизился к нему, Энси увидел, что черты лица у Аорты поменяли привычный ему вид покрываясь всплесками разноцветными сполохами пламени, завихрениями и туманностями. И тут Бог Музыки понял, что его брата уже поглотил Хаос. И это была его последняя мысль перед тем, как копьё брата проткнуло его сердце....

— Так ты всё-таки понял меня тогда? — усмехнулся дракон после рассказа Бога. — И ты убил всех своих братьев и сестёр?

— Не всех. Мой самый некогда ненавистный брат сумел скрыться от меня и создать армию, что может меня сдерживать.

— Кого же ты упустил? — с раздражением в голосе произнёс эльф-дракон.

— Даана. Этот чёртов ублюдок смог избежать моей кары и скрыться в своём подземном мире, где он практически всемогущий.

— Да он и так сильнее тебя, глупый Божок. Он — один из первых созданий Масок, что спасался уже не единожды от уничтожения их творений. Он — самая большая головная боль Повелителей. Уничтожь его, и ты станешь одним из Владык первостихии, а пока я тебе поведаю, когда я с ним познакомился впервые...

... - Этот мир обречён умереть, Бог. Ты — один из немногих, кто может сделать свой выбор и принять правильное решение.

— Правильное решение, дракон? — произнёс тот, кого называли Богом, — Правильно ли стать частичкой бездонного, первозданного Хаоса!? Сколько миров Порядка вы проглотили, превратив в очередной план своего беспорядка? Сколько невинных душ обратили в своих рабов!?

— Даан, послушай, внемли моим словам. Повелитель не хочет уничтожать ни тебя, ни других Богов. Ты — как глава Пантеона обязан думать не только о своем тщеславии, но и благополучии своей семьи, — начал свою речь дракон, но был прерван на полуслове Дааном.

— Тщеславие? Ты слышишь себя, раб Хаоса!? — проговорил Даан, — Я беспокоюсь не о

своих братьях и сестрах, они — такие же Боги, как и я, и в силах постоять за себя, я переживаю о тех, кто живёт в этом мире! И я не продамся Хаосу, предав Творцов! Не ради себя, а ради тех, кто живёт в доверенном мне мире! А ты! Ты заточил единственную из всего хаосисткого отродья, кто хотел мирно жить! Заточил ту, кого называли Королевой!

— Творцы! Эти отрекишесь от первостихии Повелители, rrrrr — зарычал дракон, — Эти глупцы, что возомнили себя выше и лучше других! Они предали всех! И я, как верный помощник %@#&atr;*&atr; обязан покарать их! И я уничтожу ЛЮБОГО, кто встанет на моём пути! И сейчас ты познаешь мой гнев! Как познала эта бесхребетная змея, Королева Драконов! Она возомнила, что может предать Повелителей и мирно сосуществовать с Порядком! Она забыла главное правило: поглощай слабейших! И была наказана за это, как накажу и тебя! Прислушайся, Бог! Сейчас настал момент истины! В данный момент часть твоей так называемой семьи умирает или переходит на сторону Хаоса, а твой мир, за который ты так печёшься поглощается моим повелителем кроха за крохой!

Даан закрыл глаза и прислушался. И он услышал...

Бог слышал крики умирающих народов, которые умирали быстрой, но мучительной смертью, пронзаемые различным орудием неописуемых существ Хаоса. Он слышал, как мучаются в агонии братья и сёстры, которых истязали их же родственники, продавшиеся Хаосу. Даан слышал, как стонет земля, которую поглощал беспорядок первостихии... И не в силах сдержать свою боль и отчаяние, Глава Пантеона закричал в пустоту, вспыхнув такой сильной аурой, что дракона, что смог победить саму Королеву, отбросило на две сотни ярдов:

— ВЫ ОБЕЩАЛИ МНЕ ПОДДЕРЖКУ! Я НЕ МОГУ СЛУШАТЬ ЭТИ КРИКИ ПОМОЩИ, ЗНАЯ, ЧТО НЕ МОГУ ПОМОЧЬ! ПОЧЕМУ, В МОМЕНТ, КОГДА ВЫ НУЖЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО, Я НЕ СЛЫШУ ВАШИХ ГОЛОСОВ С СОВЕТАМИ!?

Произнеся это, Даан растворился в пространстве, оставив дракона в одиночестве.

— Так и быть, Бог. Я поглощу этот мир, и отыщу тебя. Сейчас или через тысячу лет. — произнес в пустоту, где стоял Бог, дракон.

— Вот так я познакомился с тем, кого ты считаешь братом. — произнёс дракон, — А спустя два дня мир, в котором он был Богом — стал частью плана моего Повелителя.

— Значит, Даан врал мне? — прошептал, ошеломленный историей Аорта, — Он говорил, что его призвали в тот же миг, что и меня...

— Да, теперь ты знаешь больше, чем должен был. Однако, теперь у тебя появился личный интерес. Действуй, Бог, и не подведи меня и моего Повелителя!

I

Олловин уже несколько часов сидел, прислонившись к стволу старого, ветвистого дуба. Он всё не мог прийти в себя после того, что было сделано. Юноша понимал, что он не властвовал над своим телом, но это не отменяло того факта, что именно его руки нанесли удар, убивший его учителя. Он чувствовал его кровь на своих пальцах, которая стекала по ним, постепенно застывая, превращаясь в вязкую, тёмную жижу. И пускай, Олловин уже давно смыл кровь учителя со своих рук, но те ощущения, которые чувствовали его кисти, он их чувствовал до сих пор.

«Юноша, пора приходить в себя»: зазвучал голос в голове, — «Некогда расслабляться, мир на грани гибели. И только тебе под силу остановить неизбежное. Я не просто так говорил тебе, что Тьма и Свет — это разные стороны одного и того же. Обе стороны борются не между собой, а с единым врагом — Хаосом. Твоего учителя поглотило безумство Бога, который стал последователем первостихии, и ты видел, что с ним стало. Если ты сдашься сейчас, то абсолютно каждый житель в мире превратиться в Это.»

— Д...Да, но я — убийца... Я убил того, кто клялся меня обучать... — всхлипывая произнёс Олловин в пустоту, зная, что голос услышит его слова, — Кем бы он не был порабощён, он всё равно оставался моим учителем...

«Молодой воин, я тебя понимаю, я прекрасно знаю твои чувства, которые ты испытываешь. Когда я начал свой путь, я так же страдал от любого насилия, но... Олловин, давай я тебе расскажу историю, с которой началось моё шествие в мире?»

— Д...Да, д. давай. — произнес юноша опустошённым голосом.

«Тогда слушай юный воин...»

...Он смотрел через бойницы башни в сторону западных ветров. Стоя на самой высокой башке Святого города, юноше открывался прекрасный обзор. Он видел каждую улочку города, столь большого, что он казался бесконечным. Воин стоял и думал о красоте мира, что был под ним.

Огромный город простирался на сотни лиг во все стороны света, внутри города находились даже реки и озёра, каменные джунгли, построенные людьми. От стен города шли маленькие, одноэтажные дома, изредка среди них мелькали двухэтажные дома-гостиницы или бары, но высокие здания начинались только ближе к центру города, к Храмовому городу и Имперскому кварталу. Именно на одном из самых высоких шпилей Храмового города и стоял сейчас молодой рыцарь Света, взирая на муравейник под ногами и тишину вдали за городом. Наслаждаясь теплым ветерком, который обдувал лицо воина, юноша не сразу услышал, как его зовут:

— Аэгрон. Аэгрон, пойдём, Их преосвященства ждут тебя. — раздался голос за спиной юного парня.

— А? Да, сию же минуту. Я выдвигаюсь. Вы проводите меня, Капитан? — рассеяно произнёс Аэгрон.

— Да, провожу. Следуй за мной. — и с этими словами названный Капитаном развернулся и пошёл в глубь башни.

Аэгрон последовал за рыцарем, ступая осторожно и крайне аккуратно. Пускай он и был рыцарем Светоносного Бога, но даже он не бывал ранее в этих местах. Храмовый город —

был местом для высших ступеней церковной иерархии, и сюда не пускали всех подряд, тщательно скрывая секреты, что собирались сотнями лет. И сейчас его, молодого, пускай и перспективного, рыцаря вызвал к себе Иепархиа, высший круг епископов Церкви. Капитан вёл юношу узкими коридорчиками, которые освещались факелами, что находились по стенам, создавая впечатление полумрака и игры теней. Юношу не пугало столь причудливое зрелище, ведь в свои не полные два десятка лет он видел много страшные вещи, поэтому он шёл хоть и осторожной, но всё-таки гордой походкой.

Так они и шли, юноша и суровый рыцарь перед ним, меняя коридорчик за коридорчиком, сворачивая, меняя ход движения коридоров, словно пытаясь запутать любопытные взгляды, но они были твёрдо уверены в том, куда шли. Аэгрон уже потерял счёт времени, сколько они шли, время растаяло в узорах стен и теневых битвах, он почти вошёл в состояние транса, пока не услышал оклик Капитана:

— Мы пришли. Заходи, юный рыцарь, тебя уже ожидают. — с этими словами Капитан указал рукой, закованной в латы на массивную дверь, перед которой они остановились.

Аэгрон неверными руками толкнул дверь, и осмотрел ту мглу, что была внутри. По коже пробежал холодок, но юноша поспешил устранить этот мелькнувший страх и сделал шаг в неизвестность.

Стоило ему войти, он увидел, что попал в огромный зал, освещаемый прямым попаданием солнечных лучей из круглого ветрового окна, расположенного по центру потолка. Сейчас был полдень, ведь свет падал аккурат на трибуну, что находилась в центре зала, прямо под окном. Аэгрон оглядел весь зал и увидел множество трибун, что скрывала темень зала, но ничто не могло утаиться от его взора, острого, пронзительного, ясного, что достался ему от матери. Он видел множество фигур на трибунах, чьи лица скрывал капюшон их робы, не представляя возможным разглядеть их лица под плотной тканью. Сидящие на трибунах были прекрасно осведомлены о возможностях молодого воина, иначе, они не готовились так тщательно к их встрече, беспокоясь о своей анонимности.

— Встань у трибуны, Аэгрон, младший рыцарь первой священной гвардии. — прозвучал низкий бас откуда-то справа от юноши.

Аэгрон счёл нужным подчиниться данному приказу, хотя и его и начала обузывать злость за столь грубое начало общения.

— Аэгрон, сын Высшей крови и неизвестного простолюдия, — слышался другой голос с той же стороны. Этот голос был более тих и спокоен, напоминая женский, — Тебя призвали к нашим ногам, потому что ты проявил крайне невообразимую доблесть в деяниях, что выпадали твоей гвардии, и за то, что оказывал милосердие и сострадание даже самым опасным преступникам, даруя им жизнь, взамен полного подчинения.

— В связи с этим, — зазвучал третий, самый противный голос, который слышал за свою жизнь юноша, — В связи с этим, мы решили вознаградить тебя по заслугам твоим и даровать почести за деяния твои. Церковь Святого Аорты столкнулась с новой угрозой — культистами, и мы создаём специальную организацию, которая сможет противостоять им.

— Что от меня требуется? — спросил Аэгрон в пустоту. — Зачем вы мне всё это рассказываете, святейшие!?

— Ранее за подобное люди карались отрубанием языка, ежели не смертью, но твой

случай — особый. Жди, рыцарь, слушай, и ты получишь ответы на все свои вопросы. — зазвучал вновь бас с трибуны.

— Так вот, юноша, как мы и говорили о том, что можем даровать почести, мы не лгали, — раздался слева нежный баритон. Аэгрону казалось, что девушка, которая сейчас заговорила, была не старше него, но она уже занимала высочайшее положение в церкви, — Мы создаём Инквизиционный отряд, подконтрольный лично нам, второй по главенству после Иепархиата, и предлагаем тебе место Главного Инквизитора. Но для начала...

В центр зала из темноты втолкнули девушку, в лохмотьях и кандалах. Вбегая, девушка споткнулась и упала прямо на каменный пол, разбив лицо при падении. Закованная подняла окровавленное лицо на трибуну и попыталась что-то сказать, но получилось только не понятное мычание. Аэгрон стоял, не в силах пошевелиться, ведь девушка, которая была перед ним...

— Мы избавили её от возможности извергать проклятия в сторону живых, — оторвал от мыслей и продолжил всё тот же голос. — Однако, её историю мы всё же расскажем.

— Она — культистка, что промышляла в нашем городе, — запищал тот противный голос, что раздражал Аэгрона. — Первая жалоба на неё достигла наших ушей примерно три луны назад. Жители одного из домов сообщили о странных ритуалах по ночам на заднем дворе соседней хибары, мы отправили туда нескольких своих летучих дознавателей и получили результат. Дознаватели доложили, что эта женщина действительно вечерами проводила время на заднем дворе дома, где жила, копаясь в земле и шепча странные слова на странном языке. Так вот, ближе к делу. Сейчас ты стоишь перед выбором: казнить её, либо же занять место рядом с ней. От этого зависит твоё будущее, Аэгрон!

И тут юноша задумался. Девушка, что стояла на коленях перед ним была ему очень знакома, и это он обучил её тому заговору, который использовали эльфы, при посадке деревьев. И то, что сейчас требовали от него епископы... Это было выше его сил. Он смотрел в её полные ужаса глаза и не знал, что делать... «Прости, Амелия, я не могу ничего поделать... Я должен казнить невиновную, чтобы больше никогда и нигде не упал волос невинности. Прости, Амелия... Я не забуду твою жертву, и буду молиться Даану, дабы он даровал тебе лучшее посмертие... Прости меня, подруга, я не могу...» И с этими мыслями и слезами на глазах, юный рыцарь медленно вытащил свой двуручный меч из ножен, сделал шаг навстречу к обреченной, и отвернувшись, нанёс удар...

Юношу согнуло в порыве рвоты, он не мог сдержать подступивший комок горечи и отвращения к себе, но тут зазвучал тихий баритон самого молодого епископа:

— Аэгрон, ты доказал нам, что способен казнить виновных. Отныне и сию же минуту мы нарекаем тебя Главным Инквизитором, и даем тебе полную власть над отрядом, который ты волен собрать сам. У тебя на подготовку времени до новолуния, что случится через семь дней. Вашим первым заданием будет...»

Когда видение кончилось, Олловина согнуло в порыве рвоты, потому что он прочувствовал всё то же самое, что и Аэгрон в тот момент. Его затрясло мелкой дрожью от того, что Великий Инквизитор, которого воспевали, как героя столетиями, совершал не только благие поступки.

«Как видишь, юноша, мы все совершаем ошибки. Но в наших силах жить с ними и исправлять их. А теперь, Олловин, нам пора. Я ощущаю, как безобразие Хаоса сгущается над миром, а тебе ещё многому предстоит научиться. Пойдем, ученик, нам нужно достичь столицы до полнолуния, ведь только там тебе могут найти лучшее оружие и доспех.

Поспешим же, рыцарь.»

И Олловин поднялся, не отдавая отчёт своим действиям, и пошёл туда, где был выход из той долины, где он тренировался со своим учителем последние несколько лун.

II

Элиссиф сидела на кровати в своей келье и думала над тем, что показала ей первая Королева. Она до сих пор сидела обескуражена видами, которые видела, звуками, что слышала и запахами, что ощущала. Девушка сидела, боясь пошевелиться, поэтому она сидела без движений, с закрытыми глазами. Но его потревожил голос, который звучал, как ей казалось, откуда-то далеко, столь тихим он был:

— Госспожа, как Вы себя чувствуете? — зазвучал голос уже в который раз. — Госпожа, у Вас всё хорошо?

— Д-да, Грушшак, всё хорошо. — рассеянно ответила девушка, — Не стоит беспокоиться.

— Но госпожа, вы пропали из этой реальности! Я не чувствовал Вашего присутствия! — не успокаивался вампир

— Я СКАЗАЛА — ВСЁ ХОРОШО, — девушка с удивлением осознала, что вместо слов неё получается рычание, — ЕСЛИ ВСЁ ХОРОШО, ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ВСЁ ХОРОШО!

— Д...да, Королева, — стал заикаться мастер-вампир, — позвольте удалиться, Госпожа...

И с этими словами, вампир стал по обыкновению растворяться в воздухе, но его остановила девушка:

— Куда собрался, смерд!?! — злобно проговорила девушка. И то ли эти слова, то ли тон девушки заставил вампира остановить свою попытку бегства.

Вампир стоял, частично превратившись в облако тьмы, стоял, покрытый мелкой дрожью. Драконий взгляд, который пробудился у девушки после видения, видел её столь явно, словно это было солнце в небе.

— Ты весь трясешься, вампир. — не спрашивала, а утверждала Элиссиф. — Почему ты стал бояться меня, Грушшак?

— Вы... Вы обрели силу. — ответил прямо мастер-вампир на вопрос девушки, — Вы стали развивать свою силу драконов... Это пугает меня...

— Пугает, говоришь? — задумчива спросила девушка, не столько вампира, сколько в пустоту. — Ладно, так и быть, исчезни, Грушшак.

И вампир послушался незамедлительно, испарившись в воздухе.

А девушка задумалась ещё больше. Она стала обладать драконьим взглядом, и голосом повелевала вампиром, древнейшим из древних. Это радовало и пугало девушку одновременно. Радовало тем, что теперь она, если правильно понимала суть силы, могла управлять любыми действиями вампиров, просто говоря им, что делать. А пугало Элиссиф то, что она не знала, как это делать правильно, и что является активатором этих сил.

Поднявшись с кровати, девушка неровным шагом, чутка покачиваясь, направилась в сторону главного зала, оглядываясь по сторонам, как некоторое время назад. Она всё так же видела тени, но теперь она ясно различала в этих тенях силуэты вампиров и их жадные, алчно пылающие хаосом глаза, готовые пожрать всё живое на своём пути.

Но теперь эти тени не пугали и не приносили дискомфорт юной Королеве. Она интуитивно понимала, что теперь они её боятся, а не наоборот. Элиссиф видела дрожь вампиров, видела, как они пытаются забраться выше и забиться в более глубокие дыры в стенах, стараясь спрятаться от девушки. Дойдя до центрального зала вулкана с открытой крышей, которая была ничем иным, как жерло, девушка увидела, что на улице идёт дождь. Это очень обрадовало девушку, потому что она хотела увидеть своё отражение.

Подойдя к ближайшей образовавшейся луже, девушка наклонилась над ней, дабы посмотреть на своё отражение. Когда девушка увидела себя в луже, она была ошеломлена увиденным. На неё смотрела прежняя она, но теперь выглядящая несколько иначе. Черты её лица стали более резкими, прямыми, потеряв свою округлость, волосы потеряли свою белоснежную серебряность, став более белоснежными с проблесками чёрных и бордовых волос, придавая девушке мистический шарм и грациозный вид. Но больше всего девушку впечатлили её глаза. Веки глаз у девушки стали более грубыми, похожими на чешуйки, явно выделяясь на фоне всего лица, посаженные глубоко, они выделялись тем, что были темнее лица девушки, отчего казались более резкими, более устрашающими. Тёмно-циановые роговицы окружали чёрные, окропленные сполохами оранжево-красными пламени, и всё это тонуло в нежном, тёплом перламутре их белков.

Девушка завороченно смотрела на своё отражение в луже, изредка шедшее рябью от падающих капель дождя, но в одно мгновение Элиссиф увидела кое-что странное... На неё из отражения смотрела не только она. Юная королева стала видеть за своим плечом лицо Первой. Она смотрела на неё, пронзая взглядом мудрости и первозданной остроты, и Элиссиф утонула в этом взгляде, погружаясь в транс. Юной Королеве казалось, что она погрузилась в сон, хотя внешне она оставалась всё так же бодрствующей, хотя и были некие странности в её поведении. Вампиры, что таились по углам зала, видели, как девушка полыхнула энергией, Силой, что была ей дана по праву рождения, вспыхнула и потухла, замерев, словно статуя. Девушка сидела без движения крайне долго, на столько, что вампиры обрели смелость для того, чтобы начать смещаться в сторону Королевы. И чем ближе они приближались, тем больше их окутывал страх. Они стали различать голос девушки, которая разговаривала, как им казалось, сама с собой. Но вампиры слышали только её ответы невидимому и неоощуаемому собеседнику:

— Да, я попробую, — говорила девушка сонным голосом. — Я... Я знаю, но я ни разу не пробовала.

Сразу после этого ответа, девушку вновь окутал ореол Силы, столь мощный, что вампиров, что были самыми наглыми и подошли к девушке на самое близкое расстояние, откинуло к стенке, размазав их, словно масло по хлебу, а самых неудачливых Сила девушки развоплотила, превратив их в грязную пыль, что пахла серой и жжёным камнем. Обернувшись, девушка даже не обратила на это внимания, лишь отошла ближе к центру зала, поправляя волосы, что прилипли к её лицу.

Подойдя к центру комнаты, девушка подняла голову вверх, к нему, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Элиссиф чувствовала, что на данный момент она приближена к центру, на столько близко, на сколько это было возможно. Она не знала, почему она это осознаёт, но она стала больше доверяться своими ощущениям после того, как Эшшери показала ей свои первые шаги в этом мире. И сейчас, находясь в центре зала, Юная Королева готовилась исполнить просьбу-приказ своей наставницы.

Девушка сложила руки на груди и начала смотреть вглубь себя. Она искала дорогу к

своему сердцу и своей сути. Элиссив стояла, сосредоточившись на себе, не замечая того, что вода вокруг неё начала закипать от нестерпимого жара, испаряясь, окутывая юную Королеву покрывалом пара. И чем глубже девушка копалась в себе, тем сильнее было испарение вокруг неё, даже камень начал плавиться от её Силы, которая окутывала девушку, словно кокон.

И вот, когда вокруг девушки начала образовываться новая лужа, лужа из оплавленного камня, краснеющего от высокой температуры, что создавала девушка, не зная этого, тогда кокон Силы стал менять свою форму. Всё так же окутанная паром, девушка стала менять свою позу, медленно раздвигая руки в разные стороны от тела, и поднимая голову к небу. И с каждым её движением, кокон стал обретать образ дракона, который проявлялся сквозь пар, рождаясь в пламени и жаре, как писалось во многих легендах. С каждым ударом сердца девушки, дракон, в который превращался её кокон, обретал плоть, каждая мышца, каждая часть тела дракона покрывалась чешуйками бронзово-золотистого цвета, которые вырастали прямо из только что появившихся мышц. Когда девушка развела руки, из пара появилась пара огромных, перепончатых крыльев, что закрывали почти весь, даже по меркам Древнейшего Дракона Ишшо огромный, зал, создавая впечатление полной поглощенности этого помещения. Но самое ужасное для всего гнезда древнейших вампиров стало проявление голоса дракона. Подняв голову, вместе с ней поднялась морда величественного существа, издавая нечеловеческий, мощный, устрашающий рев, который сотряс стены зала, каждую пещерку и переход в вулкане, на столь сильным был рев. Часть гнезда в этот момент решили ретироваться подальше от обиталища уже двух драконов, опасаясь, что один из них в гневе и готов уничтожить всех, кто попался им под лапу. Ведь, даже самый сильный и старейший из них, Грушпак, забился в самый дальний и малодоступный закуток вулкана, сотрясаемый мелкой дрожью страха, которую он не мог успокоить...

— Я СМОГЛА, КОРОЛЕВА! Я ОБРЕЛА ФОРМУ, ЭШШЕРИ! — раздался рёв дракона столь громкий, что птицы востепенулись от страха на несколько лиг вдали от вулкана.

Поднявшись с пола, где он, стоял, как раб, склонив голову столь низко, как позволялось, Тревор сплюнул накопившуюся слюну и заметил, что в ней была его кровь. Грязно выругавшись, некромант, покачиваясь, побрел к креслу у стола, на котором стояла пыльная, закупоренная бутылка, бокал и лежала кипа из пергамента.

Подойдя к столу, Тревор сел в кресло, развалившись, как истинный король, но он не стал рассматривать документы, а протянул руку к бутылке. Тёмный маг всегда был любителем крепкого алкоголя, но постоянная работа, поиски его заклятого врага и способов его одолеть мешали ему отвлечься, насладившись горячительным напитком. Но теперь Тревор понимал, что без крепкого гномьего пойла ему не обойтись. Он всё боролся со злостью, которая пожирала его изнутри, из-за того, как с ним по-рабски общался Даан. Боролся он и со страхом. Страхом того, что Бог единственным своим желанием склонил его, самого могучего человека в мире, к земле, заставив бороться его со страхом и яростью.

Налив себе половину бокала, некромант сделал медленный, осторожный глоток. Горячая, обжигающая жидкость растекалась по его горлу вниз, к желудку, согревая всё тело, от кончиков пальцев, до глубины сердца. Допив бокал, некромант поставил его обратно на стол и вновь потянулся к бутылке, но его глаза увидели надпись на верхнем пергаменте, которая гласила: «Опыты над драконом. Подчинение». Тревор оттолкнул стакан в сторону, потянувшись к пергаменту, который его заинтересовал. Это были не его труды, а скорее всего кого-то из его подмастерий. Развернув пергамент, некромант увидел короткие, спешные и чуть кривоватые записи, которые, видимо, принадлежали его помощнику-вампиру:

«День 1. Мы нашли логово дракона неподалёку от тролых топей. Сила дракона крайне высока, но подвластна двум помощникам Тревора...»

День 2. Мы подобралась к дракону на возможное близкое расстояние, чтобы рассмотреть его. Размеры от ста пятидесяти до двухсот футов, цвет иссиня-чёрный, скорее всего один из первопришедших.

День 4. Два дня мы провели в мастерской. Дран отыскал в мастерской хранилище Силы, который создал Господин. Мы решили попытаться обессилить дракона.

День 5. Я направил поток Силы дракона в хранилище, но он заполнился за считанные тики сердца. Дран смог обвалить пещеру на змея, обездвизив его. Дракон стал поливать всё, что было напротив морды, потоком кислоты, мы заняли позиции вне досягаемости и ждем.

День 8. Дракон устал спустя три дня. Вокруг его морды образовался глубокий котлован, мы решили рискнуть. Я опутал дракона петлёй силы, для поддержания я использовал набранную артефактом Силу. Дран сковал пасть змея с помощью магии деревьев. Мы можем начать эксперименты.

День 9. Оторвав около десятка чешуек, дракон завопил от боли. Он рычал на нескольких языках, но мы поняли лишь всеобщий. Он клялся убить нас самой мучительной смертью, потому что никто не смеет так обращаться с Охиарром, правой рукой Древнейшего Дракона.

День 10. Мы смогли добраться до сердец дракона. Дракон начал вопить ещё более истерично, забавляя меня. Вопреки ожиданиям и проклятиям Охиарра, мы не стали

пытаться вырезать сердца, видя всю Силу и Мошь, что была в них сосредоточена. Сделав лишь надкол над сердцами, нас отбросило от дракона, столь сильна была защитная энергия драконьих сердец. Мы решили отступить в найденные ранее укрытия.

День 11. Посоветовавшись, я и Дран решили запечатать змея, изменив структуру петли на удерживающее заклинание, оставив артефакт для подзарядки заклятия. Понаблюдав за действием магии, мы убедились, что дракон сам подпитывает артефакт, что питает его магическую клетку. Вход в жилище дракона мы обрушили и запечатали магией крови, чтобы ни у кого не хватило сил добраться до змея.»

Дочитав манускрипт, Тревор свернул его и, закрепив его веревкой, положил на край стола, ближе к себе. Некромант ликовал в душе, ведь его помощники смогли заточить дракона! При чём не слабую особь, только вошедшую в мир, кою он сам седлал долгое время, пока дракон не умер от боли, а одного из первых драконов! Уважение к ученикам росло у него с каждым мигом, пока он думал о содеянном ими. С поднятым настроением и созревшим планом действий, некромант протянул руку к отставленному стакану и налил ещё из бутылки гномьей огненной воды. Выпив залпом и ощутив прилив сил и жжения внутри, Тревор закрыл глаза и отдал мысленный приказ: «Исса, Купер, Перрин, Гарри, Элендил, у вас есть десять ударов сердца, чтобы появиться в мастерской. Я покараю любого из вас, ежели опоздаете, шакалы!» В тот же миг проследовал ответ на пять разных голосов: «Да, Мастер.» Произнеся приказ своим ученикам, некромант потянулся к бутылке, чтобы налить ещё стакан, но стоило ему только к ней прикоснуться, как раздался хлопок первого портала.

— Вы звали, Мастер. — произнес человек, что появился за спиной некроманта.

— А, Гарри, ты как всегда быстрее всех, — произнёс некромант. — Ты не перестаёшь меня радовать, но давай дождёмся остальных, вы мне нужны все.

— Я тут по вашему зову, Господин. — произнёс новый голос.

— Перрин, быстрейший мой ученик, найди-ка ещё этого пошла — с этими словами Тревор потряс почти опустевшей бутылкой.

— Слушаюсь, Мастер. — ответил Перрин и пошёл исследовать мастерскую на наличие ещё одной гномьей бутылки.

— Мы прибыли по вашему зову, Учитель, — прозвучали сразу два голоса.

— Да, я вижу. Купер, Элендил, дождёмся последнего и начнём. — произнес Тревор уже более устало, видимо приветствовать своих учеников он не привык.

— Я здессь, Массстер. Я явился на вашшш зззов. — прошептал-прошипел тихий голос.

— А вот и Исса, ты, как всегда, работаешь? — с ухмылкой спросил некромант, оглядывая последнего ученика.

Исса потупил взгляд и опустил голову, как провинившийся ребёнок, и стоило ему найти силы для ответа, но тут подошёл к столу Перрин, неся в руках с виду тяжёлый ящик.

— Я нашёл ещё выпивки, Мастер! — воскликнул он. — Куда поставить?

— Ставь на стол, Перрин! Сегодня мы отдыхаем и дожидаемся мастеров данной мастерской! — распорядился некромант.

Ученик некроманта послушно поставил ящик на стол и отступил, не привыкший действовать самостоятельно, ожидая указания своего учителя. И его примеру следовали и остальные ученики Тревоора, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего стоите, бездарные!? Я же сказал, отдыхаем и ждем! Наливайте, пейте, расслабляйтесь! — произнёс некромант, борясь со злостью и усмешкой, бурлившей у него внутри. — Заодно ознакомьтесь вот с этим. — и некромант указал на манускрипт, что он

читал недавно.

Услышав эти слова, каждый из учеников некроманта, одновременно, щелкнул пальцами левой руки, и позади каждого из них появились удобные, хоть и не столь богато украшенные, как у Тревора, кресла. Прежде чем сесть, каждый из учеников достал по бутылки из ящика. Помимо бутылки был взят и манускрипт, первым его решил прочитать Элендил. Развернув свиток, ученик некроманта углубился в чтение. И с каждым прочитанным словом, глаза его расширялись всё больше и больше, дочитав, он откупорил бутылку и сделал глубокий глоток. Отпив от бутылки, Элендил повернулся к некроманту, намереваясь что-то сказать, но его остановил некромант, властно подняв руку, прекращая всякие попытки на изъявления своих слов:

— Потом все вопросы. Пускай, все ознакомятся! — сказал Тревор. И ученик тёмного мага не в силах был послушаться приказа своего мастера.

Элендил молча сделал маленький поклон головой и передал манускрипт следующему ученику. Исса читал более долго, перечитывая текст несколько раз, пытаясь найти скрытый смысл или зашифрованные части. Ничего не найдя, Исса повторил действие Элендила и передал манускрипт Перрину. Перрин пробежался глазами по тексту, удивленно хмыкнул и передал свиток дальше, даже не открывая бутылку, видимо, увиденное не столь сильно удивило его. Гарри, взяв в руки манускрипт, не торопился его открывать. Он осмотрел его со всех сторон, ища потайные ячейки в черенке свитка, но убедившись, что их нет, прочитал его. Не проявив никаких эмоций, он передал свиток последнему ученику, Куперу. Последний из учеников взял бутылку гномьего пойла и, откупорив, сначала отпил, а потом уже принял свиток из рук Гарри. Читая, он воскликнул «Боже мой! Да они сумасшедшие!», а прочитав, он начал громко смеяться, но вовремя осёкся, виновата взглянув на своего учителя. Но, вопреки ожидания Купера, Тревор оставался спокойным, медленно попивая гномий алкоголь из стакана. Его глаза блестели, давая понять, что в его голове была идея и созрел примерный план действий. Он сидел улыбаясь, смотря в даль, задумавшись о своих свершениях, кои он узрел, читая работу своих мастеров.

Никто из учеников не рисковал отвлечь своего Мастера от размышлений, потому что все знали, что Тревор умеет карать. Карать быстро и мучительно. Поэтому, все пятеро учеников сидели, пили алкоголь гномов и молчали. В мастерской повисла звенящая тишина, которую развеивали редкие звуки плотков шестерых людей, что сидели за одним столом. Так прошли долгие минуты, пока некромант не заговорил:

— Как вы уже поняли, мои мастера смогли пленить одного из древних драконов. Ну или во всяком случае, им так кажется. Но, даже если не так, они пленили крайне сильную особь, раз им не хватило сил его сломить. Сейчас эта парочка охотится на троллей, которых они запугали на столько, что те забились в самые глубокие щели, так что, либо они вернутся с парой троллей, либо ни с чем. Но это не так важно. Пока что. Для начала нам с вами, мои ученики, нужно доделать то, что не смогли они. Нужно сломить и забрать Силу того дракона. После недавних событий я решил больше не рисковать, поэтому и позвал вас, отвлекая от более важных ваших дел.

— Но что мы будем делать с его силой? — задал вопрос Купер своему учителю, дождавшись, когда тот договорит.

— Убьём Бога, разумеется! — усмехнувшись, сказал некромант.

— Бога? Вы всё-таки решили убить Даана? — задал вопрос Элендил. — Вы нашли способ вернуть свою жену?

— Думаю, что если мы осуществим то, что я задумал, я смогу вернуть не только свою жену, но и кого угодно. — улыбаясь, сказал некромант.

— Так на какого же Бога мы охотимся? — спросил Купер.

— Неужели не понятно? Мы-сссс охотимсся на Аорту. — прошипел Исса.

— Да, Исса, ты прав. В моих планах уничтожить Бога Света. Но чтобы начать охоту на сильнейшего из сильнейших нам нужно ещё крайне много сделать. Сейчас ваша основная задача — изучить всю мастерскую вдоль и поперёк. Всё, мало-мальски важное несите сюда. — приказал некромант спокойным, но не терпящим возражения, голосом. — И да, Исса. Принеси мне вон ту книгу. — и Тревор указал на книгу, что читал до посещения его мастерской Дааном.

Ученик некроманта послушно направился в сторону книги, в то время как остальные четверо поднялись со своих кресел и разбрелись по огромной мастерской, изучая всё, что находили на столах и в шкафах. Передав некроманту книгу, Исса собирался пойти в тёмный угол мастерской, но его змеиный взгляд заметил кое-что необычное под столом, в самом тёмном углу, скрываясь от взора всех, кроме ученика некроманта. Присмотревшись внимательнее, он разглядел насекомое, напоминавшее таракана. Но это был необычный таракан, всё его тело представляло собой поверхность, что вся была изрезана проблесками глаз, которые жадно смотрели, не моргая, на всё, что их окружало. Исса удивленно смотрел на это существо, пока этот «таракан» не понял, что его увидели, собравшись забиться в дальний угол, либо в щель, спасаясь от ненасытного взгляда, что смотрел на него. Но ученик некроманта не был учеником, если бы позволил этому существу сбежать. Согнув руку в локте и вытянув палец в направлении существа, Исса произнёс простое слово «замри», выпустил поток Силы в его сторону, и заметив, что это подействовало, блаженно улыбнулся. Тревор, занятый своими не сразу заметил действий своего ученика, но отвлекся от них, почувствовав поток Силы Иссы. Слегка повернув голову, некромант вопросительно и требовательно посмотрел на своего самого скрытного ученика, и его взгляд был столь тяжёл, что Исса непроизвольно отпустил существо, что поймал с помощью своей Силы. Освобожденный «таракан» ретировался, забившись в щель, что была в каменном полу, а ученик некроманта грязно выругался, но тут же склонил голову, прильнув на одно колено перед своим учителем, ожидая наказание.

— Что ты видел, Исса? — требовательно спросил некромант.

— Госсподин, это была тварь Беззсссны. — ответил Исса, смотря в пол, боясь поднять голову.

— Тварь Бездны, говоришь? — задумчиво произнёс некромант. — Интересно, что тут забыла тварь Даана?

— Мне поймать её, Госсподин? — так же, не поднимая головы, спросил Исса.

— Нет, не стоит. Пускай наблюдает. Пусть Даан знает, что теперь у меня хватит сил побороть даже его, как и его проклятого брата. А теперь ступай, помоги братьям.

Ученик некроманта поднялся с колен, но не поднимая головы, отошёл от стола некроманта, не забыв передать книгу своему учителю. Некромант проводил взглядом своего ученика, и удостоверившись, что ученик исполняет его приказ, вернулся к своим размышлениям, положив руку на книгу, которая была написана для него, по словам Бога Смерти.

Наблюдая за тем, как его ученики разбрасываюь абсолютно всё, что попадает под руку, ища более-менее интересные предметы или книги. Всё, что они считали таковым,

отправлялось в центр мастерской, образуя огромную кучу, от которой исходила энергия древней мощи, образуя уже видимый ореол очертаний. Некромант, что стал видеть проявление Силы воочию, после прочтения Книги Жизни и обретения скелетной руки, поразился тому, сколь мощные вещи хранились в его мастерской. Только теперь он стал различать истинную мощь каждого из артефактов, что он собирал всю свою жизнь. Он наблюдал за радугой, которой озарялся ореол Силы от предметов в центре зала, замороженно следя за переливами артефактов.

Так продолжалось более сорока ударов сердца, пока не раздался шелест, который заглушил все звуки в мастерской. Оторвавшись от артефактов, Тревор повернул голову в сторону, откуда был слышен шелест. Шелестом оказался своего рода телепорт его подмастерий. Некромант увидел обоих своих мастеров, но те были несколько потрепаны. У вампира не хватало правой руки и четверти головы, но стоял он крайне уверенно, держа скелет эльфа здоровой рукой. Эльф, вернее то, что от него осталось, представлял собой более страшную картину. Костей у него поубавилось почти вдвое, ступню и таз не соединяло ничего, кроме силы магии, череп у него отсутствовал в принципе, лишь темнейшая чернота, в которой пылали огни, кроваво-красные сполохи пламени, глаз. Некромант осмотрел мастеров, что помогали ему и довольно хмыкнул. Он понимал, что что-то произошло, но терпеливо ждал слов от своих слуг. И вампир заговорил, с трудом подбирая слова, с трудом произнося слова на общем языке:

— У... Учитель. Мы. Мы провалили. За... Задание. Учитель. Тролли наш... Нашли Защиту. Им помо... Помогают орки. Двад... Двадцать шаманов. Пленили нас. Сбежали. Но пострадали. — произнес вампир.

— Даан тебя побери, Кром. Я не понимаю, что ты несёшь! — зло крикнул некрмант своему слуге. — Потерпи, сейчас будет больно.

С этими словами он закрыл глаза и сосредоточился на своих подмастерьях. Сосредоточившись, некрмант обратил свои мысли к стражам времени, возвращая прежний вид своим слугам. Когда некрмант вернул прежний вид подмастерьям, Тревор почувствовал откат магии, который впечатал его в кресло, давя на него, словно туша дракона, что упала на маленького человека. Всё же стражи времени не любили, когда смертные врывались в их владения. Придя в себя, некрмант удовлетворенно смотрел на результат своей работы, разглядывая слуг, что были, как прежде.

— Теперь продолжай. — приказал некрмант тихим, уставшим голосом.

— Учитель, у троллей появились союзники. Они сговорились с орками. Нас пленили двадцать шаманов орков и пять стихийников троллей. Мы чудом сбежали, потеряв часть себя при переносе. Они стали крайне сильны для нас, простите... — проговорил быстро, как скороговорку, Дран, восстановленный скелет-мастер.

— Сильнее, значит? — задумался Тревор. — Не так уж страшно, как поглядеть. Теперь и вас не двое. С вами будут сильнейшие из сильнейших.

И некрмант повел рукой перед собой, как бы открывая глаза подмастерьям на то, что творилось в мастерской. Мастера некрманта обернулись и увидели всех пятерых учеников Тревора. Они непроизвольно склонили голову, верь помимо мастера в мастерской были и все пятеро его учеников, сильнейших из сильных. Некромант, увидев данное проявление уважения к своим ученикам, засмеялся. Щелкнув пальцами, Тревор без слов подозвал к себе своих учеников, отвлекая их от поисков всего магического.

Они беспрекословно исполнили приказ своего учителя, направившись к столу, за

которым сидел некромант. Подойдя к Тревору и заняв место позади него, ученики некроманта молча встали друг рядом с другом, смотря вперед невидящим взглядом, как было всегда, когда некромант собирал всех пятерых для показа их силы.

— А теперь, мастера, поговорим. Расскажите нам о том драконе, что вы нашли. Я должен знать всё, что не попало в тот манускрипт. Рассказывайте, мы должны сделать то, что вы пытались. Не бойся, восьмерым тёмным хватит сил заточить Силу и Душу дракона. Захватим его, а потом Исса и Купер разберутся с вашей проблемой с троллями и орками.

— Да, Учитель... В общем, дракон этот оказался сильнее, чем мы думали. А сила его заключается в....

И два подмастерья начали свой рассказ, дополняя слова друг друга и изредка перебивая...

I

Олловин вышел из лощины, в которой тренировался последние несколько лун и оглядел мир, что предстал перед ним.

Перед юным воином открылась долина на столь большая, что тянулась до самого горизонта, изредка прорываемая странными игольчатыми строениями. Выжженная красная земля была похожа на чью-то безумную картину, а не на часть природы. Война уничтожила всё. От зелёных могучих деревьев, до черноты земли, столь ужасна она была. Приглядевшись, Олловин увидел, как земля то тут, то там дымилась, и до юноши доносился запах, вызывающий рвотный рефлекс. Запах был похож на смесь серы и трупного аромата, что говорило о том, что даже спустя многие луны, тела и кости павших тут горели бесконечным пламенем.

Олловин помнил, как ему говорил учитель, что тёмная магия способна выжигать жизнь из всего, даже из земли, но он не верил. А сейчас, смотря на бескрайнюю долину, что была выжжена от земли до неба, парень понимал, что его учитель ему не лгал. Увиденное пугало юного воина, столь сильно, что он стал робко отступать в сторону прохода в горах, из которого он вышел недавно. Когда он почти дошёл до входа в лощину, его тело перестало его слушаться, и юноша вновь услышал голос в голове:

«Олловин, я могу тебя обрадовать, ровно так же, как и огорчить. Я не ощущаю в данном месте тёмной магии. Всю данную долину залили светлой магией, которая уничтожила всё живое. Я видел такую магию раньше, подобной была уничтожена целая деревня культистов по моей вине. Теперь нам точно нужно в Столицу. Только там мы узнаем ответ на то, что тут происходит. Да и экипировку для тебя найти там проще.»

— Святая магия? Т-ты уверен? — заикаясь, спросил Олловин в пустоту, обращаясь к Аэгрону.

«Да, юноша. Магия тут была только святая. Я ей сам пользовался в своё время. И прекрасно помню последствия. Так что, давай пока без вопросов, пора выдвигаться в путь. И тебе нужно найти таверну, погода меняется, скоро будет буря, которую лучше переждать под крышей.»

— Буря? Да, надо идти тогда... Только в какой стороне Столица?

«Иди всегда на запад. И ты не ошибёшься, Столица на закате.» — произнёс голос у Олловина в голове. И юноша молча, хоть и крайне понуро, стал отходить от входа в лощину, осторожно ступая на красную, мёртвую землю, которая хрустела под каждым его шагом.

Сделав несколько первых шагов, молодой воин стал ощущать себя увереннее, с каждым шагом более твёрдо ставя ногу в сыпучую почву. Подняв голову к нему, Олловин посмотрел на солнце и улыбнулся его яркому свечению. Юноша смотрел на чистое небо, на котором не было видно ни единого облака, и не понимал, как в этой голубизне могла появиться буря. Но он понимал, по горькому опыту помня, что величайший герой всех времён, чья душа делит с ним тело, юноша понимал, что Аэгрон не ошибается. Поэтому, погревшись в лучах яркого солнца, молодой воин решительно двинулся в сторону заката.

Юноша шёл, задумавшись обо всём произошедшем. Олловин шёл, потупив взгляд, не обращая внимания на происходящее, его голова была забита кадрами из боя с его учителем, кадрами выгоревшей земли и картинками из прошлого его нового наставника. Но, вопреки

рекам магии, солнце неустанно стало склоняться к земле, представляя силу для сумерек. А вечер, равно как и ночь — время для различных тёмных тварей, как говорили все вокруг Олловина, от родителей, до храмовых служителей. Юношу в себя привёл жуткий вой, который раздался где-то позади. Оглядевшись вокруг, Олловин увидел, что солнце уже почти коснулось горизонта, и темень ночи начала брать своё. Наблюдая за закатом, юноша вспомнил отрывок стиха-страшилки, одного из тех, которым пугают детей.

Пусть Тьма идёт на грешный мир,
С собой неся всю боль и страх.
Беги ты путник, хоть в трактир,
Коль слаб ты на мечях.

Ведь монстры ночи, дети Тьмы,
Идут за вашей жизнью,
Не доверяй вечернему затишью,
Ведь твари эти хуже и чумы.
Они рвут всех и вся, кто ходит днём.
Грызут и отгрызают,
А кто-то вас проглотит аж живьём,
И никто не сможет и спасти, все потеряют.

Надежду, веру и отвагу,
Забьются в дальний угол дома
И не спасти вас будет магу,
Ведь все боятся грома...

Олловина бросило в дрожь от этого стишка, ведь сейчас он слышал чей-то вой. Вой, не принадлежавший ни одному живому созданию, означал приближение ночи, а значит, и тварей, которые подстерегали всех неудачливых путников.

Юноша задумался над тем, что за тварь могла так выть. Его мысли путались, вспоминая всех ночных тварей, о которых ему рассказывали сначала сиделки, а потом уже и в храме, в первые дни послушания. Юноша думал, вспоминая рассказы, и начал сравнивать вой с теми, о ком слышал. Был ли то дуллахан, воин, чья душа не обрела покоя и была отвергнута самим Дааном, обречённый скитаться по земле, забирая жизни путников, пытаясь найти себе новое тело, убивая нерадивых путников, которые не владели даже толикой магии, дабы противостоять ему? Или же это был обычный упырь, вампир, что не мог выходить на свет из-за проклятия Хаоса, что скитался в ночи и пожидал кровь путников, кося их, словно веточки, выпивая их досуха, и все, кто не умел держать в руках оружия, падали пред ним, словно колоски ржи под ветром? А может, Олловин зря накручивал сам себя, и это был всего лишь волк? Молодой воин не стремился поскорее узнать ответ, ведь он находился на тракте, до которого дошёл в раздумьях, и не видел ни одной таверны вокруг.

Но, будь то судьба, или злой рок, Олловину всё же суждено было столкнуться с существом, что издавало этот вой. Вернее, с существами. Стоило юноше отвлечься от своих мыслей, как он почувствовал напряжение в воздухе, и инстинктивно потянулся к мечу. Стоило ему коснуться эфеса, как тут же в пятнадцати футах от него, вдоль тракта из-под земли начали выпрыгивать странные, низкорослые существа. Это были гоблины «красного колпака». Олловин читал о них. Злые, ненавидящие всё существа, были похожи на гномов,

но были более шуплыми, худыми. Ростом не более трёх футов, они имели крайне длинные руки, что почти касались земли. Двигаясь на ногах, напоминающих лапы, согнутых в коленках, они были крайне проворны и быстры. Гоблины не признавали доспехов, нося лишь тряпочные одеяния, будь то рубашки или туники, любая одежда людей была для них слишком велика, поэтому она выглядела на них, словно платья. Из оружия гоблины предпочитали большие ножи или серпы, орудуя ими быстро и кровожадно, как заправские мясники. А красными колпаками люди их прозвали за то, что для этих гоблинов самым почётным головным убором был обычный колпак, пропитанный кровью жертв. Однако, не смотря на столь невинное, даже для монстра, описание, гоблины эти были опасны тем, что они никогда не нападали по одиночке. И сейчас напротив Олловина стояло уже восемь этих тварей, завывающих в унисон, прогнозируя быструю, как им казалось, победу.

Олловин сжал руку на эфесе меча, но рука предательски начала дрожать, потому что он не сражался раньше, и даже его бой с учителем был исполнен не им самим, а героем внутри него. Но, как бы то ни было, юноша понимал, что данный бой ему стоит провести лично, дабы показать свою решимость в деле правосудия и Света. Поборов свою дрожь и страх, Олловин вытащил меч из ножен и направил остриём к земле. Закрыв глаза, юноша сосредоточился, вспоминая все уроки его наставников о том, как правильно драться на мечах, с чего начинать и как правильно бить, дабы не потерять свой меч. Вспоминая каждое движение, которое он оттачивал снова и снова, каждый шаг и выпад, которые он зубрил, юноша услышал, что первый гоблин осмелился начать бой, посчитав, что человек напротив сдался. Издав дикий визг, который резал уши, красный колпак резко рванул в сторону Олловина, на бегу поднимая свой ржавый нож над головой. И вот, когда до воина оставалось всего лишь фут, визг гоблина прервался, вместе с его жизнью. Олловин сделал резкий, молниеносный выпад, рассекая воздух перед собой дугой. Этим выпадом воин отсек голову красного колпака от шеи, будто это была обычная тряпичная игрушка. Согнув колени, Олловин поймал падающее тело гоблина, и закрылся им от прямого удара другого гоблина, попутно протыкая грудь третьему. Вопреки ожиданию юноши, гоблины оказались никудышными воинами, годными лишь для того, чтобы даже начинающий боец на мечах использовал их в качестве подвижных манекенов для оттачивания навыков. Поэтому, спустя каких-то двадцать ударов сердца, Олловина окружало много крови и трупы гоблинов. На нём же не было существенных повреждений, если не считать пару царапин на кисти, в которой держал меч, оставленных серпом одного из гоблинов, который был самым быстрым из всех. Оглядев поле битвы, или же бойни, что было более явно, Олловин не испытал ни малейшего чувства отвращения либо жалости, потому что он знал, что твари перед ним — всего лишь монстры ночи, и им не ведома жалость к народам света. Разглядывая то, к чему привело его мастерство во владении мечом, юноша услышал голос в голове:

«А ты молодец, юноша. Движения быстры и отточены, плавны и остры. Я даже завидую тебе, так мастерски владеешь одноручным мечом, что даже залюбоваться можно, наблюдая твой танец.»

— Ты... Ты смотрел за мной? — спросил юноша у пустоты.

«О да, Олловин. Я наблюдал за тобой всё время битвы, дабы, в крайнем случае, помочь тебе. Но ты смог справиться самостоятельно, не получив при этом даже ран. Одолеть «красных колпаков» может не каждый, но не зря же тебя обучали в Храме Аорта. Твоё мастерство помогло бы тебе и против дюжины гоблинов, возможно и упыря бы ты смог одолеть, но не рассчитывай на многое, не считай себя неуязвимым. Лучше давай

отправимся в путь. Ночь длинна, а тут раздолье для многих падальщиков. Поэтому, Олловин, прошу, отправляйся в путь, найди таверну или кабак. Тебе нужно отдохнуть»

— Да, я думаю ты прав. Надо идти вперёд. — так же ответил Олловин в пустоту. После чего убрал меч в ножны и неспешным, но уверенным шагом двинулся дальше по тракту, прислушиваясь к звукам вокруг.

Но, не смотря на осторожность юного воина, в эту ночь более не одна ночная тварь не посмела бы потревожить его, потому что от Олловина исходила Сила. Сила, которую все опасались, зная, что она может уничтожить всё...

II

Приняв свою обычную, человеческую форму, Элиссиф почувствовала, что Сила переполняет её. Открыв глаза, молодая королева драконов удивилась изменениям в мире. Вместо привычных картин, окружающих девушку, её обволакивали туманные линии разных цветов. Вглядевшись в них, Элиссиф поняла, что эти линии ни что иное, как линии Силы. Разношерстной, дикой энергии, что шла от самой земли, просачиваясь через скалы, воду и всё, что встречалось на её пути.

Осмотревшись вокруг, взгляд девушки привлёк странный цвет ауры далеко на горизонте. Среди ярких и тёплых тонов, исходящих от земли и каждого живого существа в мире, Элиссиф увидела холодную, иссини-фиолетовую ауру. Она резала глаза юной девушки-дракона, столь чужда она была для этого мира. Элиссиф видела, что эта аура не была постоянна, как все остальные, она была непостоянна, постоянно в движении, и девушке казалось, что она поглощает ауры рядом, становясь всё больше и ярче.

— Что это? — спросила в пустоту девушка.

«Это — Хаос, дитя. Ты видишь лишь малую часть того, что творится в мире из-за него. И эта аура — лишь шапка огромнейшего айсберга, что таится в мире и в не его. Присмотрись, в этом бушующем пламени ты увидишь всю боль и множество миллионов душ, что пали от Хаоса первозданного с момента сотворения Миров. И сейчас эта сила медленно, но уверенно поглощает этот мир, крупца за крупцей.»

Элиссиф стояла, опешив от услышанных слов предыдущей Королевы. Её мало интересовало, как она смогла слышать древнего дракона, что находится в пучине Хаоса без проводника — Аллори, ведь весь её разум затмевали мысли об ужасном, растущем Хаосе в этом мире. Девушку стала пробирать мелкая, предательская дрожь страха. Она боялась этой чумы, понимая, что ничего не может с ней сделать. Боялась столь сильно, что не заметила, как вампиры стали проявлять интерес к той, кого им приказали называть Госпожой. Однако, Дети Ночи не могли принять более одного хозяина, коим являлся Древнейший дракон, поэтому они всем своим чернейшим естеством желали уничтожить нового дракона в их логове, которое даровал им в полное распоряжение их Хозяин и Отец. И теперь всё гнездо этих низших тварей Хаоса медленно подкрадывались к девушке-дракону, которая стояла, разглядывая что-то в стене пещеры. Не ощущая ауры своего Отца, Грушшака, вампиры решили, что названная Хозяйка просто уничтожила его, и решили отомстить, особенно сейчас, пока девушка-дракон была поглощена своими мыслями. Переглядываясь меж собой, около десятка низших вампиров стали медленно приближаться к Элиссиф, царапая когтями пол пещеры. Не смотря на яркий солнечный свет, что проступал через дыры в скале, и льющийся с центра зала, который обжигал тварей Хаоса, заставляя кожу плавиться, вампиры

упорно приближались к девушке, поглощённые своей жадной жаждой убить врага. Но, чем ближе вампиры приближались к девушке-дракону, тем больший ужас окутывал тварей Хаоса, ведь перед ними находился не просто дракон, а Королева, пускай и не опытная. И сейчас Эллисиф окутывала аура Повелительницы Драконов, которая обжигала вампиров сильнее солнечного света.

Девушка стояла, вглядываясь в бушующее пламя Хаоса среди мира, мира, в котором она живёт, но, не смотря, на это, она ощущала каждое движение вокруг себя. Словно стоя в невидимом барьере, девушка явно чувствовала вампиров, что ползли к ней, ощущала их ярость и ненависть, направленные на неё. Эллисиф ощущала каждое их движение, будто бы смотрела сейчас не на Хаос, а следила за каждым движением, каждым вздохом этих тварей. Она чётко видела, как один из вампиров стал отделяться от общей группы, приближаясь к ней со спины. И вот, словно в замедленном движении, Эллисиф стала наблюдать прыжок этого вампира в сторону её незащищенной спины. Поддавшись инстинкту, который появился у неё с приобретением её барьера, девушка сделала едва заметное движение рукой в сторону твари, столь быстрое и точное, что девушка, хотевшая поймать это создание, ненароком проткнула его в области груди.

Тварь забилась в конвульсиях, издавая истошный крик, срывающийся на хрип, в глазах вампира стоял первозданный ужас от осознания своей участи. Пытаясь вырваться, вампир не замечал, как все дальше и дальше сползал по руке девушки, не оставляя себе не шанса на спасение. И в момент, когда он достиг изгиба локтя, существо вдруг забилось сильнее и хрип превратился в истошный визг, за которым последовал громкий хлопок взрыва. Некогда самый прыткий и уверенный вампир превратился в чёрную пыль, которая стала осыпаться под ноги девушки.

— Мерзость. — произнесла девушка, отряхивая своё платье от пыли, что была вампиром.

Отряхнувшись, девушка перевела взгляд на, оставшихся позади своего товарища, вампиров. Смерив их презрительным взглядом, Эллисиф произнесла спокойным голосом:

— Кто хочет ещё вернуться в пучину Хаоса, смерды?

Существа стали пятиться назад столь же синхронно, сколь недавно желали убить девушку-дракона. Зрелище, исчезающего в ничто собрата, подействовало на тварей Хаоса лучше, чем угрозы об уничтожении всего их вида. Вампиры были напуганы. Напуганы тем, что один из них исчез. Напуганы тем, что дракон, что был перед ними, испепелил его одним движением руки, без каких-либо эмоций и переживаний. И их Отец, Грушшак... Вампиры не чувствовали его присутствия, и не знали, жив ли он, или вернулся на свой план Хаоса.

Эллисиф же, наоборот, чувствуя эманации страха, исходящие от порождений Хаоса, стала питаться ими, словно вкуснейшей пищей, интуитивно начиная двигаться в сторону вампиров, повергая их в ещё больший ужас. Понимая, что для девушки они не более, чем пища, вампиры сделали единственное, на что были способны — они развернулись в сторону спасительных стен и туннелей и бежали столь быстро, сколь могли. Но чем дальше они убегали от девушки-дракона, тем сильнее становился их ужас. Ужас от обречённости своей участи, ведь каждое создание в кратере вулкана понимало, что от дракона не скрыться.

Подбежав к ближайшей щели в стене, вампиры, вернее один из них почувствовал слабую ауру их отца, Грушшака. Самый чувствительный из созданий Хаоса ощущал чуть осязаемую ауру Старейшего вампира, которая трепыхалась, как малое пламя свечи на ветру. Она была столь слаба, что вампир не мог понять, где находился его отец и создатель. Ему

казалось, что Грушшак умирал, хотя аура, хоть и была слаба, она не угасала больше, находясь в постоянном состоянии. Вампир, оглянувшись, издал еле слышный скрип, с помощью которого сообщил братьям о том, что их Отец жив, и дождавшись ответных скрипящих звуков нырнул в щель в стене, который был частью огромной сети внутренних туннелей горы.

Эллисиф, что шла следом за вампирами, подпитываемая эманациями ужаса, в мгновение ощутила всплеск ауры Древнейшего Вампира и остановилась, задумавшись. Девушке не давала покоя сила, вернее её почти полное отсутствие, ауры Грушшака, которая говорила лишь о том, что у вампира на столько мало сил, что он даже не мог стабилизировать свою энергию. Но, после взгляда драконьим оком на мир, у девушки появились вопросы, и ответить на них мог только Первый Вампир. Поэтому, Эллисиф постаралась напрячь драконьи чувства, чтобы найти его. У девушки-дракона ещё плохо получалось контролировать свои силы, и, из-за этого, она не могла определить точное местоположение Грушшака, но всё же чувствовала примерное направление ауры, которое вело вглубь спящего вулкана. Постояв некоторое время в размышлениях, Эллисиф сделала первый шаг к направлению туннелей, что ветвились по всему вулкану.

А в это время Грушшак почувствовал, что дракон почуяла его ауру, которую он пытался скрыть, борясь с ужасом.

Ш

Когда небо озарили первые лучи рассветного солнца, Олловин почувствовал, что сильно устал. С трудом переставляя ноги, юноша плёлся по тракту, не понимая, чего он хочет больше: спать или есть.

Но тут Олловин отвлекся, забыв об усталости. Яркая вспышка Силы озарила мир. Сила исходила откуда-то позади юноши. Она была столь яростна и сильна, что Олловина пробрала дрожь от этой мощной силы. Юный воин забыл об усталости, устремив взгляд в сторону, откуда шёл поток Силы.

— Что это за сила? — спросил Олловин, обращаясь к Аэгрону.

«Ты тоже почувствовал? А ты более талантлив, чем я думал. — с улыбкой в голосе произнёс дух величайшего воина. — Это был Хаос. Первозданный, необузданный. И исходил он с того самого места, где... Не важно, в общем. Просто плохое у меня предчувствие. Поспеши в таверну, она не так далеко, благодаря всплеску хаотической Силы, я почувствовал и души ближайших живых существ, почти все — люди. Поспеши, юный воин, а то ты уже валишься от усталости.»

Послушавшись совета легендарного героя, Олловин направился дальше по дороге, не обращая внимания ни на что, поглощённый своими мыслями. Размышляя о том, что он видел, и о чём ему поведал Аэгрон, юный храмовый воин не заметил, как дошёл до старого, деревянного здания, что стояло неподалеку от тракта, по которому он шёл. От размышлений его отвлек аромат мяса, приготовленного на огне, что шёл от этого здания. Подойдя к нему, Олловин прочитал надпись, что висела над дверью: Таверна «Пух и перья». Юноша стоял и разглядывал надпись на здании, пока урчание в желудке не победило его страх, и он вошёл в здание.

В таверне, как и во всех подобных заведениях, было шумно и пахло алкоголем

вперемешку с мясом. Олловин оглядел помещение. Внутри стояло около пятнадцати столов, большинство из которых занимали люди. Были тут и короткорослые бородатые мужички, Олловин их узнал сразу — это были гномы. Напротив двери находился высокий длинный стол, что занимал почти всю длину стены. За столом сидел мужчина, одетый в длинный плащ, что скрывал всю остальную его одежду. Мужчина ел мясо руками, столь яростно, что, казалось, не замечал ничего происходящего вокруг него. Однако, был человек, который сверлил Олловина взглядом, полным интереса. Сверлил не скрываясь, смотря прямо в глаза Олловину, от чего тому становилось не по себе. Стоял же этот человек по другую сторону длинного стола, что являлся барной стойкой. Когда у юного воина кончились силы терпеть этот пожирающий взгляд, Олловин вдруг услышал:

— Эй, парнишка! — крикнул бородатый мужичок Олловину. — Поди сюда, присядь, отдохни с дороги. — И он махнул рукой на свободное место за столом рядом с ним.

Олловин осторожным шагом двинулся в сторону места, на которое ему указал добродушный посетитель таверны, смотря по сторонам, в поисках ловушки. Медленно продвигаясь с освещенного входа к столу, что стоял в тени факелов, юношу не покидало ощущение, что все взгляды в таверне прикованы к нему. Несмотря на это, бородач смотрел на Олловина, улыбаясь не естественно белыми зубами, всё так же приглашающе указывая на место напротив себя. Когда же Олловин подошёл к столу, его желудок предательски заурчал, да так громко, что мужчина, что приглашал его засмеялся глухим басом.

— Садись, садись, парнишка! — со смехом в голосе произнёс мужичок. — Ты, наверное, проголодался?

— Д-да. — тихо, в полголоса, произнёс юный воин.

— Тогда присоединяйся ко мне! Не стесняйся, считай твой ужин платой за рассказ. Уж очень у тебя интересная одежда, давно о таких не слышал. Хочется узнать, откуда она у тебя. — так же с улыбкой проговорил мужичок.

Молодой воин, с опаской, приблизился к столу ещё ближе. Отодвинул стул от стола и медленно сел. Желудок урчал всё сильнее от вида яств на столе, заставляя, невесть откуда взявшуюся, слюну собираться во рту, скапливаться, мешая даже дышать. Юноша долго боролся с голодом и страхом перед столь странным проявлением добра, пока всё же не накинулся на лежащую перед ним на подносе сочную грудину, отрывая от неё большие куски и глотая, практически не пережёвывая. Это его поведение снова вызвало глухой смех человека, что проявил доброту в отношении странного путника, вошедшего в таверну. Но смех прекратился так же резко, как и начался, и мужчина задал вопрос, который его интересовал больше всего:

— Кто ты, мальчишка? — вполне серьёзным голосом спросил добродетель.

— Я... Олловин, — с трудом произнёс юноша, стараясь более внятно произносить слова забитым ртом.

— Мне не интересно твоё имя. — прервал Олловина человек напротив. — На тебе крайне странная одежда. Я её видел ранее, в свитках. Поэтому повторю свой вопрос. И, надеюсь получить на него крайне правдивый ответ, иначе...

С этими словами, мужчина сделал крайне быстрое, еле заметное движение рукой, и в ней появился изогнутый кинжал, с которого капала странная вязкая жидкость.

— Иначе, Олловин, — продолжил мужчина, уткнув остриё кинжала в столешницу. — Ты умрёшь раньше, чем произнесешь своё имя.

— Я...Я — ученик в стражи Храма Аорта. — заикаясь прошептал юноша. — Вернее

был им.

— Ха-ха! А ты забавный, малец! — засмеялся собеседник юноши. — Только вот одно но... Последний храм был разрушен почти три сотни лет назад. Мой дед был в той армии, что шла на храм.

— Раз... Разрушены? Н-но как!?! — произнёс Олловин еще более поникшим голосом. — Этого... Этого не может быть.

— Так ты не шутишь, парень? — удивился бородатый собеседник Олловина. — Да, я чувствую, что ты не врешь. Хорошо. Что последнее ты помнишь о своём храме?

— Я помню, как Капитан разбудил нас, сказав, что армия Некроманта напала на Храм... Помню, как меня отправили к Шепчущему, дабы защитить его, но он увёл меня куда-то по старым подземельям замка...

— Так вот почему в тот день не было головы Шепчущего на пике! Вот почему мой дед был казнён Тревором прямо на главной площади храма! — воскликнул мужчина. — Ладно, я верю тебе. Но позволь дать тебе совет. Смени свою одежду, пока Инквизиция не прознала о тебе. В противном случае, мой ножичек для тебя будет избавлением от всего того, что тебя может ожидать.

— Почему? — искренне удивился Олловин. — Инквизиция же — часть той же церкви, которой служил и я.

— Церковь крайне сильно изменилась, юный страж... Инквизиция же стала бичом мирной жизни...

— Расскажи мне! — потребовал Олловин, сам опешив от той силы в голосе, что появилась моментально. Это был уже не он, а Аэгрон внутри хотел узнать, что творится в мире спустя несколько тысяч лет.

— Тогда слушай. Только не перебивай — произнёс мужичок, не показывая удивления от резкой смены разговора его спутника.

Заняв более удобное положение в кресле, на котором он сидел, бородач протянул руку к большой кружке, сделал глубокий глоток. После этого он убрал кинжал в потайные ножны в рукаве, нарочито показывая Олловину близость его смертоносного оружия. Кинув короткий, оценивающий взгляд на юношу, мужичок хмыкнул и начал свой рассказ:

— После того, как пал последний храм Аорта, как я понял, именно тот, в котором ты обучался на стража, после этого Столица была закрыта. Церковь, а если быть точным, то её главенство, ввела в городе военное положение и окружило закрытый город непроглядным барьером. Барьер был покрыт сполохами дикого пламени, хотя и оставался хладным на ощупь. Говаривают, даже Некромант со своими учениками не смогли его снять, хотя кажется, откуда могла взяться столь мощная Сила у барьера прислужников того Бога, чьи храмы были разрушены все до единого в течении одного года. Но как оказалось, что чем больше Сил применялось для его снятия, тем больше он становился, разрастаясь, будто зараза по земле, погребая под собой уже не только город, но и все рядом стоящие домики бедняков и слуг. В конечном итоге Тревор категорически запретил приближаться к этому проклятому месту, жестоко карая всякого, кто решался нарушить его запрет. За барьером днём и ночью следили приспешники Некроманта, докладывая своему хозяину всё происходящее. Но несколько лет назад случилось то, что повергло в шок весь мир. Я тогда был в шайке бродячих разбойников, и проходил довольно близко от барьера. На столько, чтобы не нарушать запрета Тревора, но, и чтобы видеть то, что я видел... Барьер сам по себе стал уменьшаться, как будто вращаясь в землю, распускаясь как цветок, обнажая сокрытый за

ним огромный, величественный город. И стоило барьеру полностью исчезнуть, как в тот же миг в нескольких ярдах от входа в город появился портал, из которого вышел сам Некромант, неспешной походкой направляясь в сторону города. Однако, ход его был не долог. Он не успел сделать и десяти шагов, как откуда-то из города в него вылетел сгусток Силы столь мощный, что его мог видеть даже обычный человек, не обученный магическим искусствам, как я. Тревога швырнуло обратно в портал, что не успел закрыться, а на месте, где он стоял, из бордово-фиолетового пламени появились две фигуры в одеяниях Инквизиции. Один из них склонился над землей, на столько низко, что казалось, что он что-то вынюхивает... Увидев это всё, я сбежал из банды, посчитав за лучшее сбережение своей никчёмной жизни. Я подался в трактирщики, построив это заведение, надеясь дожить до старости без воспоминаний о том дне. Но с тех пор каждый проходящий здесь путник стал рассказывать всё больше и больше странного и страшного о жителях того города. Вроде, казалось бы, прошло три сотни лет, жители должны были уже родить детей, а те своих детей, однако все жители города в один голос заявляли, что для них прошёл всего один день... Но ведь ничто не может быть неизменным. Даже Тьма и Свет меняются, стареют, обновляются, меняются местами, не меняется лишь...

— Хаос — в один голос с рассказчиком произнёс Олловин голосом Аэгрона.

— Да, именно Хаос. И знаешь, Олловин, сам город, как и жители в нём не столь странны, как служители церкви. Церковь сильно изменилась, стала диктовать свои устои даже Перворождённым. Когда же эльфы отказались исполнять требование столицы, отправив дипломатическую миссию в Столицу, их вырезали, словно скот, на тракте. Никто не взял на себя вину за это деяние, хотя и ходит слух, что без Инквизиции тут не обошлось. Они стали самым страшным кошмаром для всех живущих в сравнительной близости от города. Каждый, кто невольно видел людей в серых рясах говорит, что их лица скрыты глубокими капюшонами, в которых не видно ничего, кроме двух пылающих углей на месте глаз. Люди бегут как можно дальше от столицы, а Церковь же в свою очередь пытается захватить другие города. И делает это довольно успешно. Захваченные же города так же обволакивает барьером, который спадает через одну луну, и людей в сером становится всё больше с каждым таким городом. Они группами по два-три человека разбредаются по всем сторонам света, но для чего — не знает никто. Одно все знают точно — церковь уже не представляет Свет. Она представляет что-то иное. — сказав это, трактирщик замолчал, видимо обдумывая что-то.

— С...Спасибо Вам, — произнёс Олловин. — Но позвольте узнать, есть ли у Вас комната? Мне нужно обдумать то, что Вы мне рассказали.

— Да, конечно. На втором этаже, рядом с лестницей есть свободная комната. Можешь отдохнуть в ней, считай это знаком доброй воли. Отдохни, завтра мы продолжим беседу, у меня ещё остались вопросы.

— Да, хорошо. — произнёс юноша.

С этими словами, он поднялся со стула, и, так и не окончив вечернюю трапезу, направился в сторону лестницы, размышляя о том, что ему поведал трактирщик. Молчал и Аэгрон, видимо занятый тем же самым.

А в то же самое время девушка-дракон брела всё глубже и глубже в переплетении туннелей, в поисках мастера-вампира, не подозревая, что за ней наблюдали жадные и голодные глаза, посланные из Столицы...

I

Дослушав рассказ своих мастеров, Тревор погрузился в раздумья.

Да, дракон, которого запечатала парочка неживых помощников некроманта, был очевидно одним из первых. Однако то, что он не владел огнём в том виде, в каком привыкли видеть исполнение от драконов, заставляло Тревора задуматься. Превращать пламя в кислоту, было, наверное, самым необычным явлением на памяти некроманта. Да и его Сила, которую Тревор решил посмотреть лично в воспоминаниях своих мастеров... Она поражала своей необузданностью и яростью. И самым поразительным было то, что она была не похожа на привычный поток силы, исходящий от драконов. Вместо первозданного Хаоса, от дракона исходила святая, чистая Сила. В голове крутились множество мыслей, которые не давали покоя, но Тревор никак не мог связать данный клубок воедино.

Начав расхаживать по мастерской, в поисках ответа на вопросы, что возникали с завидной частотой в голове некроманта, Тревор не заметил, как вернулся к столу, рядом с которым он стоял чуть ранее, и где находился он в момент беседы с Дааном. Некромант с презрением к себе посмотрел на то место, где его склонили, как раба, разглядывал капли крови, которые, видимо, капали у него изо рта, когда он был сломлен чужой Силой, и не понимал, что ему делать дальше. Грандмастеру Тёмной Магии хотелось покончить с тем, что он задумал крайне давно, но он на протяжении трёх сотен лет лишь и делал, что ходил вокруг своих планов, ибо у него не было ни Силы, ни возможности убить Бога. И сейчас, найдя то, что может увеличить шансы на борьбу с Аортой, Тревор потерял надежду одолеть обладателя данной силы.

Из рассказов мастеров Тревора следовало, что дракон был крайне необычным. Размерами он не превышал среднюю, обычную особь, что истреблялись десятками во все времена. Он не отличался и цветом, который отличал этих созданий по силе, от обычного, среднестатистического дракона. Взглянув на него глазами мастеров, он не увидел ничего, чтобы внешне отличало его от других... Но таящаяся в нём Сила заставляла ужаснуться даже Тревора, который уже не раз сталкивался с приспешниками Богов, либо же их аватарами. А у него... У этого дракона была испепеляющая, разрушительно-белая Сила, что сочилась даже сквозь физическую оболочку, что казалось этот поток Силы может увидеть даже не подготовленный к магии человек. Продолжая ходить вокруг стола, Тревор стал осознавать, что данный дракон крайне интересная особь, настолько, что на неё стоило бы взглянуть лично. Поэтому, некромант не нашёл ничего лучше, чем крикнуть снующим по мастерской подчинённым:

— Кром, Дран, быстро ко мне! Открывайте портал к тому месту, где вы погребли дракона! Гарри, Перрин, Исса — соберите всё необходимое на любой непредвиденный случай, а остальные остаются тут, дабы наблюдать за наблюдателями извне! — раздал приказы некромант, пододвигая к себе кресло и усаживаясь на него.

Как по мановению ветра, названные некромантом приспешники резко сменили сферу работы в мастерской, выполняя приказ своего Повелителя. Два мастера стали копошиться в дальнем углу мастерской, судорожно ища необходимые предметы для открытия устойчивого портала, а двое из его учеников, Исса и Гарри, молча исчезли в хлопках своих порталов, видимо отправившись за нужными для похода вещами. А некромант сидел и наблюдал,

раздумывая о том, что же нужно сделать ему. Осматривая мастерскую, взгляд некроманта упал на тучную книгу, самую страшную и опасную для него. Книга Жизни влекла Тревора, заставляя взять её в руки, что тот и сделал. Держа в руках этот манускрипт, Тёмный маг не решался её открыть, помня и видя результат последнего прочтения. Но где-то внутри своего сознания, некромант понимал, чувствовал, что ответ он найдёт только в этой книге. Ответ, который его сейчас интересовал больше всего. Приняв эту информацию, Тревор набрался сил и открыл Книгу Жизни. Она, как и в прошлый раз, встретила его пустыми страницами. Открыв ценнейшую книгу на переплёте и стал наблюдать то, чего не ожидал. Страницы Книги Жизни стали перелистываться сами собой, будто на них дул сильный ветер, до тех пор, пока не открылась страница, что находилась ровно после той, что содержала память Аэгрона. В этот же момент Тревора поглотила Сила книги, которая вновь окунула некроманта в гущу событий прошлого.

«Когда Творцы создали Мир и Магию, они пытались создать баланс меж тёмной стороной и светлой. Но как бы они не пытались, одна из сторон одной сущности брала верх над другой. Так шли тысячелетия, Творцы из раза в раз вмешивались в судьбы Мира и Магии, пытаясь вернуть столь хрупкий баланс Сил. Сменялись Пантеоны Богов, народы, населявшие миры приходили и уходили, их Души перерождались, умирали и создавались вновь. И так было до той поры, пока влияние Хаоса не стало менять творение Творцов. Создатели Всего стали всё чаще вмешиваться в созданный ими же баланс, народы, равно как и Боги всё чаще уходили в великое Ничто, чтобы вернуться вновь. Тогда Двое поняли, что именно их вмешательство и позволили Хаосу ворваться в Их творение. И что это их вина в том, что Мир и Магия умирают и возрождаются чаще, чем было раньше, и что с каждым их вмешательством Хаос обретает всё большую силу, а они теряют все больше и больше из того, что создавали долгое время...»

Наблюдая за сим уничтожением того, на что тратились сверхбожественные Силы, Творцы не знали способов, дабы предотвратить разрушение. Так они наблюдали за тем, как Хаос пожирал звёзды, одну за другой. И вот, Хаос поглотил один из первых Миров, созданных, как идиллия меж существами и народами, Магией и Суцим. Тогда Творцы решили ограничить другие Миры от Хаоса всепоглощающего, создав барьер, незримый и не осязаемый, но прочный. Созданный же барьер они решили закрепить с помощью сути двух сторон, что они создали. В каждом созданном Мире они создали существ, которые являлись Сутью Силы, Тьмы и Света, и заключили в них всю мощь Силы, которую они отображали. И Творцы закрепили за этими Сущностями обязанность — хранить целостность барьера вне времени и всё время. Двое наделили своих хранителей необъятной Силой и возможностями, но наложили на них запрет на вмешательство в судьбу Мира, в котором они находились, и в судьбу Космоса, который они создали. Так и остались Хранители в мирах, сохраняя барьер, созданный Творцами, дабы Хаос не проник более в живой Мир, наблюдая за тем, как мир, в котором они находились умирал и возрождался вновь.

Но Хаос не был бы Хаосом, если бы не мог обойти, прокрасться через барьер, что был установлен бывшими Повелителями. Он из раза в раз проникал малой крупницей в Миры, созданные ими, и было огромной удачей, если эта крупница попадала в душу простого смертного или Перворожденного. Тогда Хаос не мог поглотить мир, в который смог попасть, ограничиваясь лишь тем, что создавал все условия для того, чтобы мир родился заново. Но бывали моменты, когда эта крупница попадала в Высших существ, Богов либо их

приближенных, и тогда Творцам приходилось вмешиваться в судьбу Мира явно или через посредников, ведь Хаос, поглотивший сущность Высшего, мог с лёгкостью увести мир в пучину Всеобъятного и разрушить поставленный барьер.

В одном из таких Миров Творцы вмешивались в судьбу не единый раз, ибо Хаос нашёл лазейку там, где никто и не предполагал. А был он в Божественном Уделе, месте, где жили и создавали Высшие и их приближенные. И стоило Хаосу попасть в одного из живущих там, как спустя какое-то время Творцы спускали в мир своих аватаров, которые уничтожали весь мир, дабы предотвратить его попадание в пучину Хаоса. Но, не смотря на то, что Творцы запускали судьбу Мира вновь, был один Высший, который существовал в этом мире с самого его первого рождения. Он был Богом. Обычным Богом, который помнил всё и всячески старался предотвратить появление Хаоса в мире, который ему доверили. Но то доверие, которое ему было оказано, он пытался оправдать, проводя своё пребывание в мире, в поисках уязвимости в барьере.

И обратил свой взор Высший на Сущности, что были в том мире ещё до появления Бога. И ощутил он дисбаланс среди них. Ведь Сущность, что олицетворяла Тьму была слабее второй, создавая дисбаланс Сил в мире, что и позволял Хаосу проникать в мир. Но не в силах был Бог уравнивать силы меж ними. Сущность Света, принявшая форму одной из тварей Хаоса, дракона, была столь сильна, что Бог не мог к ней даже приблизиться.

Дракон Света, как назвал его Высший, обитал в горах, далеко на юге мира, поглощая энергию этого мира, разрастаясь в своей мощи и могуществе, идя вразрез с запретом, что был наложен на него Творцами. Осознавая своё превосходство над остальными, Сущность пыталась напитаться Силой, обретая всё больше и больше сознания. Но сознание это было алчным и податливым ко греху, ведь силу он брал, вытягивая часть душ созданий, что жили в этом Мире. А создания были обременены грехами столь же сильно, сколь и возможностями. Творцы даровали им выбор, лишив его Дракона Света. Всё это злило Сущность, ведь будучи могущественным созданием, он был самым беспомощным. С каждым столетием сознание Сущности поглощала ярость на своих Создателей, желание отомстить и алчность, подкрепляемая желанием захватить всё сущее.

Но Творцы, видящие эти изменения в своём творении, решили вновь вмешаться в ход судьбы Мира, и даровали смертному Власть. Власть над Сущностями, возможность создавать, которая позволила бы ему укрепить баланс между двумя половинами одного целого. Но даже вездесущие не смогли узреть ход времени, который отобрал у смертного желание и вождение мира, но вселили в него жажду мести. Мести за смерть своих близких и бесчинство одного из Богов. И он свернул с начертанного ему пути. Но переплеты судеб вновь сыграли свою роль. Двое из созданных Смертным нашли Дракона Света, но не в силах справиться с ним, они создали хитроумную ловушку для него, ограничивая его Силу и запечатывая его в одном месте. И Творцам оставалось лишь ждать...»

Прочитав фрагмент, что открыла ему книга, Тревор, как и в прошлый раз, согнулся в приступе сильнейшей, нестерпимой боли. Для всей левой стороны его торса наступил миниатюрный ад. Плоть под одеждой начала плавиться, вытекая сквозь ткань, падая на пол дымящейся жижей. Тёмный маг упал на пол, не в силах справиться с этой болью, и издал нечеловеческий крик боли, на который сбежались все его помощники в мгновение ока. Они все без лишних разговоров в одно движение, как верные солдаты, стали накладывать чары заживления и лечения на своего Грандмастера, но ни одно из заклинаний не было в силах справиться с силой, которой обладала Книга Жизни. Лишь спустя долгие мгновения, когда

их Повелитель перестал корчиться от нестерпимой боли, Купер усадил своего Мастера в кресло, которое находилось рядом.

— С Вами всё хорошо, Мастер? — спросил он.

Но некромант ничего не ответил, лишь махнул всем рукой, чтобы те вернулись к своим заданиям, проводя по оголённым теперь рёбрам скелетной рукой. «Значит, мне суждено стать личем,» — подумал некромант прежде чем забыть сна, вызванное усталостью от боли, поглотило его.

II

Аорта ходил по пласту около высочайшей горы, поглощённый своими мыслями. Бог не мог поверить в то, что Даан — сильнейший в его Пантеоне. Он не мог принять того факта, что обычный Бог, его брат, был сильнее его — Главы. Того, которого поставили сами Творцы во главе всего мира. Того, кто повелевал судьбами живущих в мире созданий. Всё это злило Высшего, принявшего Хаос, и благодаря этой живой ярости Хаос всё больше поглощал бывшего Бога, заполняя всё внутри него.

Ощущая внутри себя Силу, необъятную и необузданную, когда-то Бог света решил найти того, кто обманывал его и держал в неведении всё их существование. Закрыв глаза, Аора сосредоточился на памяти о своём бывшем брате. Найти его не составило труда. Даан, как и всегда, находился в подземном царстве, которое ему доверили Творцы, когда Пантеон вступил в этот мир. Пройдя сквозь пространство, шагнув сквозь пласт наземного мира, бывший Бог оказался в месте, которое обычные люди называли Преисподняя. Попав в план своего брата, Аорта огляделся вокруг. Темноватое пространство вокруг Высшего существа освещалось, как будто, изнутри, создавая отличный обзор даже в, кажущейся непроглядной, темноте. Бог попал в огромное пространство, которое образовывало собой некий амфитеатр из скальных пород и свисающих сталактитов. Вдалеке, вдоль стен виднелись реки из магмы, которые сияли столь ярко в местной полутьме, что они могли заменить солнечный свет, если бы текли сверху. Услышав странный, пищащий шум, Аорта обернулся вокруг своей оси, чтобы увидеть то, что издавало столь мерзкий звук.

И Бог увидел. Под потолком, над странной конструкцией, напоминающей конюшню, летали невиданные Аортой твари. С черными, перепончатыми крыльями, они были похожи на большущих летучих мышей, размерами чуть больше пяти футов в длину. Их тела были похожи на человеческие, отличаясь лишь цветом, который был серо-синим. Длинные конечности тварей оканчивались кистями с длинными острыми когтями, которые блестели своей остротой даже в этом полумраке. Разглядывая этих созданий поглощённый Хаосом боролся с желанием уничтожить их и любопытством. И когда первое стало брать верх над спокойствием Бога, тот услышал голос позади себя:

— Что тебе нужно в подземном царстве? — произнес тихий, мелодичный баритон, несколько растягивая слова в некое подобие песни.

Бог повернул голову в сторону этого голоса и увидел стоящую перед ним девушку. Она была обычной девушкой, но её общий вид выдавал в ней жительницу данного плана. Кожа её была чуть голубоватая, но гладкая, без каких-либо изъянов. Из одежды на ней была серая блуза и такая же юбка. Обувь данной девушке была не нужна, потому что её ноги оканчивались аккуратными, маленькими копытцами. Она выглядела хрупкой и элегантной, особенно на фоне реки магмы позади неё. В руках миниатюрная особа держала большую, толстую книгу, что была оплетена кожей бурого цвета, и по которой, как живая магия, бегала ящерка, точно такого же цвета. Из-под блузы по рукам и шее шли рисунки орнамента

ярко серебристого цвета, образуя на лице, где они оканчивались, причудливое пламя. Иссиня-чёрные глаза не имели ни зрачков, ни каких-либо признаков обычных, привычных глаз, но только острый взгляд мог заметить эти глаза, ведь их прикрывали внешне непослушные, но аккуратно уложенные, пряди чёрных, как смоль, волос. Но самое явное указание на план мёртвых были маленькие, острые рожки, находящиеся на макушке головы девушки.

— Кто ты? И как смеешь говорить с Богом в ТАКОМ тоне? — ср злостью в голос зарычал Аорта.

— Начну по порядку. Я — Хранитель Душ, имя мне Кассэль, — произнесла девушка столь же мелодичным голосом, каким она окликнула ранее Аорту. — Я — главная помощница моего Повелителя, Даана. А что же до второго твоего вопроса, то ответ до ужаса прост... Ты находишься во владениях Бога мёртвых, и находишься здесь на правах гостя, поэтому у тебя тут не так много власти, как тебе кажется.

— Ты смеешь перечить мне!? БОГУ!? — уже не сдерживая ярость зарычал на собеседницу Аорта. — ГДЕ ТВОЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ!? ПОЧЕМУ ОН ПРЯЧЕТСЯ ОТ МЕНЯ!?

— Он не прячется от Вас, уважаемый Бог, — с улыбкой ответила Кассэль, старательно не замечая бушующей ярости поглощённого Хаосом Бога. — Просто мой Повелитель не считает нужным встречать лично непрошенных гостей. Поэтому, данной чести удостоилась я, как преданный слуга.

— Интересно, а если я тебя уничтожу, Даан явится ко мне? — поднимая руку, спросил у Хранителя Душ Аорта. — Или он так и будет прятаться от меня, как моль, увидевшая паука?

— Смею Вас огорчить, многоуважаемый гость, но это сделать не выйдет, — ответила девушка. — Ведь в Преисподней у меня намного больше возможностей, нежели у Вас. К тому же, не зря я ношу титул Хранителя Душ.

С этими словами, ящерка, что бегала по книге всё это время, остановилась и посмотрела пронзительным взглядом на Бога Света. От этого взгляда тело Бога стало неметь, рука, как и всё тело, не слушались его, заставляя его злиться ещё сильнее, чем раньше.

— Кассэль, прекрати! — сказал появившийся в хлопке портала человек. — Не стоит злить моего брата, иначе даже я не смогу вернуть тебя к жизни.

— Да, Повелитель. — пропела девушка, и, склонившись в поклоне, продолжила. — С Вашего позволения, я откланяюсь. Вам, как мне кажется, есть о чём поговорить.

И девушка, произнеся несколько слов на странном, поющем языке, исчезла, оставив после себя аромат хвойного леса.

— Да, брат, я опечален, — начал Бог мёртвых, спустя несколько мгновений молчания. — Не думал я, что тебя одолеет обычный демон. Может всё же Хаос не столь могущественен, как кажется?

— Брат!? Ты смеешь меня называть меня братом после стольких столетий лжи?! — зарычал Аорта в ответ.

— Лжи!? Ты смеешь упрекать меня во лжи после того, как сам обезобразил своё лицо, приняв Хаос, с которым мы поклялись бороться!? — вторил ему Даан, подпитывая свои слова толикой Силы, дабы усмирить волну ярости, что исходила от его некогда брата.

— Хаос — это то, что мы должны были принять с самого начала. Как ты не понимаешь, глупый Божок, что он — всемогущий? Мы можем с ним бороться, но, однажды, мы дадим слабину или ошибёмся, и он поглотит нас, забрав себе, как рабов! Я сделал выбор и вступил в него на правах равного, а не подданного.

— Да как ты смеешь глупец говорить ЭТО в моих владениях! — казалось, Бог мёртвых пришёл в ярость от услышанного. — Хаос никого, слышишь, НИКОГО не принимает как равного! Для Хаоса все — подданные! И все рабы! Выживет сильнейший! Вот его правило. И поверь, брат, ты далек даже от самого слабого из представителей Хаоса. Ты, жалкое создание Творцов, прельстился грязными речами не менее грязного змея — Ишшоадерсансандара, и поверил тому, что Хаос дарует свободу! Я огорчён, брат. Да, я солгал тебе, сказав однажды, что я был создан ПОСЛЕ тебя. Но я не поддался Хаосу и уродству, что он дарует, в погоне за мнимой Силой! Даже солгав я сохранил чистоту помыслов и деяний своих, делая всё возможное, дабы предотвратить смерть Мира! А что же ты?! Ты, Аорта, поверил Хаосу и принял его внутрь себя, убил почти всех братьев и сестёр, подверг себя внешнему и внутреннему уродству. И для чего? Для того, чтобы утешать себя мыслью, что ты сможешь стать одним из Повелителей!? Ты жалок, брат. Именно поэтому даже обычный демон, пускай и сильный, смог остановить тебя. Но я не позволю тебе распространять великое зло в моих владениях и изрыгать проклятия в мою сторону, и сторону моих помощников. Поэтому, узри мою истинную Силу. Исчезни и больше не смей появляться тут!

Это были последние слова, что слышал Аорта, прежде чем необузданная, сильнейшая из виденных им, Сила вытолкнула его из плана мёртвых обратно, к той самой горе, где не так давно Аорта разговаривал с Древним Драконом. Сказанное братом злило Бога ещё сильнее, аура его Силы стала плотной, разрастаясь, превращая в пыль даже прочный, как некогда казалось, гранит под ногами Бога Хаоса...

А в это время где-то на горизонте Эллисиф пробудила свою силу королевы драконов. И бывший Бог Света это тоже почувствовал, повернув голову в сторону всплеска эманаций Хаоса.

I

В эту ночь Олловин очень плохо спал. Молодого воина мучали кошмары: тёмные тени во сне окружали его, пока он шёл по густому лесу, где каждый шаг ему давался с огромным трудом. И вот, он выбирается из этой чащобы, но картинка тут же меняется на бушующее море, в котором Олловина кидало по волнам на маленьком, ненадёжном плоту. То тут, то там взмывали огромнейшие волны, грозя разрушить единственное средство передвижения для юноши, обрекая его на неминуемую гибель. Олловину мерещились различные морские чудовища в этих волнах, которые тянули к нему свои отвратительные щупальца и морды. И вот, картинка опять меняется, и теперь молодой воин стоит перед красивой, миниатюрной девушкой, белокурой красавицей, которая смотрит на него радужными глазами. Она смотрела прямо в глаза Олловину и что-то безмолвно говорила. И, когда юноша попытался разобрать слова, он проснулся весь в поту.

«Что, Олловин, плохие сны?», услышал молодой человек привычный голос в голове. *«Да, я видел часть твоих снов. Это не более, чем твои страхи, что вырвались на свободу, из-за волнующегося Хаоса, взрыв которого вчера ощутил даже ты.»*

— Та девушка... Она пыталась мне что-то сказать... — растеряно произнёс Олловин, обращаясь к своему внутреннему собеседнику.

«Я не видел никакой девушки, мой молодой ученик. Последнее, что я видел — это как тебя накрывало десятифутовой волной. Поэтому, прошу, расскажи мне о ней», попросил Аэгрон у своего протеже.

— Н..нет, тогда не стоит. — произнёс Олловин, более задумчиво, чем стоило. — Это не так важно. Скорее всего.

Юноша погрузился в свои мысли, да столь глубоко, что не сразу услышал стук в дверь комнаты, в которой он спал.

— Эй, малой! Ты там спишь? Я слышал твой голос! — услышал он уже знакомый голос трактирщика. — Ответь, иначе я просто выломаю эту чёртову дверь!

— Д-да, сейчас — прокричал Олловин, поднимаясь с кровати.

Подойдя к двери, и открыв её, юноша заметил, что трактирщик держал в руке поднос, наполненный явствами и напитками. На плече у мужичка висела котомка, выглядящая заполненной.

— Держи вот, я тебе принёс завтрак, ха-ха — смеясь, произнёс хозяин заведения. — Держи, держи. Я же вчера сказал тебе, что это — плата за твой рассказ. Поэтому поешь и рассказывай. А и да, переоденься, а то неровен час, неприятностей наберёшься. — с этими словами мужик скинул мешок с плеча.

Олловин принял поднос от трактирщика и поставил его на стол, стоящий рядом с кроватью. Молодой воин с недоверием оглядел пищу, что находилась на подносе, но голод взял своё. Юноша накинулся на лежавшую перед ним куриную грудку, жадно впиваясь в её нежное, сочное мясо. Олловин съел всё за считанные минуты, даже толком не ощущая вкуса пищи и вина. Наскоро закончив свой импровизированный завтрак, юноша решил осмотреть содержимое мешка, что дал ему трактирщик. Содержимое было скудным, но это было одеждой. Мешковатые бледно-серые штаны оказались чутка великоваты молодому воину, но выбирать не приходилось. Надев их, он подвязал их потуже веревкой удобно поправляя на

поясе, после чего он потянулся за второй вещью в мешке. Ею оказалась обычная, холщовая рубаха. Оглядев рубаху, Олловин увидел, что она не отличалась от той, что была на нём, за исключением того, что на ней не было ни следов крови, ни разрывов или порезов. Сланцево-серого цвета, она тоже была не по размеру юноши, свисая с него, как одеяло. Но всё же, это была чистая и сравнительно новая одежда. Одевшись, Олловин скинул свои старые лохмотья обратно в мешок, что предоставил ему трактирщик и улёгся на кровать, ожидая возвращения хозяина таверны.

После довольно-таки сытного завтрака, молодой воин уснул, так же быстро, как съел свой завтрак. Проснулся же он уже когда солнце стало клониться к закату. Ощувив дикую усталость после столь продолжительного сна, юноша с трудом поднялся и сел на кровати. Тут же, как с помощью некой магии, дверь в комнатку открылась, и в неё зашёл трактирщик. Оглядев комнату, он одобрительно хмыкнул и, подойдя к стоящему в углу стулу, по-хозяйски уселся в него.

— Привет, воин. Я вчера поступил несколько не дружелюбно, не представился. — улыбнувшись, начал трактирщик. — Меня зовут Колин, бывший ассасин тёмной гвардии.

— Очень приятно, — ответил молодой воин. — я — Олловин, воин-страж Первого Храма Аорты. А что значит — ассасин?

— Всё же ты и правда ничего не знаешь о мире. Ну ладно, так уж и быть, немного расскажу тебе о себе. — серьёзным голосом произнёс Колин. — Как я и сказал, я — ассасин тёмной гвардии. Так же, как и мой отец, моя задача была попадать в стан противника и уничтожать командование. Меня с детства обучали владению холодным оружием, преимущественно кинжалами, так хорошо, что с ними я стал просто непобедимым. С обычным кинжалом я мог противостоять целой роте стражей любого города, не получая ни одной раны, а начальные знания магии позволяли мне использовать Силу тени, благодаря которой мог исчезать от противников, используя их же силуэты на земле или стенах. Ассасинов тренировали специально для того, чтобы проникать в арьергард противников, для нейтрализации или пленения командования. Из всех детей обучение проходили единицы, поэтому, мы и считались элитой войск Тревора. Мой отец тоже был ассасином... и он провалил задание на захват главного жреца в храме Аорта, за что и был казнен...

— То есть, твой отец был в той армии, что напала на наш храм? — удивленно спросил Олловин.

— Получается, что так. — ответил трактирщик. — Теперь твоя очередь рассказать мне всё. Иначе, прости, но мне придётся тебя убить. Воин Аорта не должен жить без веской причины. И запомни, я чувствую ложь.

— Д...да, хорошо, — произнес молодой воин. — Как я и говорил, я из Первого Храма Бога Света. Попал я туда, как младший сын знатной семьи. Меня именно к этому и готовили с самого рождения. По рассказам моего отца, меня именно для этого и родили, потому что мой старший брат был наследником, а сестра была способом для связи с другой знатью через замужество. Но, не смотря на такой вот поворот Судьбы, я не унывал. Меня с младенчества приучали к этикету и бою на копьях. Когда мне исполнилось тринадцать, меня отправили в храм, где меня начали обучать битве на мечах и святой магии. Наравне с остальными двенадцатью учениками, я тренировался от рассвета до заката. Тренировки включали в себя и боевую практику, и магическую. До полудня Капитан стражи учил нас фехтованию и бою на различном оружии, а после один из жрецов храма обучал нас ощущать Святую магию и использовать её. Спустя три года меня назначили на пост, отвечающий за охрану

молебальной во время служб, как самого усердного и преуспевающего ученика...

Олловин сделал перерыв в рассказе, потому что у него стало сушить горло. Он не привык так много говорить. Трактирщик по малейшему движению понял, что гложет парня и жестом указал на графин с вином, что стоял перед ним на столе. Молодой воин дотянулся до графина и сделал глубокий глоток прямо из него. После чего сделал медленный выдох и, глубоко вздохнув, продолжил:

— Так вот, я был охранником молебальной, и в мои прямые обязанности входило подчиняться жрецам и храмовым служащим. Так прошло полгода, прежде чем армия некроманта напала на храм. До этого нападения до нашего храма доходили слухи, что армия Тьмы уничтожает один храм за другим, которым мы не верили, однако, каждый раз отправляя гонцов в другие храмы, наш глава, Шепчущий, говорил, что ни один из них не возвращался обратно. Когда же армия некроманта напала, я был в своей келье, отдыхал после ночной службы. Капитан разбудил весь храм, дабы противостоять силам Тьмы, однако, мне был отдан приказ охранять его преосвященство. Когда я зашёл в молебальню, Шепчущий позвал меня с собой по секретному проходу, который открылся под полом.

— Стоп, стоп. С этого момента поподробнее, — прервал Олловина Колин. — Потому что в донесении моего отца не было ни слова ни о каком скрытом проходе. Его там не было, в этом я уверен.

— Быть не может, я как сейчас помню, как пол под алтарем отъехал, открывая нам проход в туннель. Он нажал на какой-то рычаг, и пол открыл проход, в который мы вошли. Он был тёмный, зловещий, и, если бы не горящие факелы, в нём было бы темнее, чем безлунной ночью на улице. Когда мы шли по этому туннелю, я видел странные и пугающие рисунки на стенах, которые рассказывали о великих битвах и страшных деяниях Богов. Некоторых я узнал, но были и такие, о которых я ничего не знал. Не знаю, сколько мы шли, я не ощущал усталости, и чувство времени было потеряно для меня на тот момент. В один момент я понял, что я отключился, или что-то в этом роде... дальше, я не знаю как, но мы оказались в какой-то долине. Ну а дальше... Дальше Шепчущий учил меня магии Света, пока я не узнал, что он был испорчен Хаосом... И мне пришлось его убить...

— Как ты узнал про Хаос? И как ты, юноша, который не мог послушаться ни то, что родителей, но и храмовых собак, как ты смог убить того, кого почитал сильнее, чем отца? — подавшись вперед, спросил бывший ассасин. — И запомни, я чую ложь.

«Позволь мне, мой друг», услышал Олловин в голове.

— Это сделал я. — сказал Олловин голосом Аэгрона. — Меня зовут Аэгрон, ты, наверное, слышал обо мне.

— Аэгрон?! Тот самый?! Рассказывай, мне стало ещё интереснее! — заинтересовано произнес Колин.

— Да, я тот самый эльф-полукровка из сказаний, или легенд, не знаю, где я упоминаюсь. Итак, продолжу свой рассказ, если ты не против. — дождавшись утвердительного кивка, Первый Инквизитор продолжил. — Когда я умер, часть моей души и моего разума были сохранены Богом Дааном, который сообщил мне, что даст шанс возродиться мне несколько позже, когда у Мира будет шанс противостоять Хаосу. Тогда я не понял его слов, однако проснувшись в теле этого юнца после многовекового сна, я увидел то, с чем пытался бороться, будучи при жизни. По началу я просто наблюдал, не давая понять юнцу, что в его теле есть ещё и моя душа. Но когда Хаос стал поглощать то светлое, что было в жреце света, я показался Олловину. И именно я был тем, кто убил Шепчущего. Но это

разозлило Бога, которого Хаос тоже поглотил. Так я познакомился с Аортой, что явил свой обезображенный аватар нам с юным воином. Примерно так и началось наше с ним путешествие.

— Хм, ясно, ясно, — задумчиво произнес Колин. — Я чувствую, что ты говоришь правду. Вот, что я чувствовал странное в тебе, Олловин. Теперь всё встало на свои места. Конечно, остались ещё вопросы, но они уже не столь важны. Хорошо, отдохните, и, если захотите, продолжим беседу.

— Да, спасибо, — произнёс Олловин уже своим голосом.

«Спроси у него, что находится на востоке. Я больше не в силах контролировать своё тело», произнес Аэгрон в голове у юноши.

— Господин Колин, — одернул уже поднимающегося с кресла трактирщика. — Позвольте узнать, что находится на востоке отсюда?

— Высочайший вулкан, в котором, по слухам, живёт Древнейший из драконов, Ишшоадерсансандар.

«Значит, Ишшоадерсансандар всё ещё жив», услышал в голове Олловин. «Нам нужно попасть на этот вулкан, там творится что-то, что может помочь ответить на мой вопрос: почему меня призвали именно сейчас и именно к тебе»

Владелец таверны задержался, всматриваясь в замешательство юного воина, осознавая, что сейчас Олловин ведёт внутреннюю беседу сам с собой, вернее с душой героя древности. То, как он застыл, забавляло Колина, но он чувствовал истинную силу души Аэгрона. Бывший ассасин боялся этой силы, потому что Перворожденные были необычайно сильны, ведь их создали Первыми. А те, кто были потомками первой крови и последней считались сильнее даже эльфов, ведь рожденные от союза первородного и человека имели все сильные стороны обоих рас, не обладая не единым их недостатком. Любопытство всё же взяло верх над благоговейным страхом, и Колин всё же задал интересующий его вопрос:

— О чём ты задумался, юный воин?

— Мне... нам нужно на этот вулкан. — произнёс Олловин спокойный, слегка взволнованным голосом.

— На вулкан, говоришь? — ухмыльнулся трактирщик. — Что ж, пускай будет по твоему. Вулкан, так вулкан. Отдыхай, Олловин, к утру я соберу тебе провиант в дорогу.

— Но у меня же совсем нет денег! — запротестовал тот

— Я же тебе говорил, вместо денег я взял с тебя информацию. И ты утолил мой голод, даже более чем.

Произнеся эти слова, Колин вышел из комнаты, тихо закрывая за собой дверь. А Олловин же, вздохнув с облегчением, закрыл глаза и откинулся на кровать. Разговоры с такими людьми всегда давались ему тяжелее, чем любые тренировки.

II

Грушпак чувствовал, что девушка-дракон приближалась к нему. С каждым биением его сердца, она была всё ближе, подходя к нему безошибочно, ощущая даже приглушенную им самим ауру. И древний вампир понимал, что не может скрываться от неё, да и не очень-то и хотел этого, потому что Первый ощущал всей своей сутью, что сейчас никто не сможет помочь ему, кроме Королевы Драконов. Древний вампир видел ауру двух созданий, что стояли на кромке вулкана, видел, как они наблюдают за Эллисиф, которая шла сейчас к нему, и он знал, что только она, Королева, способна изгнать эти создания в ту пучину, откуда они вылезли. Поэтому, Грушпак сидел и покорно ждал, когда девушка найдет его.

А тем временем Эллисиф шла. Продвигаясь медленно, девушка уверенно шла в направлении Древнего вампира, выбирая кратчайший путь среди сотен туннелей на своём пути. Новоиспечённая Королева Драконов видела каждую ауру вокруг, безошибочно определяя уровень угрозы для неё и направление в движении. Но, несмотря на это, она чувствовала, что кто-то следит за каждым её шагом откуда-то издалека. Она не единожды оборачивалась, пытаясь засечь наблюдателей, но каждый раз они оставались незамеченными. В том, что наблюдателей было двое, девушка была уверена, потому что, как бы они не старались скрыть своё присутствие, обострённые чувства дракона было не обмануть, и они говорили о том, что наблюдателей было двое, и они были необычайно сильны. Наблюдатели были столь сильны, что даже низшие вампиры выбирали смерть от рук девушки, потому что каждая из тварей бежала уже не от девушки, как было ранее, а от этой пары, время от времени нарываясь на девушку. Но, как бы им не хотелось, дракон не даровала им смерти, лишь откидывая их в стороны движением рук, дабы они не мешались под ногами, потому что целью девушки был их отец — Грушшак. И она решила во чтобы то ни стало дойти до него.

Спустя несколько поворотов в хитросплетении туннелей, каждый шаг для Эллисиф стал даваться всё тяжелее, потому что они стали уже и извилистее. Девушке пришлось, в прямом смысле, прорывать себе путь. Не осознавая то, что её руки обрели очертания лап с длинными когтями, она орудовала ими точно двумя кирками, разрушая прочные на вид, базальтовые стены внутри вулкана. Каждое препятствие злило истинную сущность девушки, и эта ярость выходила из неё в форме призрачных лап, которые могли рушить физические преграды. Девушка ещё не умела контролировать свои силы, но её чувства захватывала Первородная Сила. Сила, которая пробуждала дремлющей в ней Хаос, позволяла Эллисиф пройти там, где в спокойном состоянии она бы не пролезла, даже согнувшись в три погибели. И, именно благодаря этой Силе, девушка начала осознавать, что теперь она не та слабая девушка, очнувшаяся несколько лунных циклов назад, которая не могла за себя постоять, а теперь она дракон, существо, которое может уничтожить любого врага, что встанет у неё на пути.

Грушшак видел волну ярости, что исходила от Королевы Драконов. Она завораживала его и его детей, заставляя тонуть в море этого ощущения, как в море. Благодаря этой силе Первый из вампиров чувствовал, как его Сила возвращается к нему. Но, как бы то не было, вампир не спешил навстречу к Эллисиф, дабы позволить её ярости зарядить его силой и магией. Теперь он видел, как девушка прорывала себе проход прямо к нему, уже не обращая внимания на туннели. Она рыла сквозь них и сквозь вулкан. Её целенаправленность давала вампиру ясное осознание своего бессилия, которое покрывалось жадной защитой от той парочки, что наблюдала за девушкой.

Когда до вампира оставалось всего несколько десятков футов, девушка замедлила своё продвижение. Ярость стала отпускать её, сменяясь спокойствием, которое шло из глубин земли. Замедлив движение, Эллисиф сделала глубокий вдох, вдыхая в себя весь жар, что шёл от подземных рек из магмы, которые наполняли её Силой природы, которая гармонично распространялась по всему её телу. Воспользовавшись маленькой передышкой, девушка, набрав побольше воздуха в лёгкие, прорычала, сотрясая скальные породы вулкана:

— Грушшак, выходи, пока я добрая и не горю желанием уничтожить тебя, как твоих детей!

Спустя несколько биений её сердца, Отец вампиров появился перед ней в тёмной дымке, в коленопреклонном виде, давая понять, что признаёт её власть над своей жизнью.

— Я прибыл по Вашему приказу, госпожа! — чётко произнёс вампир, глядя в пол.

— Почему ты сбежал, как крыса при пожаре!?! — требовательно произнесла Эллисиф.

— Я... Я испугался Вашей Силы, Королева. — начал заикаться слуга Хаоса, — Древнейший из драконов направлял нас тысячелетия на путь уничтожения этого мира, убивая каждую Королеву, что входила в этот мир. Но сейчас, когда он ушёл, вы, приобретшая Силу, напугали меня. Я знал о значении того браслета, Первая Королева поведала мне о нём, наложив заклинание о молчании, и я боялся Вашего гнева. Я страшился, что Вы, госпожа, уничтожите меня, поэтому, я и сбежал.

— Тогда почему ты решил сознаться мне сейчас? — потребовала ответа от своего прислужника Эллисиф.

— Потому, моя Королева, что теперь вы знаете всё. И Вы должны знать правду. О том, что мы — вампиры, всегда были преданными слугами Королевы, и подчинялись Древнейшему лишь из-за страха полного уничтожения, стирания нашей сути. Ишшоадерсансандар имеет власть, данную ему Повелителем Хаоса, уничтожать саму суть низших приспешников Первозданной стихии, но нам, вампирам, нравится этот мир Порядка. Только тут мы чувствуем себя живыми, в силах охотиться, чтобы жить, а не выживать. И этот мир... он дышит, а не душит, как любой из Планов Хаоса.

— Хорошо, предположим, я тебе поверила. — уже более спокойно произнесла Королева Драконов. — Тогда объясни мне другое: что за парочка следит за мной!?! Я их чувствую, но не могу увидеть, они вечно прячутся от меня, как назойливые мухи.

— Они — слуги одного из Повелителей Хаоса. И их задача, как и Древнего, уничтожить Вас, моя Госпожа. Но теперь вы можете и сами уничтожить их. Я помогу Вам, а дальше... Дальше я готов принять смерть от Ваших рук, ведь я подвёл и Вас, и других Королев.

— Хм... Казнить тебя или нет, я решу позже. Сейчас же нужно избавиться от мух, потому что они уже начинают надоедать мне.

— Хорошо, Королева. — склонившись ещё ниже произнес вампир. — Тогда Вы должны пройти за мной, туда, где у Вас будет больше возможностей.

С этими словами Грушшак поднялся с колен и, махнув рукой, разрезал воздух, открывая портал, покрытый серой дымкой, такой же, в какой появлялся и он сам.

Тревор стоял, глядя на скалу, с пещерой, вход в которую закрывали наваленные камни. Его била мелкая дрожь от Силы, которая исходила из-за завала. Он знал, кому принадлежит эта Сила, но с каждым мгновением, проведённым рядом с ней, некроманта одолевало сомнение, касательно того, что ему нужно делать то, что он задумал. Сила, исходящая от Сущности, которая олицетворяла Свет во всём мире, давила на тёмного мага, подавляя его собственную силу, старательно пытаясь её уничтожить, потому что она была полностью противоположной для этой Сущности. Маг отчаянно пытался пересилить эту яростную мощь, но его усилия были тщетны, потому что ни одна живая душа не могла противостоять созданию вне времени и пространства. Сила этого существа поглощала некроманта, погружая всё глубже и глубже в состояние некоего транса, во время которого перед взором Тревора мелькали картины становления и умирания этого мира, мира, в котором жил тёмный маг. От лицезрения картин прекрасных и ужасных его отвлек голос его ученика, звучавший отдаленно, как будто находившийся за несколько миль от него:

— Учитель, мы-с прибыли. Мы готовы к осуществлению плана.

— А? Что? — путаясь в своих мыслях ответил некромант. — А, это ты, Исса. Всё готово?

— Д..да, — в полнейшем недоумении ответил ученик Тревору. — Мы готовы создать канал между вами и этой Сущностью, дабы вы подчинили её себе.

— Да, хорошо. Только вот мы чутка изменим действие заклинания. — ответил тёмный маг своему ученику. — И не нужно сейчас вопросов, передай остальным, чтобы готовились.

— Как прикажете, Госсподин. — поклонившись произнёс Исса, исчезая в хлопке портала.

Дождавшись, пока не будет ощущаться даже малейшего присутствия ученика, Тревор усилием воли создал огромное массивное кресло. Усевшись на него, он поставил все возможные заслоны перед собой и любым типом магии, надеясь, что Силы существа не хватит, чтобы сломать эти барьеры, ставшие в разы сильнее, как только он стал обретать скелетность своего тела, постепенно превращаясь в лича.

Устроившись поудобнее, тёмный маг втянул полную грудь чистого горного воздуха, отмечая про себя, что несмотря на середину лета, погода была довольно-таки по-мерзкому сырой и холодной. Но это никак не мешало Тревору, потому что он уже давно стал безразличен к любым проявлениям погоды и других отвлекающих факторов. Десятилетия в практике тёмной магии и обладание частью Силы Тьмы изначальной не только продлили жизнь ему, его ученикам и ближайшим слугам, но и избавили его от таких неудобств, как ощущения окружающей среды. Точнее будет сказать, что некромант чувствовал всё, но все эти ощущения пропадали ещё до того, как его разум успевал понять, что это за ощущения, потому что Тьма поглощало всё, как дань.

Тревор закрыл глаза, чтобы попытаться почувствовать все хитросплетения аур, что могли быть в данный момент здесь, опасаясь найти лазутчиков от Даана или, того хуже, Аорты. Но, к удивлению тёмного мага, он не мог обнаружить ни одной ауры сильных существ, если не считать ослепляюще-белую ауру существа, что было напротив него. Сосредоточившись, некромант всё же смог отвернуть свой внутренний взор от ауры сосредоточения Света и оглядеться вокруг. И увиденное поразило некроманта на столько

сильно, что он даже привстал с созданного им же кресла, пытаясь разглядеть то, что попало в его внутренний взор. А удивляться было чему.

Вокруг некроманта было множество аур различной силы и проявленности. То тут, то там были пучки радужных цветов, принадлежавшие живым существам. Тревор сумел узнать только нескольких из них: внизу, под горой он увидел мерцающую, таящую ауру обычного кролика, которая была бледно-голубого цвета, над которой была более плотная аура филина, имеющая окрас сырой земли после дождя. Неподалёку от них, Тревор увидел большой пучок ауры, которая была агрессивной ко всему вокруг, поглощая остальные ауры, не важно какого спектра и силы они были, на своём пути. Она зацепила некроманта, взбудоражив его любопытство настолько, что тёмный маг решил чуть позже взглянуть лично на обладателя этой ауры, продолжая осмотр ближайших территорий, но не выпуская из своего взора данной ауры. Повернув голову в сторону солнца, внутренний взор Тревоора наткнулся на большое скопление, более сотни, пучков блеклых зелёных существ, которые образовывали некое живое кольцо вокруг яркой, токсично-зелёной фигуры, защищая его от любой угрозы, какой бы она не была: реальной или мнимой. Тёмного мага это заинтересовало не меньше, чем обладатель агрессивного ореола. И это скопление перемешалось столь равномерным строем, что Тревор не смог побороть искушение, чтобы посмотреть. Сосредоточившись сильнее на месте, где сейчас находились обладатели столь необычного построения, некромант решил оправдать свой титул, пытаясь найти недавно умершее создание. Ему было не важно какое, лишь бы остались целы хотя бы глаза. Отыскав труп обычной полевой мыши, маг усилием воли вернул её к жизни и направил к этой группе существ.

Быстро, без малейших признаков усталости, мышь всё быстрее и быстрее приближалась к группе неведомых обладателей аур. Когда мышка уже почти добралась до них, Тревор почувствовал тревогу, что накрывала оживленное им животное. Уже мертвую мышь била мелкая дрожь ужаса, причиной которой была волна ярости, исходящая откуда-то спереди, скорее всего именно от цели, которой интересовался некромант. Но прямой приказ не позволял маленькому животному свернуть с назначенного ему курса, поэтому мышка продолжала свой бег всё так же быстро, без единой остановки. Приблизившись на крайне близкое расстояние, когда до группы оставалось всего несколько ярдов, мышь, повинувшись мысленному приказу стала взбираться на дерево, что стояло рядом. В надежде увидеть что-то новое, тёмный маг наделил своё создание способностью узреть потоки Силы, и он не пожалел. То, что издали казалось Тревору сплошным строем однотонных аур, оказалось на деле разнопёрым войском различных сил ореолов. Тут были слабые, нестабильные ауры, видимо, принадлежащие рабам, были и более стабильные, мерцающие, которые принадлежали воинам. Другие, были яркие, но более маленькие, давящие силой, в которой маг узнал магов, и лишь одна, отличавшаяся ото всех, та самая, токсично-зелёная, оказалась скоплением магии и физической силы, что подтверждало теорию Тревоора о главенстве.

Видя это, некромант решил усилить своё существо, даровав ему орлиный взор и имя. Имя позволяло существу не следовать прямым приказам создателя, но стараться выполнить просьбу, дабы порадовать того, кто даровал ему имя и смысл в жизни. Зверёк, которого некромант прозвал просто Юркий, несмотря на то, что был мёртв, стал своего рода бессмертным, обретя жизнь ровно на столько, сколь будет жить его хозяин. Именно из-за такого преданного рвения маленький мышонок и решил подобраться как можно ближе к идущей группе. Спустившись с дерева, мышонок помчался к идущим вдоль леса обладателям аур, дабы его создатель смог разглядеть их обладателей. Добравшись до опушки,

обострённые магией, глаза мышки увидели войско воочию. Первые шеренги, равно как и фланги марширующих составляли обычные тролли и орки, закованные в плотную пластинчатую броню, с такими же закрытыми, плотными шлемами. Если бы не узнаваемые размеры и комплекции этих представителей рас, их бы было невозможно узнать. Однако, мага удивляло то, что находилось за этими воинами. За ними верхом на лошадях и быках ехали разнопёрстные представители тех же рас, от которых исходили волны Силы и магии. Пресловутой, элементарной и более грозной, природной. Некромант, разглядывающий эти потоки безошибочно узнавал в троллях и орках шаманов и магов, что означало лишь одно: сейчас перед глазами мыши находилось объединённое воинство двух народов. Маг дал своему созданию просьбу-приказ, чтобы тот посмотрел на предводителя этой военной армады, что мышь решила сделать сразу и без всяких промедлений. Ускорившись, она помчалась как можно ближе к шествию, потому что даже орлиный взор не мог разглядеть главаря из-за огромного столпа пыли. Однако, подойти вплотную ей не удалось. Стоило зверьку начать своё движение к данной группе, как маги дали понять, что они знают о его существовании, и о том, что мышь — рукотворное создание тёмной магии. Прямо перед оживлённым созданием возникла стена огня, после чего сверху на ход мыши упала большая острая сосулька, которая с лёгкостью могла бы уничтожить любого, в кого попала бы. И это было лишь началом. Войско, что шло с конкретной целью, резко остановилось и перегруппировалась в направлении Юркого, посылая мышь различного рода магии и стрел. Созданная мышка вертелась, изворачиваясь от попаданий вражеских снарядов, видя их, как в замедленном действии.

Некромант, что следил за этим, был поражён скоростью реакции, как магов у вроде бы полуживотных рас, так и его поднятого существа. Тревор наблюдал глазами своей мыши, как в неё летят ледяные копья, стрелы, маленькие ураганы и другие проявления элементарной магии. Однако, тёмного мага интересовали ни эти воины и их маги, а вожак, который смог так точно определить направление условной угрозы и быстро отдавший приказ на уничтожение. Но, как бы мышь не старалась, она никак не могла разглядеть главного среди этого войска, потому что ей просто не давали времени сосредоточить свой улучшенный взор, постоянно отвлекая. Но его Сила не давала некроманту покоя, столь необычной и знакомой она была. Отозвав своё создание прочь, дабы оно не старалось угодить ему с угрозой для уничтожения, тёмный маг поднялся с кресла и открыл портал в нескольких ярдах от большого воинства, с целью самолично разглядеть этого полководца, отдавая мысленный приказ своим ученикам: «Пятеро немертвых, живо ко мне, наши планы изменились!»

Не увидев больше угрозы, войско вновь сменило вектор движения и теперь оно шло прямо на некроманта. В этот же момент в Тревора полетела первая стрела, сопровождаемая огненным шаром. Но не долетев до него несколько футов, оба снаряда растворились в образовавшемся из ниоткуда барьере, созданного появившимися позади некроманта его учениками.

— Мы прибыли к Вам, Учитель. — раздался немного тихий и уверенный голос позади тёмного мага.

— Вы, как всегда, вовремя, Элендил. — не поворачивая голову, спокойным голосом, не чувствуя угрозы, произнёс Тревор.

— Что нам с ними делать? — послышался другой голос с другой стороны от некроманта.

— Уничтожить, Купер. И никак иначе. Неужели ты не ощущаешь эманаций хаоса,

исходящих от их предводителя? — Поинтересовался некромант у другого ученика.

— Да, но... Не от всех же, — возразил своему мастеру Купер, позволив себе дерзить своему учителю. — Хаос есть лишь в одном из всех, так неужели уничтожить всех так необходимо?

— Да! Если они передвигаются в одном воинстве более семи дней, то Хаос поразили уже всех! — со злостью в голосе ответил Тревор своему протеже.

С этими словами, Тёмный маг без лишних движений направил указательный палец в сторону противника и выпустил сгусток тёмной энергии, столь сильный, что он был виден в материальном мире для глаз всех желающих. Долетев до ровного строя, идущих в направлении шестерых тёмных магов, солдат, этот сгусток тёмной энергии взорвался мощным взрывом, что пожрал ближайших к эпицентру орков, а тех, что находились чуть поодаль — разорвал или раскидал, как палочки ветром по земле. Оставшихся в первых рядах воинов в тот же миг охватила паника, которая была подавлена громогласным криком их предводителя, который глушил уши всех существ и созданий, что обитали поблизости. Предводитель этой армии, тролль-полководец поднял свою руку в сторону Тревора, указывая на тёмного мага своим пальцем, окованным в латы, отдавая своей армии приказ на своём горном языке, означающий начало настоящей бойни. В тот же миг маги, что шли вокруг своего предводителя, синхронно вскинули руки к нему и нараспев начали зачитывать странные речитативы, после которых на небе стал образовываться замысловатый узор из рунограмм, из которых в сторону шестерых тёмных магов полетели ледяные копья вперемешку с другими видами стихийной магии.

Пятеро учеников, не сговариваясь, подняли защитные барьеры, что окружили их и Тревора плотными зитами из чистой энергии и магии, не пропуская ничего, даже лишнего шума. Но тут в битву вступили шаманы войска. Остановившись, они склонили головы, и их шёпот зазвучал в унисон, образуя молитву ко всем духам этого мира, к живым и мёртвым, забытым и воспеваемым, дабы они помогли в их праведной войне, чтобы победить врага и сломить их защиту. И сила их молитв была столь велика, что даже защита величайших магов последней тысячи лет дала трещину, грозя рассыпаться в пыль, заставляя тёмного мага лично поставить барьер божественной силы, который было невозможно разрушить таким способом, какой был доступен вражеской армии. Тёмный маг, поставив щит, отдал приказ мысль-речью, ибо она была моментальной, и не требовала времени, как обычные разговоры: «Купер, Исса, уничтожьте воинов и магов! Перрин, Гарри на вас шаманы, я помню, сколько ненависти вы испытываете к представителям данной профессии, не смею вам мешать! Элендил, а ты... Ты пойдешь со мной к их вождю, пора поздороваться!»

Получив приказ, ученики некроманта молча стали выполнять то, что каждому из них было приказано. Купер, оборвав поддерживаемый им барьер в вспышке телепортации оказался посреди вражеского войска, прямо вокруг воинов, что резко остановили свой ход движения, обращая внимание на угрозу под боком. Но то, что произошло следом, изменило реакцию воинов с ярости, на ужас. Обронив короткую фразу ученик тёмного мага резким движением ударил в землю, чем вызвал небольшое землетрясение, за которым последовали появления трёх врат прямо под воинами, разбрасывая их в разные стороны. Из врат, открывшихся в тот же миг, как они появились в весь свой исполинский размер, тёмной ордой стали появляться призрачные и скелетоподобные воины, в лёгких кожаных доспехах, с изгибистыми короткими клинками.

— Тёмные ассасины, — с неким удовольствием в голосе произнёс Тревор, отвлекаясь от

всего происходящего вокруг. — Давно этот мир не видел тёмную гвардию.

Воины тьмы же, получив свободу, стали сметать всё на своём пути. Однако, сил ученика некроманта не хватало на то, чтобы поддерживать трое врат на довольно-таки большую площадь, поэтому воины прошлого, уничтожив даже самую суть воинов, до которых они смогли дотянуться, растворились в появившейся из ниоткуда тени, оставляя ученика некроманта среди выжженной земли, хищно озираясь в поисках новых противников. Но орки, из которых состояла основная сила авангарда, видя чудовищную смерть своих собратьев, подчинились более сильному голосу, нежели гласу своего предводителя, голосу первобытного ужаса, который дал им единственный, как они считали, верный приказ на побег с места бойни. Но у них это не получилось, ведь с ними сражался не только Купер. Стоило оставшемуся силам авангарда развернуться и стремглав добежать до магов, как тела их сковала невиданная сила. Исса, чьи таланты соответствовали его речи, показал этому войску, что его учитель решил уничтожить, почему его называют змееустом. В возникшей тишине над полем геноцида войска троллей и орков стало слышно шипение ученика некроманта, окружая всех оставшихся орков и троллей серой дымкой, что не давала им пошевелиться и издать хоть звук. Следом за первым звуком, ученик тёмного мага стал издавать другой, более глухой, что сливался в унисон с первым, нарушая все мыслимые законы мироздания. Тех, кого зачаровало это шипение, тут же окутало тёмного облако, в котором виднелись непонятные символы, которые образовывали столь же непонятные слова, от которых исходила ужасающая аура, что покрывала существ проклятиями, которые сразу же возымели свой необратимый эффект. Доспехи на застывших орках и троллях стали ржаветь и осыпаться трухой в считанные мгновения, а плоть стала гнить и обваливаться под ноги существам, обнажая миру их белёсые кости и еще живущие внутренние органы. На оголившихся черепах уже не было видно ни единой эмоции, однако, аура отчаяния и нестерпимой боли заполонила всю округу, напитывая Иссу энергией, заряжая его магию, как батарейку. Напитываясь этой силой, даже внешний вид ученика некроманта стал преобразовываться. Тело его покрыла мелкая чешуйка, в очередной раз доказывая, что в его жилах течет кровь змеев. Глаза сузились и расползлись в разные стороны, отодвигаясь от центра лица мастера проклятий, приобретая очертания змеиных зрачков, окруженных твёрдой чешуйчатой роговицей. И вот, на пике своих сил, чувствуя себя всемогущим, Исса решил, что способен уничтожить всех противников в одиночку. Поднявшись в воздух на невидимых крыльях, ученик Тревоора открыл уже не рот, а змеиную пасть, выпуская длинный раздвоенный язык, готовясь выпустить очередное, смертоносное проклятие, как вдруг услышал в своей голове голос, который не признавал неповиновения: «Исса! Не заигрывайся, тупое ты отродье! Я дал чёткий приказ! Неповиновение карается смертью!» Услышав в голове голос своего Грандмастера, Исса задрожал мелкой дрожью, и всё, что он смог ответить ему, спускаясь на землю было «Да, господин».

Не видя того, что случилось с авангардом армии двух народов двое других учеников заикли своё внимание на шаманах войска. Орки и тролли, что выступали в качестве связующих лиц между духами, богами и смертными активно лечили, оживляли и усиливали обычных воинов, делая всё возможное, чтобы те, если не жили, то хотя бы существовали дольше, чем положено им в этом мире. Однако, двое из учеников сильнейшего некроманта показали шаманам, что не они одни умеют управлять духами и природой. Перрин сосредоточился на духах, что призывали шаманы. Созданий магии ждала поистине тёмная участь. Тем, что под действием воли ученика Тревоора развоплщался, содействовала удача,

равная удаче богов, ведь они просто переставали существовать и не более, способные всегда воплотиться в мире с новыми силами. Однако других, которые попадали под власть Перрина ожидала не смерть, а полное перевоплощение. Наполняемые тёмной магией ученика некроманта, духи демонизировались, либо просто становились чем-то, что напоминало слои Хаоса, наложенные на живое существо, а после пожравшие смертную оболочку. После такого поистине красивого, но ужасающего перевоплощения, бывшие духи стали не помогать тем, кто их призывал, а пожирать, от физического тела, до самой сути души, уничтожая, превращая в мутное желеобразное состояние шаманов, которым не повезло. Тех из них, кому не повезло взывать к духам в этот момент, постигла эта участь, поэтому, в тот же миг поле покрыли кучки неоднородной массы, что раньше были заклинателями. Гарри же, наблюдая сию картину, решил тоже начать действовать. Являясь магом крови, ученик некроманта решил не издеваться над теми, кого решил уничтожить, а просто останавливал сердца этих воинов, позволяя им умереть спокойно. Четвертый из учеников никогда не любил излишние пытки.

Пока четверо из пяти немертвых уничтожали вражеское воинство, Тревор в сопровождении Элендила появился из портала рядом с предводителем этой маленькой, но сильной армии. Ступая осторожно, но по-царски вальяжно и медленно, некромант шёл грациозно, переступая трупы, что падали рядом с ним, будто не замечая их. Но, приближённый круг вождя орков тоже не сидел сложа руки. В тёмного мага полетели стрелы и копья, элитные маги и колдуны решили показать всё своё могущество, направляя в Тревора лавовые фонтаны, ледяные ветра и ожившие корни растений. Однако, некромант не сбавил своей поступи, шагая так же уверенно и размеренно, как и прежде, ведь его оберегал лучший из его учеников в плане защиты. Многослойные барьеры и щиты окружили Тревора и его ученика, не позволяя ничему в него попасть. Но всё-таки, происходящее начало раздражать происходящее настолько, что он решил показать свою истинную Силу.

Делая очередной шаг, Тревор взмахнул рукой, подчиняя себе не только живых существ напротив себя, но и саму природу, сметая всё на своём пути. Но не всех смогла поработить Сила некроманта. Тот, в ком Тревор признал предводителя армии, не шелохнулся ни на дюйм, лишь повернул голову, вернее обе на некроманта и его ученика. Тёмный маг не удивился тому, что его выброса Силы не хватило на обладателя частицы Хаоса, однако, он был обескуражен тем, что всем этим войском управлял огр. Огр-маг был из племени, которое презирали всех, у кого была лишь одна голова, но, несмотря на это, сейчас, благодаря Хаосу, это двухголовое существо поборолу свою животную, естественную ненависть к другим расам и собрал под своё командование всех, кто хотя бы отдалённо напоминал его, а именно троллей и орков.

Вождь, чью армию сейчас уничтожали быстро и стремительно, увидев, что главный враг сейчас находится перед ним, решил не отсиживаться, соскочив со своей ездовой ящерицы в направлении появившейся цели.

— Мой имя Трог-Тар и Трог-Вар! — представился огр по очереди обеими головами, обращаясь к Тревору. — Ты убивать мой воины. Моя убивать тебя!

— Даан проклятый! — с презрением в голосе произнёс некромант. — Ты говорить то толком не в силах, тупоголовое двухголовое создание, куда тебе со мной тягаться то?! Ты жив лишь из-за Хаоса внутри тебя! Так умри же, бездарная пародия на мыслящее существо!

После предречения скорой смерти своему противнику, тёмный маг жестом дал приказ своему ученику, чтобы тот скрылся и приготовился к битве с главнокомандующим армии

Хаоса. Закрыв глаза, чтобы его не отвлекали виды и масштабы бойни, что устроили его ученики, и сосредоточившись на сущности, что перед ним, Тревор собирал Силу из умирающих вокруг созданий, дабы суметь противостоять носителю Хаоса. Но огр решил не дожидаться, пока его противник наберёт достаточно сил и нанёс удар наотмашь своим огромным обоюдоострым топором. Но, к его удивлению, несмотря на то, что некроманта откинуло на несколько ярдов назад, видимых повреждений на тёмном маге не было. Не веря происходящему, военачальник армии орков и троллей решил проверить остроту на ближайшем существе подле него. Развернувшись, огр замахнулся своим топором и ударил своего ездового ящера. Голова ящера покорно заскользила на землю, по ровному и гладкому отрезу, что отделил тело от головы ровным разрезом без единой зазоринки. В тот же миг из раны хлынула темная, бардовая кровь, окропляя всё вокруг, в том числе и огра. С довольной улыбкой на обеих головах, огр развернулся обратно к своему противнику. Но, потеряв мгновения на проверку своего оружия, он не заметил, что его противник уже произвёл необходимые приготовления к битве.

Некромант же, наблюдая эту, на его взгляд, бессмысленную растрату времени и энергии, произвёл последние приготовления, поглотив всю окружающую его энергию смерти и страданий, сделал шаг в направлении Трог-Тара, или Трог-Вара, он не знал, кто из них преобладал в управлении телом. Сейчас, с каждым шагом Тревоора вокруг него расстилалась аура смерти, уничтожая всё подряд, ведь даже сама земля умирала, теряла свои полезные и магические свойства под шагом сильнейшего тёмного мага. Замахнувшись прямо вытянутой рукой, что не так давно стала скелетной, некромант сделал резкое, рассекающее движение в направлении огра, намереваясь закончить битву с ним одним мощным ударом, но носителя Хаоса было не так просто убить.

Получив сокрушительный, для всех смертельный удар, огр-маг, которого разорвало в области брюшины, отлетел к своему, уже мёртвому скакуну. И тут его поглотило то зерно, что тлело в его груди, распаляющее ненависть ко всему живому и существующему. Хаос, что поглощал его почти всё его существование, что исчислялось сотнями лет, что даже по меркам огров было крайне долго, наконец-таки обрёл полную власть над телом и сознанием своего носителя. Бьющееся в агонии тело и сознание Трог-Тара и Трог-Вара начала поглощать ярость, которая взяла верх над болью и апатией от смерти, превращая огра-мага в типичного носителя стихии первородной.

— ТЫ ДУМАЛ, ЧТО СМОЖЕШЬ УБИТЬ МЕНЯ, СМЕРТНЫЙ МАГ!?! — произнёс с унисон обеими головами, поднимаясь с земли. — Я — ПОСЛАННИК ВЕЛИЧАЙШЕГО И ПОВЕЛИТЕЛЕЙ ХАОСА, %?*\$, КОТОРЫЙ ПРИКАЗАЛ МНЕ ПОРАБОТИТЬ ЭТОТ И ДЛЯ НЕГО! И НИКТО НЕ СМОЖЕТ МНЕ ПОМЕШАТЬ!!!

С этими словами существо, что было огром, направилось в сторону тёмного мага, который начал интуитивно отступать, понимая и видя всю Силу, что сейчас шла на него, как огромная волна, накатываясь на маленький камушек. Замахнувшись, огр-маг нанёс удар своим топором, и несмотря на то, что между ними было ещё достаточно расстояния, удар достиг своей цели, откидывая некроманта назад, опрокидывая на землю. Поднявшись, Тревор почувствовал, что по его губам потекла кровь. Вытерев её быстрым движением руки, некромант поднялся с колен, выставляя перед собой всевозможные барьеры. Победить поглощённого Хаоса он уже и не надеялся. Сейчас Тревоора волновал вопрос выживания. В поисках лазейки для спасения, некромант осторожно отступал, надеясь на ошибку от огра-мага, но тот продолжал свой натиск нанося удар за ударом, после каждого из которых

рушился очередной барьер, поставленный некромантом.

И когда оставался последний барьер, время вокруг двух противников замерло, заморозив даже обладателя зерна Хаоса. Тревор мог шевелить лишь глазами, судорожно, уже с толикой ужаса, ища того, кто смог это сделать. На его удивление, ответ нашёлся довольно-таки быстро. Левее некроманта, на равноудаленном расстоянии между ним и огром, появилось облако мрака, которое не просвечивало и яркое солнце. Дымка, что появилась на поле боя, начала приобретать знакомые для тёмного мага очертания. Так, спустя десять ударов сердца на поле битвы появился представитель третьей стороны Сил, Кассэль, хранитель душ в царстве Даана.

Повернувшись к тёмному магу, помощница тёмного Бога посмотрела на него пронизывающим, мудрым и сожалеющим взглядом. Направив свой манускрипт в сторону Тревора, она заговорила:

— Повелитель мой, Бог мёртвых — Даан, решил, что тебе нужна помощь в этой битве. Он наблюдал за тобой, носитель смерти, и всегда верил в тебя и твоё дело, не взирая на то, что ты считал его своим врагом, как и брата его, Аорту. Но сейчас, встретившись с противником, которого ты не в силах одолеть, мой покровитель решил вмешаться, накрыв всё поля битвы покровом Тьмы изначальной, останавливая время, даруя нам шанс побеседовать. Однако сие вмешательство — последнее из прямых вмешательств Даана в Судьбу данного мира и больше он не сможет даже предстать перед тобой для беседы, ровно, как и ты перед ним. Силы, что стоят над Богами и Первыми наложили на него запрет, кой он не в силах нарушить, поэтому я сейчас явилась сюда, дабы передать тебе его последнюю волю.

Ты, сын Раана, столкнулся с противником, который тебе пока что не по силам, но даже так, ты решил вступить с ним в схватку, даже не понимая, что тебе не выйти победителем из неё. Ты недооцениваешь Хаос и это твоя главная проблема. Ты считаешь, что в силах противостоять первозданной стихии в одиночку, но даже не справился с малым её зерном в этом слабом создании. Но повелитель мой, Даан, знает, что, обретя свою истинную форму, что ты начал обретать, изучая Книгу Жизни, ты сможешь противостоять представителям Хаоса на равных. Но пока что ты не способен на это. Становись сильнее, Некромант, лишь так ты сможешь осуществить задуманное! А пока что ты слаб, я выполню последний приказ моего Бога, который касается тебя.

Произнеся это, Кассэль коснулась своего манускрипта и в свете ослепительной вспышки некромант оказался на горе, где стоял ранее, наблюдая за идущим по долине войском. Оглядевшись, и поняв, что время снова взяло свой ход в привычном русле, Тревор понял, что помимо него, помощница Бога отправила на гору и его учеников, что стояли сейчас подле своего учителя в полном недоумении. Посмотрев туда, где недавно они уничтожали объединённое войско троллей и орков, он увидел лишь купол непроглядной Тьмы, что погрузил во мрак всех в нём. К облегчению тёмного мага, в этой завесе Тьмы он перестал ощущать и присутствие Хаоса, поэтому Тревор развернулся от долины и произнёс коротко и просто:

— Нам пора, ученики. Это уже не наш бой.

И он открыл портал для себя и своих учеников, направляясь к себе в замок, чтобы обдумать то, что сказала ему Кассэль.

I

Олловин вышел из таверны, когда солнце уже стало клониться к горизонту, предвещая ночь. Но молодого воина это ни капли не смущало, ведь хозяин таверны снарядил его для любой ситуации. В заплечном мешке у мечника было несколько факелов, которые позволяли ему передвигаться даже в глухой ночи. Помимо них в сумке был запас провизии и воды на пару суток, но в них Олловин не ощущал нужды. Привыкший к жесткой дисциплине и системе наказаний в храме, юный воин научился сутками находиться без еды и воды, поддерживаемый лишь верой и молитвами. И пускай, теперь воин знал намного больше о том, какая судьба постигла его бога, он всё равно не переставал верить в то, что когда-нибудь всё наладится и Бог снова станет нести свет и радость всему живому в мире.

Двигаясь на восток, Олловин слушал мир вокруг, двигаясь хоть и быстро, но крайне осторожно. Идя по дороге, он не сводил глаз с горизонта, оттуда, где не так давно видел странные и пугающие ауры. По словам Аэгрона, это были прислужники Хаоса, и поэтому, им нужно было поспешить туда, дабы уничтожить этих представителей первостихии, пока не стало слишком поздно. К удивлению юного воина, ночь прошла крайне спокойно, ему не встретилось ни единой живой души, будь то человек или монстр. На рассвете, под уговоры своего призрачного наставника, юноша всё же решил сделать привал и прилечь поспать.

Закрыв глаза, Олловин уснул в тот же миг, не успев даже обдумать мысль о том, что ему делать дальше. Во сне он опять увидел ту же девушку, что и в таверне, которая стояла вся в крови, и что-то говорила ему, смотря прямо ему в глаза, не отрываясь. Её вид пугал юного воина, но за кровью и грязью скрывалась поистине красивая девушка, на столько, что он не мог оторвать взгляда. Но тут в его сон ворвался голос героя прошлого: «О, так вот о ком ты говорил мне. Теперь и я вижу её. И теперь я знаю, почему я её не видел в тот раз. Она, сама того не понимая, создала сильный барьер внутри ваших сознаний, не позволяя никому помешать вашей встрече. Но я, как и ты, не могу понять причину, для чего ей всё это нужно... Она странная и не понятная для меня одновременно, но в ней чувствуется что-то... Что-то знакомое и далёкое, я видел такое раньше... Дай пару минут вспомнить, и я назову это ощущение». С этими словами Аэгрон оставил Олловина вновь наедине с девушкой, которая что-то повторяла ему снова и снова, не двигаясь с места и не пытающуюся даже пошевелиться. Юноша продолжал взирать на это, находясь всё в том же шоке, не смея даже подойти к ней. Хоть он и понимал, что это был лишь сон, но юный воин боялся этой ситуации, ведь раньше он не сталкивался ни с чем подобным. За последние несколько дней, что длились не дольше двух ходов лун, некогда наивный и добрый парнишка узнал намного больше, чем за предыдущие года своей жизни и обучения в храме. И сейчас, стоя во сне напротив странно-сильной девушки, он боялся, хоть и жаждал узнать о ней больше. Олловин не знал, сколько прошло времени, прежде чем он решил прекратить это немое общение, и сделать шаг навстречу этой особе, но стоило ему поднять ногу в направлении движения, как тут же услышал своего сопровождающего: «Я вспомнил, мой юный друг. Эта девушка опаснее и страшнее, чем выглядит на самом деле. И возможно она и является причиной той ауры Хаоса, что мы видели с тобой. Дело в том, Олловин, что я видел эту силу, когда пытался бороться со злом и Хаосом в мире. И тогда подобная же девушка встретилась мне в городе культистов, как я тогда думал. В том самом, который Церковь приказала спалить

вместе со всеми жителями. И лишь одна девушка выжила. Девушка неопишуемой Силы, которая одним коротким движением руки уничтожила почти весь мой отряд, кроме меня, рыцаря Аорта и его жреца. Но, в отличии от нас, она смогла побороть свою злость, которую мы в ней вызвали, и успокоившись, вступила со мной в диалог, признав во мне командующего отрядом. Не смотря на предостерегающие речи моих уцелевших товарищей и их яростные протесты, я согласился на беседу с этой девушкой, потому что понимал, что одно её желание — и мы умрём так же быстро, как и наши товарище до этого.

Присаживаясь с ней около разведённого костра, я всё же поставил барьеры вокруг себя, хотя и понимал их бессмысленность. Однако, девушка поразила меня своей открытостью и глубиной. Она поведала мне, что вступила в наш мир за сотню лет до моего рождения и видела, как мир менялся, а с ним менялась и жизнь обычного народа. Видела, как Церковь изменилась и начала диктовать свои условия для всех живущих людей, накладывала вето на другие народы, запрещая им селиться в благоприятных условиях, либо за огромный налог.

Но самым интересным в её рассказе было то, что она поведала о своей сущности. Не боясь ничего и никого, девушка спокойным голосом сообщила мне, что является королевой драконов, одной из сильнейших порождений Хаоса в нашем мире. Поведала мне и то, что Повелитель плана, с которого она пришла, приказал ей, как и её народу, подготовить этот мир к поглощению, превращению в пищу для плана Хаоса, откуда она явилась. Но также, она призналась, что решила нарушить приказ своего хозяина, стоило ей только вступить в этот мир. Ей, по словам королевы драконов, понравился этот мир, его красота и свобода, чистота и грязь, она любила всё, что было тут, и чего в нём не было. Поэтому, она приказала своему народу жить в мире с этим миром, не разрушая и не убивая никого и ничего, ведь так и только так можно было бы сосуществовать с живущими в мире народами.

Именно так и образовалась легенда о величайшей мудрости драконов, которые всегда могли найти ответ на любой вопрос, который им задашь. Как призналась девушка-дракон, и в её народе не было изъянов, ведь кто-то из её детей предался алчности и жадности, грабя и разоряя города и деревни. На таких непутёвых драконов спустя несколько десятилетий началась охота, и хотя королеве драконов было не по нраву то, что её детей и подданных убивают за золото и бесполезные камушки, она ничего не предпринимала, ведь понимала, что её дети были виноваты сами.

Королева сказала мне, что решила создать город, в котором драконы, сумевшие приручить свою Силу и умеющие менять свой облик на человеческий, те из них жили в одном месте с людьми, эльфами и другими народами этого мира. И что теперь, она решила уйти из этого мира из-за того, что все её труды были уничтожены мной и моим отрядом Святой Инквизиции. И всё потому, что Церкви была не по нраву такая вольность народов, которые ей не подчинялись.»

Олловин, услышавший рассказ героя прошлого был поражён. Каждая история этого великого человека таила в себе много ужасающих событий, о которых умалчивали во всех рассказах о нём. Сейчас, смотря на эту девушку, страх юноши уступил место стыду. Стыду за эгоизм и властолюбие своего народа, который существовал за счёт того, что угнетал слабых и возвеличивал себе подобных. «Значит эта девушка — дракон?»: мысленно спросил Олловин у Аэгрона. «Я больше чем уверен в этом. Эта исходящая от неё Сила. Я не могу понять, откуда у меня было столь знакомое ощущение, но такую силу я ощущал лишь в двух

существах, встреченных мною при жизни: королева драконов и Древнейший дракон, который не подчинялся никому, даже королеве. Но она ещё не обрела своего полного могущества, и это настораживает, потому что по рассказам королевы драконов, они всегда вступают в этот мир в полной своей силе. Нам нужно срочно попасть в место, откуда идут потоки Хаоса. Иначе мы не узнаем ни одного ответа на множество вопросов, что возникают с огромной скоростью.»

Сразу после этих слов воина прошлого, молодой воин, как по команде открыл глаза и сел около потухшего костра. Посмотрев в сторону горизонта, Олловин раскрыл сумку и вытащил оттуда кусок хлеба и бутылку с молоком. Отзавтракав, молодой воин решил продолжить свой путь, надеясь добраться до места назначения в течении текущего дня и ночи. Идти по дороге он уже не видел смысла, потому что намеченная цель была много левее обхоженного тракта.

Ближе к полудню, пройдя по полю, засеянному цветами, юноша добрался до лесной чащи. Он не особо сильно пугался лесного массива, сколь бы густой он не был, однако, от леса веяло какой-то странной, необузданной и дикой силой. Лес выглядел крайне древним, глядя на него, у Олловина складывалось впечатление, что каждое дерево тут боролось до смерти за право получить солнечный свет. Именно из-за этой борьбы все деревья были столь уродливы, что были по-своему прекрасны, что притягивало столь же сильно, сколь и отталкивало аурой бессмысленной злости.

Вступив на территорию этой чащобы, юный воин почувствовал смрад разложения умерших деревьев и животных, застоявшийся воздух мешал дышать, превращая каждый шаг в суровейшее испытание на стойкость. Так, продираясь среди густой растительности, поваленных деревьев и дремучие заросли кустов, Олловин неустанно шёл в назначенном ему направлении, при необходимости прорубая себе дорогу своим мечом. Спустя несколько часов, юный воин добрался до поляны, что была посреди леса, выделяясь среди чащи своей пустотой и светом, ведь на её пределах ни росло не одного деревца. Она манила молодого человека, на столько сильно, что он не смог удержаться, направляясь в её сторону.

Олловин слышал, что Аэгрон взывал к его благорассудию, дабы он не шёл на столь манящую полянку, находящуюся посреди дремучего леса, ведь она не может появиться в этом месте просто так, но молодой воин не слушал его, идя к ней целенаправленно, будто неведомая сила тянула его туда. Дойдя до поляны, Олловина охватило чувство усталости, столь сильное, что он просто упал в высокую траву. И это была его ошибка.

Стоило голове юноши коснуться травы, как поляна наполнилась странным, громким скрежетом, какой издают сверчки по ночам, но в разы сильнее. Олловина это насторожило, он хотел подняться, чтобы осмотреться и быть готовым ко всему, но усталость и расслабленность не позволяли ему предпринять ничего, он был не в силах противиться этому наваждению, которое было с родни некой магии. Осознавая, что ему не справиться самому и своими силами, юный воин сумел перебороть наваждение ровно на столько, чтобы произнести слабым, сонным голосом:

— Аэгрон, помогите мне, прошу Вас.

В этот же самый момент тело юного храмового воина обрело былую прыть и упругость. В голове юноши прояснилось, сонливость ушла, и он разобрал то, что ему говорил голос героя: «Смотри мой юный друг, сейчас я покажу тебе, чем страшны такие леса. Этот скрежет принадлежит огромной сколопендре, грозе лесов».

Появившаяся из травы тварь выглядела ужасающе. Огромное, кольчатое тело было

покрыто бледно-серыми пластинами, по бокам от каждой из которых шли тоненькие, длинные лапки. На каждом из окончаний тела этого монстра были огромные, длинные усики-антенны, которые при каждом движении этого существа подергивались, ища хоть какие-либо движения в округе. Но более пугающей у неё была голова. Покрытая мелкими хитиновыми пластинками, что давали подвижности его глазкам и мощным ножницевидным челюстям. Но легендарного воина, взявшего под свой контроль тело юного, эта тварь ни капли не пугала. Он встречался с такими неоднократно и знал, как с ними бороться.

Сделав шаг назад, воин спровоцировал тварь на то, чтобы та стремительно напала, почувствовав раздражителя и опасность перед собой, после чего резким, крайне быстрым движением поднырнул под массивное тело огромной сколопендры. Когда существо по инерции пробежало мимо него, Аэгрон одним быстрым, чётким и мощным ударом отрубил пару лап этому огромному созданию, после чего отпрыгнул в сторону от неё, провоцируя на повтор предыдущего действия. Повторяя одну и ту же схему действий, воин прошлого, управляя телом Олловина, легендарный воин отрубил примерно половину лапок сколопендры, прежде чем та упала и не смогла продолжать больше безудержные попытки поймать столь назойливого раздражителя. Подойдя к лежащей сколопендре, воин воткнул свой меч, надавливая на него всем небольшим весом тела Олловина, протыкая мягкую плоть, которую стало видно между пластинками хитина, что были плотно посажены меж глаз твари. После нескольких мгновений усердного труда, сколопендра, издав последний, отчаянный скрежет, обмякла и развалилась на траве. И тут Олловин, сознание которого бодрствовало, понял, что усталость и утомление прошло, дав волю свежему, чистому воздуху, что был на поляне среди густой чащи леса.

Немного постояв над чудовищем, Олловин решил продолжить свой путь через лес, в направлении горы, где он видел следы ауры Хаоса, попутно выслушивая наставления о многогранном мире монстров и существ в мире и способах борьбы с ними. Так, незаметно для себя, и без других каких-либо особо опасных приключений, Олловин добрался до опушки леса, откуда открывался прекрасный вид на вулкан, который остро отличался от тех пейзажей, что он видел в лесу.

Голая, пустынная гора росла высоко в небо, поражая своими масштабами. Земля на горе была тёмного, почти чёрного цвета, который изредка разбавлял серый или белый налёт, который свидетельствовал о том, что тут когда-то всё же росли растения, которые были сожжены или же сгорели сами в следствии извержения. Юноша различал в горе множество отверстий, которые могли быть как туннелями, так и обычными пещерами, которые в свою очередь могли быть пристанищами различных тварей. Пока он размышлял об этом, внутри вулкана что-то произошло, озарив всю округу эманациями страха, ярости и Хаоса. И столь отчётлива была эта сила, что даже Олловин, не сведущий в магии понял, что это та самая аура, которую они с Аэгроном почувствовали в таверне.

— Мы прибыли, — произнесли в унисон молодой и легендарный воин.

II

Эллисиф шла по туннелю в направлении главного зала своего импровизированного дома, пытаясь уловить хотя бы какое-либо движение тех двух хаосистов. Но как бы она не старалась, сейчас она даже не чувствовала их присутствия рядом. Идущий подле неё Старший вампир был крайне тих, на столько, что не замечалось даже самого его существования. Он будто бы сливался с окружением, превращаясь в пустоту, которую заполняли всевозможные силы бушующие и находящиеся вокруг него. Но как бы вампир не

сливался с окружением, его выдавали волны отчаяния и волнения, что исходили от него с точной периодичностью, определяя биение его сердца.

— Госспожа, — произнёс полушёпотом вампир. — Мы должны быть осторожны. Я не ощущаю их, а мои дети не видят ни единого их проявления. Они словно испарились, не оставив даже остаточного следа.

— Не важно, Грушшак. — спокойным, мелодичным голосом ответила ему девушка-дракон. — Я знаю, что они появятся, стоит нам выйти на свет.

— На с-свет? — испугано произнёс Древний вампир. — Это очень плохо, моя госпожа.

— Почему это вдруг?

— Мы — вампиры. Нас назвали так люди, спустя пару столетий после того, как моё племя пришло вслед за первыми драконами в этот мир. Люди считали, что мы питаемся кровью, и из-за этого не выносим дневного времени суток, и именно поэтому мы якобы подвержены серебру, как дневному металлу. Но все они ошибались, ведь мы не переносили солнца лишь потому, что так было приказано нашей первой королевой, потому что изначальные наши тела вводили в ужас всех людей. Но за десятилетия и сотни жизни в тени и ночи, мы возненавидели солнечный свет и потеряли возможность выходить днём из тьмы. И это если более коротко.

— Вот, значит, как, — задумчиво произнесла Эллисиф. — Значит, выйдя к ним на свет, я останусь с ними одна против двоих. Ну ничего, пусть будет так.

— Моя Королева! Вы не понимаете всей опасности! — запротестовал вампир. — Вы не знаете, с кем Вы связываетесь! Лишь одни представители Хаоса способны скрывать своё присутствие, и это — личная гвардия любого из Повелителей! И она крайне опасна и сильна, возможно, даже сильнее Вас в нынешнем состоянии!

— Пусть так, — отрезала девушка. — Но это — мой мир и мои владения! И я не позволю никому их разрушить! А теперь, исчезни, раз ты такой трусливый!

Эллисиф сделала взмах рукой, и Отец всех вампиров послушно растворился в тени. Раздражённая после беседы со своим подчинённым, девушка шла вперёд столь целенаправленно, что складывалось впечатление, будто она могла пройти прямо сквозь стены, если бы те ей мешались. Исходящая волнами от неё Сила поражала яростью и мощностью, расходясь по всему вулкану, как цунами, топя под собой всех существ, кто выбрал его в качестве места своего обитания. Дойдя до края жерла вулкана, которое являлось главным залом её жилища, девушка решила обуздать свою злость и осмотреться.

Зал выглядел, как и раньше, будучи пустым. Эллисиф казалось, что он слишком пуст. Не было тут чего-то, что она не могла объяснить. Некого осознания и чувства того, что место было наполненным, создаваемое тем, что этот зал был центром, в который сливалось крайне много сил и магии, создавая пик концентрации, который теперь был пустым. Девушка-дракон не ощущала даже тех взглядов и теней, являющиеся младшими вампирами, которые всегда смотрели на неё со страхом и ненавистью, не ощущала даже жара от магмы, что просачивался даже сквозь пол, образованный базальтовой коркой.

Пытаясь противостоять накатившему ощущению опасности, Королева драконов всё же сделала шаг в сторону центра зала, будучи готова ко всему, что может произойти дальше. Так, шаг за шагом, девушка дошла до центра зала и стала ждать, когда же неизвестная пара появится. Ждать пришлось не долго: стоило Эллисиф остановиться, как подле неё появились две тени. Девушка попыталась рассмотреть одну из них, ту, что находилась ближе, но она видела лишь ореол из Силы, плащ, сотканный из Хаоса, столь плотного, что был явно виден

в обычном мире, если девушку не обманывало её новое, магическое зрение, с которым она ещё не разобралась окончательно. И всё же, созданий одного из планов извечных Повелителей окружала сильнейшая магия, которая настораживала девушку-дракона.

Нет, она не боялась. От чего-то, у Эллисиф было стойкое убеждение того, что она сможет либо продержаться до ночи, либо победить эту парочку в одиночку, но всё же девушка была крайне осторожна, не желая начинать бой первой. Но и двое не заставили себя ждать, хотя всё же, они смогли удивить и Королеву драконов. Шагнув в сторону своего противника одновременно, двое подняли правую руку вверх, указывая на Эллисиф, и тут по всему залу раздался голос. Представители Хаоса не открывали свои рты, не произносили не слова, но слова звучали сами по себе:

— ТЫ — ОДНА ИЗ ТЕХ, КТО ПРЕДАЛ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ! ТЕБЯ, КАК И ДРУГИХ ТИ ПОДОБНЫХ ТВАРЕЙ ПОСЛАЛИ СЮДА С ОДНОЙ ЦЕЛЬЮ: ПОДГОТОВИТЬ ЭТОТ МИР К ПОЛНОМУ ПОГЛОЩЕНИЮ И ПРЕВРАЩЕНИЮ В МАТЕРИЮ ХАОСА! НО ТИ ПРЕДКИ ПРЕДАЛИ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ, И РЕШИЛИ ОСТАВИТЬ ЭТОТ МИР ДЛЯ СВОИХ НАШ ХОЗЯИН НЕ НАМЕРЕН ТАКОЕ ТЕРПЕТЬ! МЫ — ЛИЧНАЯ ГВАРДИЯ ПОВЕЛИТЕЛЯ, И НАС, БЛАГОДАРЯ ГЛУПЫМ СОЗДАНИЯМ ДАННОГО МИРА, ПРИСЛАЛИ СЮДА, ДАБЫ ДОВЕРШИТЬ ТО, ЧТО ОТКАЗАЛИСЬ ДЕЛАТЬ ТЫ И ТВОИ ПОДОБНЫЕ ТВАРИ! ТЕБЯ ЖЕ, СЛАБЕЙШАЯ ИЗ КОРОЛЕВ, ПРИКАЗАЛИ УНИЧТОЖИТЬ! ПРИГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ, БЕСПОЛЕЗНАЯ ТВАРЬ!

Стоило этим словам прозвучать под сводами зала, как двое гвардейцев испарились столь же моментально, сколь и появились. Судя по всему, они не планировали биться честно, нападая из тени, когда ты этого не ожидаешь. Девушка была готова к чему-либо подобному, поэтому сейчас она решила попробовать сделать то, что неосознанно сделала ранее на этом же месте. Закрыв глаза, она попыталась сосредоточиться на том, чтобы выпустить свою энергию, заполнив ей округу, однако, у неё это не получалось, словно кто-то блокировал все её попытки. Но, обретя силы, пусть и не полные, дракона, Эллисиф знала, что она не осталась беззащитной, хотя, не наученная использовать свои природные силы, она всё же опасалась. Однако, ситуация была крайне неблагоприятная для Королевых драконов. Укутавшись барьером, который она поставила чисто интуитивно, взмахнув своей левой рукой над головой, очерчивая невидимый ореол вокруг себя, Эллисиф решила собрать все свои силы в одном месте, чтобы потом выпустить её в своих противников, надеясь закончить битву одним точным ударом.

Но подготовиться времени ей не дали. Стоило девушки укрыться барьером, как одна из теней появилась прямо перед лицом девушки и протянула свою руку, упираясь в барьер, давя на него с каждым тиком сердца всё сильнее и сильнее. Девушку это сильно дестабилизировало, прерывая её подготовку, нарушая ход её энергии, заставляя отвлекаться на Тень и её действия. А один из Гвардейцев не собирался останавливаться, продолжая попытки подавить силу барьера. Подняв уже вторую руку, он начал давить уже всем своим телом, прилагая к этому всю Силу, что была дана ему Повелителем. Используя её, у представителя Хаоса всё же получилось продавить охранный барьер, что был выставлен девушкой, после чего он резким движением приблизился к ней и нанёс резкий, сильный удар, направленный в грудь девушки-дракона. Не ожидавшая такого, Эллисиф отступила на пару шагов назад, уходя от прямого контакта со своим противником и не заметила, что позади неё появился уже второй представитель Повелителей. Потеряв свою концентрацию, для которой девушка и закрывалась барьером, она не заметила, что та из теней, что была

позади, стояла, подняв руку с кривым кинжалом в ней, что был направлен к ней не остриём, а лезвием, дабы не нанести серьёзный урон её здоровью, но причинить максимум боли. Порезав Эллисиф вдоль пояса, тень толкнула девушку на своего помощника, что так же стоял перед ней, дабы та ударила девушку кулаком в живот.

Не ожидавшая такого спонтанного, но всё же синхронного нападения, девушка, согнулась от боли в животе и пояснице, но даже так ей не дали отдыха Гвардейцы Хаоса. Решив, что сейчас самое время, тени начали избивать девушку, будто дети из деревни избивают изгоя-парнишку, который не был на них похож. Девушку бросало по сторонам зала, как листик на ветру, от силы и мощности ударов Гвардейцев. Доведя девушку до полубессознательного состояния, пара хаосистов прекратили истязания и подплыли к Эллисиф. Они стали изучать лежащую на полу девушку, будто ища что-то, что известно только им. Потом, застыв, они склонили головы, прямо как во время молитвы, уверенные в том, что они повергли тело и разум своего оппонента. Но девушка не зря была рождена Королевой драконов, ведь даже в таком состоянии она была крайне сильна, возможно даже сильнее обычного, ведь теперь в дело шло не её умение, а инстинкты и память предыдущих Королев.

Волна ярости охватила Эллисиф, да столь сильная, что девушка потеряла свою человечность, начиная превращаться в монстра, в котором частично проглядывались черты дракона. Рычание, поглотившее весь вулкан и пространство вокруг, заставило тени отступить на несколько шагов назад, так как волна Силы, исходящая в этот момент от девушки была крайне сильна. Но и Гвардейцы были не столь просты, как могли показаться. Переборов растерянность от всплеска Силы девушки, они не дали ей и возможности полностью преобразиться. Зная, что в этой форме она будет тратить больше Сил на регенерацию, они сделали единственное, что могло им помочь: Тени стали наносить удар за ударом по полулежащей девушке, намереваясь если не убить её, то хотя бы лишить большей части её сил.

Эллисиф была не в силах подняться, потому что удары по ней не прекращались ни на мгновение, причиняя дичайшую боль, ломая кости и разрывая плоть. Да, её раны заживали практически моментально, благодаря той энергии, что она выпустила из себя, но от боли её ничто не могло избавить. Из-за этой адской боли девушка не могла даже пошевелиться, каждый вздох давался ей с трудом, и всё, на что у неё хватало сил — это на крики дикой боли и отчаяния. Она чувствовала, что все, живущие в вулкане и его пределах, покидали свои обжитые места, ведь мало кто может выдержать рёва боли дракона, которого не просто убивают, а мучают, истязают, как раба перед продажей. Но даже так, девушка не могла отвлечься от этой раздирающей её боли, не могла закрыть сознание от пронизывающих уколов, которые разрывали её органы и кости, ведь Тени не собирались останавливаться.

Одна из них продолжала давить своей Силой Хаоса на девушку, второй нанося удары призрачными копьями, нацеливаясь на жизненно-важные органы девушки, надеясь всё же сломить волю к жизни у юного дракона. Второй же Гвардеец создал некое подобие призрачного лука, из которого он стрелял по рукам и ногам девушки, не давая той встать, либо пошевелиться. Однако, эти игры продолжались не долго. Наигравшись, верные слуги Повелителей, решили прервать мучения девушки-дракона, приняв решение на уничтожение её сущности. Один из гвардейцев приковал Эллисиф к базальтовому полу своей Силой и накрыл её паутиной, сотканной из магии, не позволяя ей даже пошевелиться. Продолжая удерживать девушку, Гвардеец взглянул на своего соплеменника в ожидании дальнейших

действий. Второй из них без лишних слов прекратил выстрелы из лука, махнув рукой, дабы тот растворился в воздухе, из которого появился. Подойдя к Эллисиф, он вытянул руку вперед, раскрытой ладонью вниз, в которой открылись миниатюрные ворота в Хаос. Гвардеец протянул руку во ворота, и начал вытаскивать из своего родного измерения предмет палача Первостихии. Медленно, дабы девушка смогла осознать свою участь, Тень вытащила из портала длинный двуручный меч, который, не смотря на размеры, она держала одной рукой.

Длиной около шести футов, меч представлял из себя длинный, широкий и прямой клинок из чёрного, неизвестного металла, который оканчивался гардой в виде бушующего пламени тёмно-фиолетового пламени, что даже в мече был живой, переливающийся тёмно-зеленым цветом. Эфеса меча не было видно, ведь он был покрыт серым, плотным туманом, который скрывал всю рукоять от гарды до навершия меча в виде глаза неизвестного, для мира Порядка, существа, который тоже был живым, в неопишуемой жадности осматривающий всё вокруг, вращаясь вокруг своей оси, ровно столько, сколь позволяет его расположение.

Перехватив меч поудобнее, Гвардеец отошёл на шаг назад от девушки и склонил голову, как при молитве. Спустя несколько тиков сердца, он поднял меч над своей головой, делая большой, уверенный замах перед казнью и схватился за эфес меча второй рукой. Замахнувшись, Тень сделала резкий, мощный удар, но к его удивлению, удар не достиг цели. Лезвие меча, которому, как считалось, ничто и никто не мог противостоять, сошлось с другим, более тонким и лёгким лезвием, которое остановило столь разрушительный удар, который поднял пыль даже в среде, где кроме базальта ничего не было.

Когда пыль осела, все в зале увидели, кто же смог остановить движение меча палача. За мечами находился молодой юноша, не более двадцати, в обычной, дорожной одежде и сумкой, что находилась на правом плече. Этот воин, что смог остановить одного из сильнейших представителей Хаоса, смотрел прямо на своего противника взглядом, в котором был виден опыт и умения, которые были неожиданные для воина, столь молодого возраста. Но даже так, по нему было видно, что он вкладывает всё своё умение и силы, чтобы удержать меч Хаоса. Повернув голову к девушке, которая начала потихоньку приходить в себя из-за спавшего давления истязателей и прокричал:

— Поднимайся! Живо! Нам не победить их! Не сейчас. Но мы ещё можем спастись! Все вопросы потом!

После этих слов у девушки появились новые силы, которые взялись из ниоткуда, сами по себе. Резким движением Эллисиф вырвала свои руки и ноги из оков, поворачиваясь в сторону второго Гвардейца Первостихии, который находился в замешательстве от противоборства своего товарища и неизвестного молодого человека. Вторая тень поняла, что девушка старается выпутаться из паутины, которой была укрыта, но было слишком поздно: девушка, воспользовавшись памятью своих предшественниц, Королева драконов выпустила струю дикого, жгучего пламени, которое обжигало всё, уничтожая даже души живых существ. Девушка не рассчитывала нанести хоть какой-то вред этому созданию, но она добилась нужного для себя эффекта: от неожиданности яростной атаки Эллисиф, Гвардеец отпрянул от неё в сторону, дабы ни один язык пламени не задел его.

Воспользовавшись заминкой обоих представителей Хаоса, молодой воин отскочил в сторону, заставляя своего оппонента потерять равновесие, после чего, не теряя скорости он рванул в сторону полулежащей девушки. Подбежав к ней, он схватил её руку и, резко дёрнув, поднял ту на ноги. Подняв девушку на ноги, он подставил своё плечо, дабы та смогла

опереться на него и повёл Эллисиф в сторону ближайшей пещеры, поддерживая и стараясь ускорить шаг. Добравшись до пещер, воин усадил девушку на пол, так, чтобы она оперлась о стену и, переведя дух, решил осмотреться вокруг.

— Их нет. Я их не чувствую поблизости. Надеюсь, они ушли.

— Спасибо тебе, — произнесла девушка тихим, усталым голосом. — Но кто ты? И как ты смог противостоять сильнейшим представителям Хаоса?

— Я — Олловин, один из воинов Первого храма Аорта. А на второй вопрос... Я не могу тебе ответить. Пока не могу.

— Тогда пойдём в глубь вулкана. Там у нас будет защита, чтобы мы смогли поговорить и отдохнуть, — произнесла девушка. — Кстати, я — Эллисиф. Приятно познакомиться с тобой, воин Олловин.

— И мне приятно от нашей встречи, — с поклоном произнёс Олловин.

Закончив беседу, девушка молча поднялась с пола и побрела, пошатываясь, в глубь пещеры, махнув в манящем жесте своему новому знакомому.

Так и начался путь Трёх. Путь тех, кому суждено было либо уничтожить, либо спасти мир. Мир, созданный из Хаоса нуждался в них больше, чем они в нём, ведь созданные из порядка, они не могли понять всей сложности и опасности Хаоса. Они начали свой путь, не зная целей, без особых причин, но в нужном пути. И теперь Олловин, Эллисиф и Тревор стали судьями и палачами этого мира. И от их решений зависели судьбы всех живых и неживых существ мира, в котором сошлись в борьбе три Силы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net